УНІАТСКІЕ
ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ
СЪ КОНЦА XVI ВѢКА
ДО ВОЗСОЕДИНЕНІЯ УНІАТОВЪ
СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ

СОСТАВИЛЪ
Священникъ Іоаннъ Стрѣльбицкій.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ОДЕССА.
Типо-хромолитографія Е. И. Феселко, Ришельевск., с. д. № 47.
1891.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать позволяется. 24-го іюля 1890 года.

№ 757. Цензоръ архимандритъ *Григорій*.

Мѣры, подготовлявшія унію.

> Одно только православіе прямо и честно заявило (на люблинской уніи), что ему будетъ не хорошо въ брачномъ союзѣ Литвы съ Польшею; но вѣрный голосъ его оказался какъ-бы неумѣстнымъ, потому что обѣ другія стороны (протестантство и латинство) запрятали свои религіозные счеты и выставили впередъ какъ будто только чисто гражданскіе интересы,—съ одной стороны интересъ Польши, съ другой — интересъ Литовскаго княжества (Кояловичъ, Любл. унія).

Событіе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ церковной уніи въ Брестѣ, было выработано и подготовлено предыдущей жизнію Польши и Литвы. Церковной уніи, какъ извѣстно, предшествовало нѣсколько гражданскихъ политическихъ уній, цѣлью которыхъ было укрѣпить государственный организмъ Польши и состоявшихся по проискамъ этой послѣдней, а не въ силу какихъ-нибудь народныхъ къ ней симпатій литовцевъ, или предполагаемаго національнаго единства литовскаго княжества и польскаго королевства. Таковы: унія, бывшая въ 1386 году при Ягеллѣ, Городельская унія 1413 г., Петриковская—1499 г. и, наконецъ, Люблинская—въ 1569 г. [1]). Всѣ онѣ были такого характера, что носили въ себѣ задатки разлада, ибо были только формальнымъ соединеніемъ двухъ народностей,—соединеніемъ, такъ сказать, de nomine. Въ частности, такимъ характеромъ заправлена была и Люблинская унія 1569 г.; но дѣло въ томъ, что со времени ея польское правительство становится въ особыя отношенія къ за-

падно-русскому народу, въ отношенія болѣе сильнаго и широкаго вліянія на западную Русь. Люблинская унія открыла свободныя двери въ Литву всѣмъ полякамъ. Съ этой точки зрѣнія, послѣдняя унія была замѣчательно твердымъ шагомъ осуществленія давно уже выхоленной идеи польскаго правительства о подчиненіи литовско-русскаго народа Польшѣ и вмѣстѣ шагомъ, приближающимъ этотъ народъ и его церковь къ той эпохѣ ихъ существованія, которая означилась въ 1596 г. крупнымъ переломомъ дотолѣшней церковно-религіозной ихъ жизни. Правда, унія была жестокимъ насиліемъ Польши и позорнымъ униженіемъ Литвы, была согласіемъ меньшинства и совершена съ большимъ усиліемъ со стороны Сигизмунда-Августа [2]); тѣмъ не менѣе она осуществилась, и Литва и Польша со времени ея начала составили Рѣчь посполитую. Но соединенныя формально двѣ народности не имѣли прочной внутренней связи, ибо были чужды другъ другу по самому важному въ жизни—по религіи. Литовско-русскій народъ исповѣдывалъ православную религію, а въ Польшѣ процвѣталъ католицизмъ. Нельзя, конечно, отрицать, что разновѣріе не можетъ препятствовать политическому развитію и укрѣпленію силъ двухъ народностей. Но дѣло въ томъ, что въ Рѣчи посполитой всегда практиковались искательства римскаго двора, съ цѣлію вытѣснить греческую религію изъ русскихъ областей и привить свои религіозныя начала. Виды Рима на русскую церковь, остававшіеся безуспѣшными въ продолженіи вѣковъ, съ 1569 г. стали приближаться къ желанному результату. Приверженность Польши къ Риму, засвидѣтельствованная всей ея исторіей, ручалась за осуществленіе желаній папскаго престола, а высокое положеніе польскаго духовенства, занимавшаго мѣста въ сенатѣ,—положеніе, съ котораго оно часто давало тонъ дѣламъ всего государства, увеличивало успѣхъ въ дѣлѣ латинизаціи литовско-русскаго народа.

Трудно рѣшить, какъ-бы далеко зашла эта готовность Польши служить Риму и насколько ускорила-бы тотъ переломъ жизни западно-русской церкви, который совершился въ 1596 г., если-бы въ концѣ первой половины XVI в. не явилось протестантство, нѣсколько измѣнившее, правильнѣе сказать, остановившее общее

теченіе дѣлъ въ Литвѣ и Польшѣ. Протестантство своею новизною обратило на себя вниманіе всего литовско-польскаго латинскаго духовенства и на время отвлекло его отъ латинизаціи западно-русскаго народа. Хотя польское правительство и сдѣлало распоряженія противъ протестантовъ, тѣмъ не менѣе замѣчательные успѣхи его до того шли быстро, что даже высшіе латино-польскіе іерархи не устояли противъ него, не говоря о низшемъ духовенствѣ, отъ перехода котораго въ протестантство замѣтно пустѣли монастыри и приходы [3]). Латинская церковь въ Польшѣ была въ печальномъ положеніи; о церкви русской у нея не могло быть и рѣчи. На дѣлѣ, однако, вышло совсѣмъ иное. Въ 1564 году, по приглашенію ученаго польскаго кардинала Гозія, архіепископа Вармійскаго, въ Польшѣ появились іезуиты и въ самое короткое время успѣли сдѣлать многое во вредъ протестантству. Такъ какъ реформаціонныя идеи развивались не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ, то виленскій бискупъ Валеріанъ Протасевичъ, для противодѣйствія кальвинскимъ и другимъ сектантамъ, пригласилъ достойныхъ учениковъ Лойолы и въ Литву (въ сентябрѣ 1569 г.). Здѣсь они прежде всего старались заслужить расположеніе народа, враждебныя чувства коего къ нимъ были имъ извѣстны. Для этого они выступали предъ народомъ въ самыхъ симпатичныхъ роляхъ безкорыстныхъ наставниковъ, ревностныхъ проповѣдниковъ, самоотверженныхъ подвижниковъ, благотворителей и т. д. Но и въ школѣ, и въ церкви и вездѣ, гдѣ можно было, на первомъ планѣ являлась истина латинства и нечестіе иновѣрцевъ. Этимъ послѣднимъ чаще и чаще давались чувствовать оскорбленія ихъ религіи какъ въ процессіяхъ и диспутахъ, такъ и въ проповѣдяхъ. Своими проповѣдями іезуиты возбуждали въ народѣ фанатизмъ къ защитѣ латинства. Въ этомъ отношеніи особенно прославились каноникъ Львовскій Петръ Скарга и Варшевицкій [4]). Это была одна сторона дѣятельности отцовъ іезуитовъ,—сторона, такъ сказать, демократическая. Болѣе тонкой и незамѣтной была аристократическая ихъ дѣятельность, сказывавшаяся, собственно, въ результатахъ.

Обладая ученостью, свѣтской выправкой и общественнымъ положеніемъ, іезуиты пролагали себѣ дорогу въ дома магнатовъ и вельможъ и тутъ со свойственнымъ имъ тактомъ проводили идеи латинства [5]). Результатомъ этой дѣятельности было то, что жаркіе поборники протестантства, каковы были, наприм., сыновья Радзивила Чернаго, извѣстный Левъ Сапѣга, Иванъ Ходкевичъ, Иванъ Чарторійскій, Самуилъ Сангушка, Заславскій и др., приняли католичество. Но, направляя свое искусство противъ протестантовъ [6]), іезуиты въ тоже время очень ловко забрасывали свои сѣти и на православныхъ. Сначала они стараются изучить православіе, измѣрить его силу, узнать его слабыя стороны и пока наступаютъ очень нерѣшительно. Но съ правленіемъ Стефана Баторія (1576 г.), дѣятельность іезуитовъ развивается при участіи самого польскаго правительства; іезуиты пріобрѣтаютъ въ немъ вѣрнаго поборника своихъ плановъ, защитника и покровителя. Желая объединить не легко примиримые элементы литовско-польскаго государства, Баторій полагалъ, что лучшимъ для этого средствомъ будутъ іезуиты, которые закрѣпятъ литовско-польскій союзъ распространеніемъ въ Литвѣ польскаго образованія и латинской вѣры. Поэтому онъ обласкалъ іезуитовъ и виленскую ихъ коллегію возвелъ на степень академіи. Видя на своей сторонѣ симпатіи народа и покровительство короля, іезуиты теперь смѣло выступаютъ съ своими латинизаторскими планами и по отношенію къ православнымъ. Но они встрѣчаютъ на этомъ пути глубокую преданность своей вѣрѣ, твердость убѣжденій православныхъ и потому неожиданную для нихъ невозможность совращенія русскихъ въ латинство. Для іезуитовъ, какъ извѣстно, не существовало преградъ. Если нельзя было прямо обратить въ латинство, то слѣдовало найти окольный путь къ цѣли. Этотъ путь и была церковная унія. Для нея-то надо было подготовить русскихъ, религіозныя качества которыхъ отчасти уже были извѣстны іезуитамъ. Задача не легкая, представлявшая много трудностей и преградъ, но обѣщавшая іезуитамъ благосклонность Рима и потому вдохновлявшая ихъ. Горячечная дѣятельность ихъ уве-

личивается еще болѣе положеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, какія совпадаютъ съ царствованіемъ Стефана Баторія.

Извѣстно, что война съ Иваномъ Грознымъ была очень выгодна для Польши и завоеванія Баторія ослѣпили его. Въ минуты блистательныхъ успѣховъ онъ мечталъ завоевать все московское царство. Иванъ Грозный, въ критическихъ обстоятельствахъ этой неудачной для Россіи войны, обратился къ папѣ съ ходатайствомъ—быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, давая понять своей просьбой, что для Рима отъ Россіи будутъ такія-же, если не большія выгоды, чѣмъ отъ Баторія какъ въ дѣлѣ союза противъ турокъ, такъ и въ дружественныхъ отношеніяхъ къ папѣ. Хотя Баторій и выслалъ уже папѣ планъ уніи, которую онъ распространитъ въ московскомъ царствѣ [7]), тѣмъ не менѣе просьба московскаго царя и іезуитамъ, и папѣ показалась надежнѣе и полезнѣе для латинства. Папскій легатъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ, тотчасъ получилъ изъ Рима приказаніе хлопотать о заключеніи мира между Баторіемъ и Грознымъ. Послѣдній къ этому только и стремился; когда же прекратилась война, не хотѣлъ и слышать объ уніи [8]). Когда надежды Рима и его агентовъ — отцовъ іезуитовъ на водвореніе уніи въ московскомъ государствѣ такъ неожиданно были уничтожены, то они тѣмъ болѣе обратили вниманіе на западную Россію. Здѣсь, по ихъ мнѣнію, должна быть сперва распространена унія, а отсюда ее можно пересадить и въ московское государство. «Поелику, говоритъ Поссевинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, вѣра московскаго государства прежде сего зависѣла отъ той части Россіи, которая нынѣ подъ державою польскаго короля, то весьма-бы способствовало къ обращенію московскаго народа, еслибъ епископы или владыки королевской оной Россіи присоединились къ католической церкви. О семъ-то усиленно надлежало-бы стараться» [9]). И дѣйствительно, старанія было приложено достаточно и, прежде всего, со стороны королевской власти. Баторій въ 1579 году отдалъ іезуитамъ во владѣніе всѣ русскія церкви и монастыри въ Полоцкѣ, основалъ коллегію и для ея содержанія пожаловалъ много селъ и имѣній [10]), а въ 1582 году открылъ такую-же коллегію въ Ригѣ. Кромѣ

этихъ двухъ, имѣли еще коллегіи въ Несвижѣ — имѣніи князя Николая Радзивила, основанную въ 1585 г., и въ Ярославлѣ (нынѣ мѣстечко Люблин. губ.), основанную еще въ 1571 г. Но самымъ важнымъ пунктомъ, такъ сказать, фокусомъ іезуитскаго просвѣщенія была, безъ сомнѣнія, Виленская академія, имѣвшая въ 1584 г. уже 54 іезуита и 700 воспитанниковъ [11]). Если принять во вниманіе, что, кромѣ перечисленныхъ нами, у іезуитовъ было еще много другихъ училищъ и семинарій, то понятны будутъ средства, какими могли располагать іезуиты. Дѣйствуя въ пользу своихъ плановъ при помощи школъ, науки и просвѣщенія, іезуиты издали много книгъ. Упомянутый нами Антоній Поссевинъ издалъ на русскомъ языкѣ нѣсколько сотъ латинскихъ катехизисовъ, которые предназначались для православныхъ. Въ 1581 г. въ Вильнѣ издано первое извлеченіе изъ подложнаго сочиненія Геннадія Схоларія — Апологіи флорентійскаго собора о происхожденіи Св. Духа, въ 1582 г. въ Римѣ на русскомъ языкѣ катехизисъ Петра Канизія, а въ 1585 г. въ Вильнѣ изданъ былъ переведенный съ латинскаго «Катехизисъ или наука всѣмъ православнымъ христіанамъ»; изданы были также сочиненія іезуита каплана Гербеста, Станислава Радзивила и многія другія [12]). Дѣятельнымъ сотрудникомъ Поссевина былъ іезуитъ Петръ Скарга. О волненіи по поводу его сочиненій между православными львовское братство писало даже константинопольскому патріарху [13]). Кромѣ печатнаго слова, іезуиты, какъ въ свое время въ средѣ протестантовъ, дѣйствовали на православныхъ и устнымъ способомъ. Не ограничиваясь проповѣдью, они разжигали религіозныя чувства народа открытыми состязаніями о предметахъ вѣры. Лучшіе люди того времени, какъ, напр., князь Курбскій, сознавали всю силу и значеніе этихъ диспутовъ и потому предупреждали своихъ уклоняться отъ нихъ или, если заставитъ необходимость, идти на диспутъ съ учеными [14]). Іезуиты старались заводить также братства и обратили кромѣ этого свое вниманіе на, такъ называемый, патронатъ.

Со свойственною имъ проницательностію іезуиты отлично понимали, что вся внѣшняя сила западно-русской церкви заключа-

ется въ патронатѣ, т. е. въ наслѣдственномъ правѣ православныхъ дворянъ благоустроять, обезпечивать и охранять извѣстный монастырь и церковь (jus donandi, jus praebenti, jus praesentandi и jus patronandi). Ясно было имъ, что вѣрный защитникъ православной церкви могъ-бы быть ихъ покорнымъ слугой, если подорвать въ немъ любовь къ православію и переманить на свою сторону; тогда права патроната для блага церкви стали-бы средствомъ для пользы латинства. Разсчетъ былъ вѣренъ. Къ несчастію православныхъ, нѣкоторыхъ изъ ихъ патроновъ уже коснулась направленная ловкой рукой іезуитизма латинизація и нераденіе о церкви явно сказывалось въ ихъ дѣйствіяхъ. Другимъ подспорьемъ для іезуитовъ было то, что въ русскихъ областяхъ въ числѣ патроновъ были поляки, конечно, вѣрные слуги Рима и братья отцамъ іезуитамъ по ремеслу [15]). Опираясь на эти средства, не безъ содѣйствія, конечно, королевской власти, іезуиты старались, гдѣ можно было, возводить на православныя каѳедры такихъ людей, которые по своимъ качествамъ могли-бы соотвѣтствовать ихъ цѣли. Такимъ образомъ, на православныхъ епископскихъ каѳедрахъ очутились такіе недостойные іерархи, какъ Ѳеодосій Лазовскій, епископъ Холмскій, потомъ—Брестскій, Іона Красенскій, епископъ Луцкій, Леонтій Пельчинскій, Діонисій Збируйскій и мног. др. [16]).

Заручившись въ высшей іерархіи православной церкви людьми, готовыми поддерживать дѣло латинизаціи, іезуиты перемѣняютъ образъ своихъ дѣйствій и пропаганду въ средѣ частныхъ людей переносятъ на почву жизни всей православной западно-русской церкви. Поводомъ къ этому послужило изданіе въ 1582 г. новаго григоріанскаго календаря. Этотъ случай далъ іезуитамъ возможность стать, какъ говорится, лицомъ къ лицу съ народомъ, узнать, какъ онъ мыслитъ, вѣритъ и относится къ своей вѣрѣ и церкви.

Булла папы Григорія XIII (отъ 13 февр. 1582 г.) о введеніи новаго календаря была для іезуитовъ и вообще ревнителей латинства весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ религіознаго сближенія православныхъ и латинянъ; нельзя было не воспол-

зваться имъ. Поэтому іезуиты выпросили у короля универсалъ, которымъ предписывалось ввести новый календарь во всемъ литовско-польскомъ государствѣ. Энергія, съ какою они приводили въ исполненіе приказаніе короля или, правильнѣе сказать, съ какою они взялись осуществлять предначертаніе собственныхъ плановъ, ибо іезуиты измѣнили смыслъ королевской грамоты, вызвала сильное волненіе въ народѣ. Народъ не могъ не видѣть въ поступкахъ іезуитовъ посягательства на свою вѣру и потому на введеніе календаря отвѣтилъ сильнымъ противодѣйствіемъ. Замѣчательно, что придавая на словахъ очень мало значенія введенію новаго календаря, чтобы тѣмъ легче склонить православныхъ къ этой quasi-незначительной для вѣры уступкѣ,— на дѣлѣ, за отказъ принять новый календарь, іезуиты запирали и печатали церкви. Поэтому-то впослѣдствіи православные и писали: «поелику римляне принятіе календаря почитаютъ дѣломъ маловажнымъ, говоря, что оно не есть догматъ вѣры и не относится ко спасенію, то имъ поэтому и нечего домогаться отъ насъ принятія его, и они не имѣютъ причины негодовать на насъ, если мы не угождаемъ имъ въ томъ, что они сами считаютъ маловажнымъ» [17]). Надо замѣтить, что западно-русскій народъ въ дѣлахъ вѣры всегда обращался за совѣтомъ къ константинопольскому патріарху. Теперь было тоже самое. Князь К. К. Острожскій написалъ патріарху Іереміи о новомъ календарѣ и просилъ наставленій; тотъ отвѣчалъ, чтобы православные твердо стояли за исчисленіе, установленное на первомъ вселенскомъ соборѣ [18]).

Мы не будемъ болѣе останавливаться на изображеніи борьбы народа съ іезуитами по поводу введенія новаго календаря, а перейдемъ къ тому, что вынесли іезуиты изъ этой борьбы. Въ столкновеніи іезуитовъ съ русскимъ народомъ сказалась въ послѣднемъ прежде всего та черта его, что онъ свято чтилъ старину, глубоко дорожилъ преданіемъ ея, охранялъ и берегъ ее, какъ священнѣйшее въ своей жизни. Посягнуть на отеческое преданіе—это значило задѣть жизнь народа, потому что преданіе лежало у него въ основѣ какъ частнаго семейнаго,

такъ и общественнаго быта. Поэтому-то въ перемѣнѣ лѣтосчисленія народъ видѣлъ измѣненіе своей вѣры, своей жизни. Онъ еще не зналъ, чего хотѣлось достигнуть перемѣной календаря, для него непонятны были латинизаторскія комбинаціи, руководившія поборниковъ католицизма, онъ зналъ только, что священная отеческая старина святотатственно измѣняется, терпитъ отъ нововведеній и требуетъ защиты. Полагая въ ней основу своей жизни, народъ черпалъ изъ нея же право ея защиты и мы увидимъ въ исторіи уніатскихъ соборовъ, что онъ никогда не выхоходилъ изъ круга отеческаго преданія и внѣ его не искалъ опоры для своихъ правъ и требованій въ области церковной жизни [19]). Эта черта западно-русскаго народа стала ясной поборникамъ латинства въ попыткѣ сблизить православныхъ съ католиками. Не могли они также не замѣтить и того высокаго уваженія къ авторитету восточныхъ патріарховъ, какое западно-русскій народъ всегда оказывалъ имъ, обращаясь въ затруднительныхъ случаяхъ за наставленіями и совѣтами. Іезуитамъ, а съ ними и всѣмъ ревнителямъ латинства, стало очевидно, что дѣло окатоличенія русскаго народа не можетъ имѣть успѣха, если начало его полагать въ жизни народа, что послѣдній слишкомъ крѣпокъ въ своей преданности старинѣ, чтобы колебать въ немъ вѣру въ нее, что, слѣдовательно, надо искать другаго пути для уніи западноруссовъ съ Римомъ. Если этотъ путь лежитъ въ средѣ народа, то, по разсчету іезуитовъ, какъ оказалось впослѣдствіи, весьма правильному, слѣдуетъ его искать въ средѣ высшихъ представителей православной церкви. Для этого необходимо прежде всего ослабить уваженіе къ авторитету константинопольскаго патріарха, чтобы тѣмъ легче замѣнить его въ дѣлѣ уніи авторитетомъ папы и найти людей предубѣжденныхъ противъ патріарха и болѣе склонныхъ видѣть во главѣ церковнаго управленія западно-русской церкви вмѣсто него папу [20]).

Въ бѣгломъ взглядѣ на внѣшнее состояніе народа, его пастырей и церкви мы покажемъ, какъ достигался этотъ планъ людей, подготовлявшихъ унію.

Каково было внѣшнее положеніе западно-русскаго народа предъ Брестскимъ соборомъ 1596 года? Положеніе его было очень незавидное, чтобы не сказать болѣе. Уже Люблинская унія, имѣвшая въ своихъ послѣдствіяхъ преобладаніе польскаго вліянія во всѣхъ дѣлахъ западно-русскаго народа, не обѣщала ему спокойнаго будущаго. Демократическое православное населеніе юго-запада, строго державшееся племенныхъ началъ, восточнаго православія и преданій старины, не гармонировало съ латинскими аристократами, своими сосѣдями, въ жизни которыхъ на первомъ планѣ были начала запада и тяготѣніе къ Риму. Чего могъ ожидать западно-русскій народъ отъ магнатовъ Рѣчи посполитой? Онъ могъ ожидать всего, но очень мало хорошаго для себя. Деспотизмъ, попраніе личныхъ правъ и свободы, притѣсненія разнаго рода—вотъ что дала ему Люблинская унія вмѣсто законныхъ привиллегій равноправности посполитства. Выгоды сильныхъ насчетъ слабости бѣдняковъ и бѣдствія послѣднихъ обокъ съ польскимъ магнатствомъ—вотъ знаменатель, къ которому подводилось матеріальное состояніе западно-русскаго народа. Въ общественномъ отношеніи—это было bydło, по выраженію магнатовъ. Вѣра его—это chłopska wiara, по мнѣнію тѣхъ же магнатовъ, стоящая ниже всякой критики[21]). Вообще надо замѣтить, что тогдашнему состоянію западно-русскаго народа трудно отыскать въ исторіи параллель. Какъ будто нарочно эпоха эта избрана для того, чтобы живописать жизнь народа одними только черными красками. Состояніе религіознаго просвѣщенія и нравственности народа было, за малыми исключеніями, почти таково же, какъ матеріальное и общественное его положеніе. Носители религіи, пастыри западно-русскіе, не могли оправдывать своего назначенія. Правда, было не мало причинъ, такъ или иначе подрывавшихъ отеческое попеченіе пастырей о своихъ пасомыхъ, сильна была польская пропаганда, тушевавшая усердіе лучшихъ изъ нихъ[22]), но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни къ мѣсту это случилось, видѣнъ былъ упадокъ пастырскаго служенія.

Религіозное просвѣщеніе было въ упадкѣ, потому что священники православные сами были люди темные, не ученые,

занимавшіе священническія мѣста прямо изъ мельниковъ да лакеевъ магнатовъ и всецѣло зависѣвшіе отъ нихъ [23]). Что могъ сдѣлать такой пастырь для пасомыхъ своими, напр., проповѣдническими трудами въ то время, когда диспуты и проповѣди іезуитовъ имѣли такихъ авторовъ и ученыхъ, какими были Антоній Поссевинъ и Петръ Скарга? [24]) У православныхъ едва начиналось знакомство съ наукою и школою, а латинство, какъ мы видѣли, владѣло уже десятками коллегій. Православные священники едва умѣли читать, а іезуитамъ знакомы были всѣ тонкости латинской казуистики.

Что касается православныхъ монастырей, то отъ нихъ церковь также не могла ожидать многаго для себя. Монастыри, въ другое время лучшіе разсадники религіознаго просвѣщенія, образцы вѣры и нравственности, въ изображаемый нами періодъ теряютъ свое высокое значеніе и назначеніе для жизни народной. Духъ времени проникъ и въ эти укромные уголки свѣта православія и тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ забота о помѣстьяхъ, о земляхъ и т. п. [25]). Если на священническія мѣста паны назначали кого нибудь изъ своей «челяди», то короли-латиняне отдавали монастыри людямъ, далеко не соотвѣтствовавшимъ своему назначенію [26]). Начальствовали въ нихъ свѣтскія лица, а то въ одно и тоже время было два начальника, имѣвшіе право поставлять отъ себя намѣстниковъ. Само собою разумѣется, жизнь и благосостояніе монастырей сильно терпѣли отъ такой неурядицы [27]). Богатыя помѣстья монастырей, поступая въ пользу ихъ настоятелей и оплачивая разныя повинности [28]), разорялись; заботы о поддержкѣ монастырей не было; монашество менѣе всего удовлетворяло своему призванію. Все это не могло не ослабить ревности и усердія православныхъ къ монастырямъ. Число монастырей поэтому уменьшалось, новые строились рѣдко и значеніе ихъ падало все болѣе и болѣе [29]). «Въ монастыряхъ честныхъ, писали галицко-русскіе православные дворяне кіевскому митрополиту Онисифору, вмѣсто игуменовъ и братіи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ, и церквами святыми владѣютъ и радятъ; съ крестовъ великихъ малые чинятъ и съ того што было Богу чести

и хвалѣ подано, съ того святокрадьство учинено и себѣ поясы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотямъ направуютъ, и изъ ризъ саяны, съ петрахилевъ—брамы»[30]).

Каковы были православные іерархи того времени, можно видѣть изъ того, что ими не были люди, готовившіеся къ этому высокому сану. Епископомъ могъ быть всякій дворянинъ, чѣмъ-либо заслужившій вниманіе и милость короля или получавшій отъ него грамоту на епископство по проискамъ магнатовъ. Епископскія каѳедры въ рукахъ короля, за неимѣніемъ другихъ средствъ, были источникомъ, которымъ оплачивались заслуги магнатовъ, а въ рукахъ послѣднихъ онѣ были ни болѣе ни менѣе какъ статьей дохода и наживы. Случалось и такъ, что имѣнія извѣстной епископской каѳедры заполучали два лица вмѣстѣ и тогда споръ между этими нареченными епископами рѣшался въ жаркой баталіи ихъ слугъ, при чемъ епископская резиденція бралась приступомъ. Въ этихъ схваткахъ нерѣдко участвовали и сами нареченные епископы. Раньше мы упоминали имена епископовъ, съ правленіемъ которыхъ западно-русская православная церковь соединяетъ черныя страницы своей исторіи. Всѣ они имѣли образцомъ своей жизни жизнь польскихъ магнатовъ съ ея великосвѣтской обстановкой, съ ея замками, охраннымъ войскомъ и т. д. Это были настоящіе вассалы, занимавшіеся разбоемъ и грабежами, а не дѣлами паствы[31]). Да и могла ли имѣть мѣсто забота о паствѣ при такомъ порядкѣ вещей? Не преувеличивая можно сказать, что православные переносили столько же обидъ и насилій отъ своихъ епископовъ, сколько и отъ польскихъ магнатовъ. Вмѣсто поддержки православія, много терпѣвшаго отъ корелей, магнатовъ и іезуитовъ, и въ силу этого день ото-дня терявшаго своихъ чадъ во всѣхъ слояхъ общества, вмѣсто поддержки, говоримъ, въ управленіи епископовъ замѣчается характеръ деспотизма по отношенію къ пасомымъ, равнодушіе къ интересамъ церкви, а то прямо дѣйствованіе за одно съ польскимъ правительствомъ. Православные епископы печатаютъ церкви, запрещаютъ богослуженіе и т. п.[32]). Отчета въ своихъ дѣйствіяхъ они никому не отдаютъ, да правду говоря, и

некому было отдавать его. Митрополиты жили такъ, какъ будто у нихъ не существовало болѣе обязанностей, какъ только заботы о собственныхъ выгодахъ. Только изрѣдка они проявляютъ блѣдную въ виду тогдашняго состоянія православной церкви дѣятельность[33]). Таковы были Сильвестръ Белькевичъ, Іона Протасевичъ и Илія Куча. Что касается правленія митрополита Онисифора (Дѣвочки), то для характеристики его дѣятельности мы обращаемся къ грамотѣ галицко-русскихъ дворянъ къ митрополиту, писанной въ 1585 году изъ Варшавы. «Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако в. м. не заботился о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять... Во время пастырской вашей милости довольно всего злого въ нашемъ законѣ сталось: насилія святыни, замыканіе св. таинъ, запечатаніе церквей, запрещеніе звонить, выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ и какъ будто бы злодѣевъ сажаютъ ихъ въ тюрьмы, а мірскимъ людямъ запрещаютъ въ церквахъ Божіихъ молиться... Но этого мало: рубятъ кресты святые, захватываютъ колокола въ замокъ, отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ и еще в. м. листы свои открытые противъ церквей Божіихъ жидамъ на помогу даешь... Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы... Но что еще хуже—в. м. поставляешь однихъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи твоей, что и правила запрещаютъ, вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтокъ плодятъ... и другихъ, и другихъ, и другихъ бѣдъ великихъ и нестроенія множества! [34]). Таково было состояніе православной церкви предъ уніею 1596 года.

Но это была, такъ сказать, одна сторона медали. Посмотримъ на другую. Видя несостоятельность пастырей въ дѣлѣ своего призванія, видя бѣдствія, переживаемыя церковью, неся и въ собственной жизни крестъ долгихъ страданій, западно-русскій народъ становится ближе къ кормѣ церковнаго управленія, хочетъ самъ принять участіе въ немъ, сбросить съ себя пассивную роль наблюдателя. Оскорбленная честь и разочарованіе въ собственныхъ руководителяхъ вызываютъ къ дѣятельности теплившіяся

въ глубинѣ его души силы; дѣйствія іезуитовъ раздуваютъ это пламя народной дѣятельности. И вотъ православныя братства [35]), имѣвшія до сихъ поръ заботой только внѣшнее благолѣпіе церкви, расширяютъ по отношенію къ ней свою попечительность. Теперь они стараются поднять внутреннюю власть церкви, возвысить ея вліяніе на народъ и тѣмъ защитить свою вѣру отъ подтачивавшаго ее все болѣе и болѣе іезуитизма и католичества. Но раны, нанесенныя пропагандой іезуитовъ, были очень велики. Онѣ коснулись не только жизни народа, но и высшихъ іерарховъ, слѣдовательно, братствамъ предстояла трудная задача исправить недостатки самихъ пастырей. Но для этого необходимо было законное право, которымъ братства не владѣли. Правда, въ этомъ, такъ сказать, коллективномъ патронатѣ были членами высокія лица, сильныя своей властью, но все таки не имѣвшія права законно контролировать іерарховъ и исправлять ихъ. Въ этомъ случаѣ братствамъ незамѣнимую услугу оказали восточные патріархи. Такъ, въ 1586 г. антіохійскій патріархъ Іоакимъ, во время пребыванія своего въ Галиціи, по порученію патріарха константинопольскаго Іереміи II, далъ львовскому братству грамоту, въ силу которой за нимъ признавалось право наблюденія не только за мірянами и священниками, живущими не по закону Божію, но и за поведеніемъ своего епископа[36]). Въ 1588 г. тоже самое сдѣлалъ уже самъ патріархъ Іеремія для виленскаго братства [37]), а львовскому братству далъ при этомъ право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ себя [38]). По этому праву жизнь и дѣятельность братства опредѣлялась однимъ только патріархомъ и хотя братство подлежало власти митрополита, но только какъ власти патріаршаго экзарха. Такимъ правомъ пользовались и другія братства, какъ напр., смоленское[39]). Съ этихъ поръ дѣятельность львовскаго братства простирается на все пространство юго-западной церкви и ему поручается наблюденіе за монастырями, церквами, епископами, священниками и мірянами церкви [40]). Такимъ образомъ, недостающее братствамъ законное право исправленія жизни церкви было удовлетворено константинопольскимъ патріархомъ и одиночное, личное сознаніе лучшихъ людей неудовлетворительности текущаго поряд-

ка жизни, соединенное въ братствахъ, придало церковному управленію характеръ общинный. Братства принимаютъ на себя трудную задачу обновленія жизни западно-русской церкви и не выступаютъ одни въ своей дѣятельности; значеніе силы братствъ было понято также литовско-русскими патронами и они, дѣйствуя до сихъ поръ отдѣльно, примыкаютъ теперь къ братствамъ такъ, что дѣятельность ихъ сливается съ дѣятельностію братствъ. Во главѣ братствъ и патроната стоитъ знаменитый поборникъ православія, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Дѣятельность братствъ въ ближайшее къ уніи время представляетъ такое явленіе въ жизни западно-русской церкви, равнаго которому мы не встрѣчаемъ въ ея прошломъ. Пробудившіяся силы народа старались наверстать духовное усыпленіе прежняго времени и порывъ ихъ дѣятельности разрѣшился какъ нельзя лучшими для разсматриваемаго періода жизни церкви послѣдствіями. При братствахъ появились училища, напр., виленское, острожское, львовское; поднялось духовное просвѣщеніе, стали издаваться книги. Попеченіемъ кн. Острожскаго въ 1580 г. издана была первая Библія на славянскомъ языкѣ въ г. Острогѣ, а въ Вильнѣ (въ 1581 г. и слѣд. годахъ) изданы были псалтырь, октоихъ, служебникъ и пр. [41])

Такимъ образомъ, рядомъ съ чернымъ, непригляднымъ состояніемъ западно-русской церкви въ данное время мы видимъ и свѣтлыя стороны ея жизни. Въ противовѣсъ іезуитизму и католичеству выступаетъ дѣятельность братствъ, навстрѣчу безпорядкамъ и злоупотребленіямъ, произведеннымъ въ православной церкви поборниками латинства, въ ней-же самой занимается заря новаго порядка жизни. Все это ясно показываетъ, что православная церковь еще не такъ слаба, какъ это можно было-бы предполагать въ виду испытанныхъ ею бѣдствій, что ея силы, надламывавшіяся въ продолженіи долгаго времени, какъ-бы по сговору короля съ его латинскимъ посполитствомъ и іезуитами, еще очень живучи, что унія—ключъ страданій православной церкви и источникъ вдохновенія поборниковъ латинства—будетъ имѣть

упорное противодѣйствіе себѣ, такъ какъ подготовленные ревнителями уніи безпорядки въ западно-русской церкви не суть еще залогъ ея успѣха [42]).

Дѣйствія іезуитовъ и вообще поборниковъ латинства, вызвавшія лучшій порядокъ жизни западно-русской церкви къ 90 годамъ XVI. в., дали имъ возможность любоваться прекрасными цвѣтами своихъ трудовъ; осталось, повидимому, сдѣлать немногое, чтобы воспользоваться и самыми плодами ихъ. Обстоятельства содѣйствовали тому. Въ средѣ православныхъ къ этому времени ярко обозначились двѣ партіи. Одна изъ нихъ, чтобы остаться вѣрной религіи предковъ, готова была на всякую жертву для православія, другая, которую продолжительная религіозная борьба утомила, согласна была ради выгодъ на всякія сдѣлки съ латинствомъ. Къ первой партіи, какъ мы видѣли, принадлежалъ народъ, лучшіе представители бѣлаго духовенства и патроны; ко второй—нужно отнести, какъ ни страннымъ это кажется, членовъ высшей церковной іерархіи [43]). Въ этой послѣдней іезуиты вмѣстѣ съ польскимъ правительствомъ, во главѣ котораго, кстати замѣтимъ, стоялъ Сигизмундъ III, креатура ихъ-же самихъ, и нашли людей, пригодныхъ для осуществленія послѣдняго пункта цѣли ихъ стремленій.

Посмотримъ, что выдвинуло такихъ людей и заставило ихъ измѣннически попрать свою религію, какое содѣйствіе оказало этимъ новымъ ревнителямъ уніи въ ихъ дѣлѣ польское правительство, какъ отнеслись къ нимъ другіе іерархи православной церкви и вообще какъ велось дѣло уніи, разрѣшившееся Брестскимъ соборомъ 1596 г.?

Въ 1589 году, по приглашенію великаго ревнителя православія, князя Острожскаго, константинопольскій патріархъ Іеремія II прибылъ въ подвѣдомственную ему западно-русскую церковь для исправленія увеличившихся въ ней безпорядковъ. Первое, что сдѣлано патріархомъ, было низложеніе митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и назначеніе на его мѣсто минскаго архимандрита Михаила Рагозы [44]), на что и выданы были послѣднему двѣ грамоты короля отъ 27 іюля 1589 г. [45]). Кромѣ этого,

какъ мы видѣли, патріархъ утвердилъ братства, низложилъ настоятеля Супрасльскаго монастыря Тимоѳея Злобу, виновнаго въ убійствѣ [46]) и, что очень важно, желая имѣть вполнѣ довѣреннаго себѣ человѣка, избралъ своимъ экзархомъ западно-русской церкви Луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго [47]), очень ревностнаго и достойнаго тогда іерарха. Казалось, патріархомъ сдѣлано все, что можно было сдѣлать добраго, чтобы доставить жизни церкви порядокъ и благоустройство. Низложеніе митрополита-двоеженца и назначеніе новаго, котораго, какъ говорилъ Сигизмундъ, «панове рада и рицарство великаго княжества Литовскаго» избрали, были дѣйствіями очень благодѣтельными, потому что уничтожали соблазнъ въ церкви и дали ей главой одного изъ лучшихъ людей того времени. Права, наданныя братствамъ, особенно права ставропигіи, были тоже очень кстати; съ ними братства расширяли свою дѣятельность. Учрежденіе должности экзарха было дѣломъ необходимымъ. Патріарху, жившему вдали отъ Россіи, нужно было имѣть хоть одного близкаго человѣка. Такимъ образомъ дѣйствія патріарха, говоримъ, были очень благопріятны для западно-русской церкви. Между тѣмъ въ нихъ-же крылась одна изъ причинъ, ускорившихъ принятіе уніи западно-русскими іерархами. Должность экзарха была новою въ западно-русской церкви; съ нею соединялась власть бо́льшая той, какую имѣлъ митрополитъ, такъ что учрежденіемъ экзархата патріархъ явно давалъ знать митрополиту, что онъ ему не довѣряетъ. Въ самомъ дѣлѣ, патріархъ далъ Терлецкому такую-же грамоту, какую далъ гораздо раньше митрополиту [48]). Послѣдній не могъ не видѣть, что отъ него отнимается власть, или, по крайней мѣрѣ, она умаляется. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ поступокъ патріарха былъ оскорбленіемъ для митрополита и не могъ не подорвать въ послѣднемъ хорошихъ отношеній къ первому. Если-же принять во вниманіе, что патріархъ еще при поставленіи Михаила [49]) высказалъ свое сомнѣніе въ немъ, то будетъ ясно, почему митрополитъ не хотѣлъ пополнить расходовъ, понесенныхъ патріархомъ въ Литвѣ. Пусть даже въ послѣднемъ случаѣ будутъ имѣть мѣсто своекорыстные виды митрополита, а не личное его неудовольствіе про-

тивъ патріарха, все-таки отношенія между ними были уже ненормальны. А это было очень важно для враговъ западно-русской церкви. Учрежденіе братствъ и надѣленіе ихъ правами ставропигіи, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ дѣйствій патріарха, хорошо понявшаго положеніе дѣлъ въ западно-русской церкви. Но не такъ понимали дѣло западно-русскіе іерархи [50]). Они видѣли въ братствахъ нарушеніе своей власти и за учрежденіе ставропигіи негодовали на патріарха [51]). Это неудовольствіе, происходившее, конечно, отъ того, что ставропигіальныя братства имѣли право контроля дѣйствій епископовъ, увеличивалось еще врагами православія, употреблявшими всѣ мѣры, чтобы представить дѣйствія патріарха хоть сколько-нибудь неблаговидными, а положеніе епископовъ безвыходнымъ. Обвиняли патріарха въ вымогательствѣ [52]), подносили ему, какъ незнающему славянскаго языка, для подписи незаконныя грамоты, что дѣлалъ даже Львовскій епископъ Гедеонъ [53]) и, вообще, старались ослабить въ глазахъ православныхъ авторитетъ константинопольскаго патріарха и выставить на видъ безуспѣшность его дѣйствій въ западно-русской церкви.

Таковъ былъ путь, которымъ проводилось въ сознаніе народа предубѣжденіе, что зависимость православной церкви отъ патріарха мало приноситъ пользы, что патріархъ самъ служитъ причиною безпорядковъ [54]) въ ней и что, наконецъ, залогъ лучшаго будущаго церковь можетъ найти только въ *соединеніи съ Римомъ*. Эти идеи уснащались большими обѣщаніями и наградами тѣмъ людямъ, которые возьмутся уладить дѣло уніи. Текущую-же дѣйствительность поборники латинства постарались обставить всеобщимъ притѣсненіемъ. Церковь терпѣла отъ всѣхъ, кто только могъ оказать услугу латинянамъ въ этомъ отношеніи [55]). Заманчивость будущаго чувствовалась еще сильнѣе при горечи такого настоящаго. И эта горечь имѣла за собой рядъ бѣдствій двухъвѣковаго періода жизни церкви. Само собой понятно, что ловко подведенныя пружины іезуитизма привели многихъ къ мысли — положить конецъ этимъ бѣдствіямъ, купить миръ принятіемъ уніи.

И дѣйствительно, первый, кто высказалъ мысль объ уніи, былъ человѣкъ, перенесшій на себѣ всю тяжесть борьбы съ латинствомъ [56]) и (не безъ навѣта тѣхъ-же поборниковъ латинства) плохо понимавшій благодѣтельное значеніе братствъ. Это былъ львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ. Недовольный патріархомъ (патріархъ осудилъ Гедеона за преслѣдованія братства [57]) еще въ 1587 году и теперь поручилъ митрополиту и экзарху наблюдать за нимъ) и ведя постоянную борьбу съ львовскимъ братствомъ-ставропигіей патріарха, Гедеонъ нѣсколько разъ говорилъ объ уніи въ благопріятномъ для защитниковъ ея смыслѣ, но говорилъ о ней только какъ *о средствѣ* выйти изъ своего стѣсненнаго положенія.

Но Гедеону не суждено было пойти далѣе открыто выраженной симпатіи къ уніи. Привести ее къ желанному для латинянъ концу выпало на долю человѣка, которому менѣе всего это было прилично,—экзарху западно-русской церкви Кириллу Терлецкому [58]).

Терлецкій былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ и Болобанъ. Если послѣдній велъ борьбу съ латинствомъ и львовскимъ братствомъ, то Кириллъ много терпѣлъ отъ луцкаго правителя Александра Семашки [59]), отъ своихъ пасомыхъ и отъ родни бывшаго его предмѣстника, епископа Красенскаго [60]). Надо замѣтить, что хотя положеніе этихъ людей было одинаково, но они не были друзьями. Гедеонъ, какъ извѣстно, оклеветалъ Кирилла предъ патріархомъ [61]), а Кириллу поручено было наблюдать за Гедеономъ. Какъ у того, такъ и у другаго были свои причины къ взаимному неудовольствію. Между тѣмъ случай сблизилъ ихъ. Кириллъ, чтобы уладить свое дѣло о нападеніи его слугъ на патріаршаго протонотарія Григорія [62]), прибылъ къ митрополиту. Прибылъ сюда также и Гедеонъ по дѣлу о новыхъ правахъ, данныхъ львовскому братству. Здѣсь они примирились, высказавъ другъ другу свои неудовольствія противъ патріарха и рѣшили собрать частный соборъ въ Бельзѣ [63]), уговаривая и митрополита пріѣхать туда-же. Хотя послѣдній, не менѣе предубѣжденный противъ патріарха, ничего не имѣлъ противъ частнаго собора,

однако, въ виду участія мірянъ въ дѣлахъ церкви, необходимо было созвать открытый соборъ и вмѣсто Бельзы митрополитъ назначилъ его въ Брестѣ [64]). Это однако не смутило Кирилла и Гедеона, и они еще съ двумя епископами — пинскимъ Леонтіемъ Пельчицкимъ и холмскимъ—Діонисіемъ Збируйскимъ, собрались въ 1590 году въ Бельзъ [65]). Прикрывая свои совѣщанія относительно уніи, собравшіеся въ Бельзѣ епископы рѣшили жаловаться королю на православныхъ за притѣсненія, какія терпитъ отъ нихъ церковь (подразумѣвая подъ этими притѣснителями каждый своихъ противниковъ и вообще братства и патроновъ) [66]). Въ такой формѣ и представили они свое постановленіе брестскому собору. На дѣлѣ-же, подъ цвѣтами сочувствія православной церкви, они хоронили православіе, «списавшись» на унію и выпрашивая этимъ давно обѣщанную милость польскаго правительства,—милость, которая улучшила-бы ихъ положеніе, такъ какъ отъ православія они не надѣялись ее получить. Въ то время, какъ брестскій соборъ изыскивалъ средства для искорененія золъ въ церкви, Кириллъ все болѣе и болѣе утверждался въ намѣреніи измѣнить ей. Къ этому побудили его поступки луцкаго войскаго Ждана Боровицкаго (Броневскаго) и старосты Семашки. Первый въ отсутствіи Кирилла, когда этотъ ѣздилъ лѣчиться въ Сандоміръ, расхитилъ все его имущество; когда-же Кириллъ принесъ на него жалобу князю Острожскому, то войскій оклеветалъ его и онъ принужденъ былъ защищаться отъ обвиненіи въ самыхъ щекотливыхъ поступкахъ [67]). Князь Острожскій, прежде очень расположенный къ Кириллу, послѣ этого охладѣлъ къ нему. Эта неудача благотворно повліяла на Кирилла въ пользу уніи. Между тѣмъ Семашка въ 1591 году запретилъ православнымъ богослуженіе въ праздникъ Пасхи и 20 и 21 апрѣля, въ Страстную субботу и Свѣтлое Воскресеніе, держалъ Кирилла въ заключеніи, не давая ему даже пищи. Начатый потерпѣвшимъ процессъ окончился ничѣмъ [68]). Послѣ этого Кириллъ рѣшился поспѣшить съ принятіемъ уніи, находя въ ней средство избавиться отъ подобнаго рода пытокъ. Въ 1591 году онъ отъ лица своихъ единомышленниковъ составилъ слѣдующую грамоту: «Мы, нижеподписавшіеся епископы, желаемъ признавать

пастыремъ нашимъ и главою намѣстника св. Петра, святѣйшаго папу римскаго, отъ чего ожидаемъ великаго умноженія хвалы Божіей въ церкви Его святой; но, желая быть въ повиновеніи у святѣйшаго отца папы, мы желаемъ, чтобы оставлены были намъ всѣ церемоніи службы и порядки, какіе издавна св. церковь наша восточная держитъ, и чтобы его королевская милость вольности намъ грамотами обезпечилъ, и артикулы, которые нами будутъ поданы, утвердилъ, а мы обязываемся быть подъ властію и благословеніемъ папы, и листъ этотъ съ подписью нашихъ собственныхъ рукъ и приложеніемъ печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому» [69]). Въ мартѣ мѣсяцѣ 1592 г. Сигизмундъ въ отвѣтъ на эту грамоту, издалъ привилей, въ которомъ выражаетъ свою благодарность епископамъ, согласившимся на унію, обѣщаетъ имъ разныя преимущества и защиту отъ всякой опасности. Между прочимъ, обѣщаетъ «пріумноженіе ласки, приданіе вольностей и свободъ» наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ каждому, кто склонится къ уніи [70]). Недавній врагъ, староста Семашка примирился съ Кирилломъ и послѣдній могъ вполнѣ предаться дѣлу уніи.

Дѣйствительно, въ 1592 году дѣло уніи уже нашло себѣ сочувствіе у многихъ православныхъ. Не считая четырехъ епископовъ, подавшихъ грамоту королю, и міряне, въ виду крайнихъ безпорядковъ въ церкви, выражали готовность послѣдовать ихъ примѣру [71]). Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ епископамъ готовы были подражать и подвластные имъ священники. Созываемые митрополитомъ соборы не достигали цѣли, а зло расло все болѣе и болѣе. Львовское братство, узнавъ о соглашеніи на унію епископовъ (хотя ему неизвѣстно еще было, кто именно далъ это согласіе) донесло объ этомъ патріарху, слезно прося его прислать экзарха въ Литву [72]).

Между тѣмъ поборники уніи пустили въ ходъ еще одно средство. Разнеслась молва, что даже и самъ митрополитъ готовъ принять унію. Чтобы предотвратить подобные слухи, которые могли усилить начавшіяся въ народѣ волненія, митрополитъ поручилъ новопо-

ставленному епископу перемышльскому Михаилу Копыстенскому защищать его предъ народомъ [73]).

Къ этому времени въ числѣ людей, готовыхъ служить цѣлямъ латинства, появляется новое лицо. Это былъ Адамъ Поцѣй, сенаторъ и каштелянъ брестскій, человѣкъ знатнаго рода и обширнаго образованія, назначенный на брестскую каѳедру на мѣсто умершаго въ январѣ 1593 г. епископа Мелетія Хрептовича. По окончаніи образованія въ краковской академіи, Поцѣй долго служилъ у князя Радзивила, покровителя протестантовъ и въ это время самъ принялъ протестантство. Потомъ онъ былъ писаремъ у короля, судьею и, наконецъ, въ званіи сенатора, каштеляномъ брестскимъ. По женѣ онъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ княземъ Острожскимъ и пользовался его дружбою. Лѣтъ за 20 предъ поступленіемъ въ духовное званіе, онъ опять принялъ православіе [74]). Такой человѣкъ, какъ Поцѣй, въ данное время былъ незамѣнимъ для іезуитовъ и всего латинства. Что всѣ поборники уніи полагали большія надежды на Поцѣя, это показалъ покровитель ея Сигизмундъ, когда своею грамотою митрополиту Михаилу повелѣвалъ посвятить своего каштеляна въ епископы «ничимъ ся вымовлючи»,—безъ всякихъ возраженій [75]), которыя, вѣроятно, ожидались отъ митрополита. Между тѣмъ, посвященный заявилъ себя такимъ подвижникомъ, ревнителемъ вѣры и чуткимъ охранителемъ правъ церковныхъ, что Поцѣй и для православныхъ былъ такой-же надеждой, какъ и для латинянъ [76]). Но, какъ оказалось, первые пріобрѣтали въ немъ врага, ибо лицемѣріе его скоро обнаружилось, а послѣдніе—вѣрнаго друга, ибо онъ сталъ на ихъ сторонѣ,—друга знатнаго, ученаго, пламенно преданнаго уніи. Всѣ эти преимущества, безъ сомнѣнія, были главной причиной, почему Терлецкій уступилъ Поцѣю свою роль, а вмѣстѣ съ нею, какъ ни досадно ему это было, пальму первенства въ дѣлѣ начатой уніи. Хотя Поцѣй еще много раньше засвидѣтельствовалъ свои симпатіи уніи [77]), однако, Терлецкій, чтобы ускорить осуществленіе своихъ плановъ, считаетъ необходимымъ выставить Поцѣю на видъ слѣдствія принятія уніи. «Господарь король,—говорилъ онъ Поцѣю,—даетъ должности до смер-

ти, а патріархъ по пустымъ доносамъ безчеститъ и санъ отнимаетъ. А когда поддадимся подъ римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ лавицѣ сенаторской засядемъ и легче отыщемъ имѣнія, отъ церквей отобранныя» [78]). Но Поцѣя ненадо было убѣждать. Такому ярому служителю уніи убѣжденія были излишни. 21-го іюня 1593 года князь Острожскій, движимый любовію къ православной церкви и народу,— любовью, которая не могла равнодушно переносить глубоко вкоренившихся въ нихъ бѣдствій, написалъ къ Поцѣю, какъ родственнику, другу и теплому ревнителю вѣры письмо, въ которомъ высказываетъ мысль о соединеніи церквей ради того, какъ самъ онъ говоритъ, «чтобы прекратить гоненіе, поруганіе и уничиженіе церкви и бѣды народа» [79]). Но соединеніе, о которомъ говоритъ князь, было не такого характера, какъ то, какого желали Поцѣй, Терлецкій и латиняне. Князь понималъ его, какъ соединеніе съ латинскою церковью не одной только западно-русской церкви, но и всей восточной, поэтому и главнымъ условіемъ его уніи было то, чтобы она состоялась съ согласія духовныхъ представителей всей православной церкви. Въ виду этого князь проситъ Поцѣя съѣздить въ Москву къ патріарху, а въ отвѣтѣ папѣ (1598 г.) признаетъ необходимымъ,чтобы о соединеніи церквей судъ произносили отцы греческіе [80]).Что унія князя не заключала ничего противнаго православію, это видно изъ собственноручной записи его, приложенной къ письму, написанному Поцѣю [81]). Понятно, что такая унія не входила въ планы Поцѣя, поэтому онъ словесно отвѣтилъ князю, что предлагаемое имъ дѣло трудное, а предъ западными іерархами, прибывшими тогда на соборъ 1593 года, совсѣмъ умолчалъ объ уніи князя.

Вѣсти, дошедшія до патріарха въ Константинополь (ему, какъ извѣстно, писало львовское братство) убѣдили его, что западно-русской церкви грозитъ опасность, такъ какъ митрополитъ плохо управляетъ паствой и въ пятилѣтній (1589—1593 гг.) промежутокъ времени не успѣлъ успокоить церковь. Не вникая въ тяжелое, почти безвыходное положеніе митрополита, патріархъ при-

слалъ двѣ грамоты, гдѣ въ одной требовалъ низложенія Гедеона Болобана, а въ другой осуждалъ самого Михаила на временное запрещеніе [82]. Эти грамоты вызвали въ митрополитѣ энергичный порывъ дѣятельности. Онъ разослалъ грамоты іерархамъ и братствамъ, приглашая ихъ на соборъ 24-го іюня 1594 года. Почти всѣ братства откликнулись на эти грамоты и прислали своихъ депутатовъ. Что касается епископовъ, то изъ нихъ явились только Поцѣй и Терлецкій,—первый, какъ епископъ города, гдѣ происходилъ соборъ, а второй—съ своими особыми цѣлями. Соборъ осудилъ Гедеона, а митрополитъ отлучилъ его [83]. Подняты были разные вопросы объ улучшеніи церкви. Виленское братство, между прочимъ, предложило, чтобы съ этихъ поръ экзархъ патріарха жилъ постоянно въ Литвѣ. Но какъ только соборъ открылъ свои совѣщанія, королевскій примасъ, архіепископъ гнѣзненскій прислалъ Михаилу письмо, которымъ напоминалъ ему, что созванный соборъ, по сеймовой конституціи 1593 года, не имѣетъ законной силы, потому что въ отсутствіи короля (Сигизмундъ III былъ тогда въ Швеціи) запрещены какіе-бы то ни было съѣзды. Такимъ образомъ, соборъ отложилъ дѣла до другаго времени. Нельзя, однако, сказать, что митрополита не смутилъ такой оборотъ обстоятельствъ. Письмо примаса ясно говорило о настроеніи противъ него латинянъ; а милость къ нему патріарха краснорѣчиво опровергалась грамотой о запрещеніи. Кириллъ, присутствовавшій на соборѣ съ тѣмъ только, чтобы высмотрѣть, какъ обстоятъ тамъ дѣла, и безъ сомнѣнія, знавшій, что латиняне запротестуютъ противъ собора, не могъ не понять положенія митрополита. Теперь-то онъ и поспѣшилъ къ нему. Кириллъ не зналъ еще, какой отвѣтъ получитъ онъ у митрополита, но онъ сознавалъ, какъ сознавали это всѣ, кому дорога была унія, что согласіе митрополита — дѣло большой важности, что при этомъ только и возможенъ успѣхъ ходатайства объ уніи предъ папою. Поэтому, хотя Кириллъ еще раньше (21 мая 1594 года) внесъ въ актовыя книги въ Луцкѣ листъ объ уніи [84]) отъ имени крылошанъ, тѣмъ не менѣе ему необходимо было заручиться и согласіемъ митрополита. Митрополитъ, противъ всякаго ожиданія Ки-

рилла, далъ свое согласіе на унію. Побуждаемый къ тому своимъ безвыходнымъ положеніемъ, такъ какъ король и патріархъ были противъ него, или, быть можетъ, увлекаясь примѣромъ епископовъ и князя Острожскаго, проводившихъ мысль объ уніи,—о чемъ было ему извѣстно, — или, наконецъ, имѣя въ виду своекорыстныя цѣли, желаніе осуществить которыя усилилось еще болѣе, когда Кириллъ искусствомъ «райскаго змія» [85]) разукрасилъ ему послѣдствія подчиненія папѣ,—такъ или иначе, во всякомъ случаѣ митрополитъ свое согласіе въ духѣ князя Острожскаго на унію выразилъ въ особой запискѣ, которую и вручилъ Кириллу [86]) для представленія королю. При этомъ онъ просилъ его никому не разглашать о происшедшемъ. Видно, что хотя рѣшеніе митрополита объ уніи созрѣло, тѣмъ не менѣе было еще у него много причинъ дѣйствовать молча. Въ дѣйствіяхъ Поцѣя и Терлецкаго замѣчается то же самое. Они, дѣлясь другъ съ другомъ своими планами, даютъ слово молчать объ этомъ. Всѣ хитрятъ, скрытничаютъ. Дѣйствовалъ смѣлѣе другихъ одинъ только Гедеонъ, епископъ львовскій. Недовольствуясь даннымъ уже согласіемъ на унію, онъ оформилъ его еще соборнымъ постановленіемъ (28 января 1595 г.) о признаніи надъ собою власти папы [87]). Кириллъ, можно сказать, подражалъ Гедеону. Порвавъ связи съ вельможами, онъ дѣйствовалъ свободно; если хитрилъ, то только предъ митрополитомъ и Поцѣемъ. Поѣхавши въ Краковъ въ февралѣ или мартѣ 1595 года, какъ открытый поборникъ уніи, опасавшійся за свои дѣйствія, онъ выпросилъ себѣ у короля подтвердительную грамоту на должность экзарха и привезъ похвальную грамоту Поцѣю, въ которой были оцѣнены заслуги его для уніи [88]). Поощренные такимъ образомъ, Кириллъ и Поцѣй склонили митрополита дать имъ довѣренность вести отъ лица его переговоры объ уніи [89]), и съ этой цѣлью поѣхали въ Краковъ. Здѣсь исполнивъ свои дѣла и возвратясь въ Литву, потребовали свиданія съ митрополитомъ. Послѣдній назначилъ такое свиданіе въ Кобринѣ, но самъ не явился, а на посланное ему епископами письмо объ этомъ, просилъ 6 недѣль на размышленіе. 12 іюня было составлено соборное посланіе папѣ о принятіи уніи [90]). Положеніе митрополита было самое неустойчи-

вое. Онъ хотѣлъ оправдать свое поведеніе предъ православными вельможами и потому скрывалъ правду, съ другой стороны, согласившись на унію (въ своемъ смыслѣ), онъ видѣлъ уступки Поцѣя и Терлецкаго, но въ силу даннаго слова не могъ отказаться отъ своихъ обѣщаній. Онъ увѣряетъ князей, что далекъ отъ мысли объ уніи и въ то же время даетъ грамоту о готовности принять ее. Стыдъ за неисполненіе долга и страхъ за будущность плановъ уніи смутили митрополита, довели его до беззастѣнчивости и лжи. Давши, какъ сейчасъ замѣчено, грамому объ уніи, митрополитъ въ то же время, подражая князю Острожскому, убѣждавшему всѣхъ твердо стоять въ православіи [91]) и содѣйствовавшему примиренію Гедеона съ львовскимъ братствомъ [92]), послѣ чего Гедеонъ написалъ извѣстную протестацію противъ Поцѣя и Терлецкаго [93]), — отказываясь отъ уніи, митрополитъ, говоримъ, въ то же время шлетъ виленскому братству посланіе, отвергая разнесшійся слухъ о его измѣнѣ православію [94]). Но братство знало уже о согласіи Михаила на унію и отправило къ Острожскому и Скумину депутацію съ документами, подтверждавшими это согласіе [95]). Депутаціи поручено было просить князей, чтобы они выхлопотали у короля позволеніе созвать соборъ, на которомъ участвовали-бы и міряне [96]). Митрополитъ тоже присталъ къ этой мысли братства, надѣясь, что предстоящій соборъ, рѣшая вопросъ объ уніи, облегчитъ его безпокойное, двусмысленное положеніе. Поцѣй и Терлецкій чуть ли не болѣе всѣхъ радовались такому обороту дѣла, такъ какъ имъ со дня на день угрожала опасность быть лишенными сана, если митрополитъ перейдетъ на сторону православныхъ. [97]) Съ мыслями о перемѣнѣ дѣлъ къ лучшему, они поспѣшили въ Краковъ. На пути, въ городѣ Люблинѣ Поцѣй встрѣтился съ княземъ Острожскимъ, показалъ подлинныя грамоты, касавшіяся уніи, и на колѣнахъ слезно просилъ князя принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Князь понялъ, что мысль его о соединеніи церквей искажена, и отвѣчалъ Поцѣю что рѣшить дѣло уніи можно только на соборѣ.

По пріѣздѣ въ Краковъ, Поцѣй и Терлецкій представили королю грамоты объ уніи и, обращая его вниманіе на свое

опасное положеніе, просили дозволить созваніе общаго собора. Король почти склонялся на ихъ сторону. Но въ это время къ нему стали доходить слухи, что православные не согласны принять унію. Не издавая пока универсала (уже заготовленнаго), онъ отпустилъ Кирилла и Терлецкаго домой на четыре недѣли[98]), а самъ, будучи обрадованъ согласіемъ іерарховъ, предпринялъ мѣры для поддержанія уніи и со стороны православныхъ мірянъ. 28 іюля онъ написалъ грамоту князю Острожскому, въ которой, говоря о согласіи владыкъ соединиться съ римскою церковью, высказываетъ надежду, что князь поспѣшитъ своимъ авторитетомъ оказать содѣйствіе уніи, которой онъ такъ желалъ[99]). Въ то же время онъ пишетъ грамоту митрополиту, хваля его усердіе къ уніи, доказыватъ ея пользу и законность и поощряетъ его въ добромъ намѣреніи[100]). Чрезъ два дня послѣдовала еще грамота, гдѣ будущей уніатской іерархіи даются права наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ[101]). Король, очевидно, былъ очень доволенъ ходомъ уніи и потому поощрялъ всѣхъ заинтересованныхъ въ ней чѣмъ могъ. Это былъ, такъ сказать, отвѣтъ короля на поданную ему грамоту объ уніи. Такъ какъ эти условія были представлены и папскому нунцію, то и этотъ отвѣчалъ, что предложенные артикулы будутъ утверждены папой, если въ нихъ не будетъ противорѣчія римской церкви[102]). Въ то время, какъ со стороны короля посыпались милости на людей, сочувствующихъ уніи, митропомитъ все еще разыгрывалъ роль непричастнаго ей и ревностно стоящаго за православіе архипастыря и увѣрялъ поочередно то вельможъ, то народъ, что отнюдь не отдавался въ послушаніе римской церкви[103]). Между тѣмъ остальные епископы, безъ хитрости, открыто заявляли себя поборниками уніи. Собравшись въ Луцкѣ, они составили актъ, въ которомъ говорили, что, принявъ унію, они не отступятъ отъ нея до смерти[104]). Князь Острожскій, доподлинно узнавъ о ходѣ уніи отъ Поцѣя, желалъ едва-ли не болѣе всѣхъ созванія собора, но съ тѣмъ уже, чтобы подорвать унію. Преслѣдуя эту цѣль, онъ послалъ къ королю ходатайствовать о соборѣ православныхъ для разсужденія объ уніи. Но раньше, отправляя па протестантскій соборъ въ Торунѣ

посла, князь далъ ему инструкцію, въ которой довольно рѣзко отзывался о дѣйствіяхъ короля, потворствующаго замысламъ владыкъ на унію. Эта инструкція была перехвачена и доставлена королю. Само собой понятно, король отказалъ князю въ созваніи собора и въ то же время не переставалъ поощрять поборниковъ уніи, надѣясь этимъ упрочить ее [105]), и торопилъ Поцѣя и Терлецкаго въ Римъ. Но эти послѣдніе сами уже спѣшили въ Краковъ: имъ надоѣла эта нерѣшительность короля и откладываніе поѣздки. Недалекое осуществленіе долгихъ ихъ стремленій воодушевляло ихъ,—только его они и имѣли въ виду. Когда митрополитъ узналъ, что Поцѣй и Терлецкій ѣдутъ прямо въ Римъ, то чрезъ своего протонотарія велѣлъ имъ возвратиться. Но они уже не обращали никакого вниманія на приказаніе митрополита. Въ Краковѣ все было приготовлено для предстоящей поѣздки. Еще раньше заложены были церковныя имѣнія [106]) для покрытія путевыхъ издержекъ, и теперь, снабженные пропускными грамотами короля, Поцѣй и Терлецкій въ послѣднихъ числахъ сентября 1595 года выѣхали въ Римъ. Въ это время король издалъ манифестъ ко всѣмъ подданнымъ, извѣщая въ немъ, что для приведенія къ концу давно желаннаго соединенія восточной и западной церкви имъ отправлены въ Римъ епископы владимірскій и луцкій [107]).

Отъѣздъ Поцѣя и Терлецкаго сильно возмутилъ православныхъ мірянъ. Князь Острожскій и новогородскій воевода Ѳеодоръ Скуминъ, первый къ митрополиту, второй къ одному знатному гражданину Мамоничу, писали письма о смутѣ церковной [108]). Въ то же время въ Вильнѣ съ церковной каѳедры сильно возставалъ противъ уніи и ея защитниковъ извѣстный проповѣдникъ Стефанъ Зизаній. Манифестаціи возрастали все болѣе и болѣе. Эти манифестаціи и твердая защита православія въ томъ же 1595 году вызвали открытое преслѣдованіе православныхъ въ королевскихъ имѣніяхъ [109]). Но это было только тѣнью того, что обѣщала унія православію въ будущемъ.

Поцѣй и Терлецкій прибыли въ Римъ въ половинѣ ноября 1595 года. Папа, напередъ извѣщенный о ихъ прибытіи, выказалъ имъ замѣчательное вниманіе. Обстановка въ Римѣ для пословъ

была великолѣпная; имъ отведенъ былъ особый дворецъ, а на содержаніе щедро выдавались деньги [110]). Сперва они имѣли частную аудіенцію у папы, а потомъ въ Ватиканской палатѣ представили всѣ документы объ уніи на торжественной аудіенціи (23 декабря), отбывшейся по особому церемоніалу. Тутъ Поцѣй и Терлецкій прочитали исповѣданіе вѣры, содержащее въ себѣ краткое изложеніе ученія и обрядовъ римской церкви [111]), цѣловали у папы ногу и проч. Тогда же составленъ былъ протоколъ объ этомъ событіи папскими секретарями, а самимъ папой (12 января) «на память потомству» (ku wieczney pamiątce) издано было особое постановленіе, въ которомъ излагается событіе принятія уніи [112]). Въ память сего папа велѣлъ выбить медаль съ надписью: Ruthenis Receptis [113]) (на присоединеніе россіянъ), а Поцѣю и Терлецкому, послѣ богатыхъ празднествъ, учрежденныхъ въ ихъ честь, папа далъ званіе «придворныхъ прелатовъ и ассистентовъ апостольскаго престола» [114]). Отпуская пословъ домой, онъ передалъ въ Литву и Польшу 16 посланій къ королю, митрополиту, епископамъ и князьямъ. Короля онъ проситъ содѣйствовать распространенію и утвержденію уніи, соблюдать артикулы, представленные епископами и принять русскихъ владыкъ въ число сенаторовъ [115]). Митрополиту папа поручаетъ созвать соборъ, на которомъ бы и остальные епископы произнесли то самое исповѣданіе вѣры, какое произносили Поцѣй и Терлецкій и чтобы о постановленіи этого собора митрополитъ прислалъ въ Римъ письменный документъ. Сенаторовъ папа проситъ такъ или иначе содѣйствовать принятію епископовъ въ члены сената, а будущихъ членовъ-епископовъ—помогать дѣлу уніи [116]). Въ мартѣ мѣсяцѣ послы уже были дома.

Какъ исполнили Поцѣй и Терлецкій свое посольство? Они выполнили его далеко не такъ, какъ того желали митрополитъ и тѣ изъ православныхъ, кто довѣрялъ имъ посланіе къ папѣ. Они приняли не унію, а чистое латинство; исповѣданіе вѣры, произнесенное ими, было составлено по готовой формѣ, по которой въ Римѣ принимали вообще всѣхъ православныхъ, желавшихъ перейти въ католичество. Произнося это исповѣданіе, они совер-

шенно осуждали православіе, вполнѣ принимая римскую вѣру. Русскимъ оставлены были только обряды, не противорѣчившіе, по мнѣнію папы, ученію римской церкви. Безъ сомнѣнія, Поцѣй и Терлецкій очень хорошо понимали это, однако личина и тутъ имѣла мѣсто. Въ письмѣ къ примасу польскаго королевства Поцѣй сообщалъ, что дѣла уніи идутъ далеко успѣшнѣе, чѣмъ можно было ожидать [117]), что папа ничего не измѣнилъ въ ученіи восточной церкви, оставивъ всѣ ея особенности.

Король, получивши посланіе папы, привезенное Поцѣемъ и Терлецкимъ, не могъ откладывать собора, тѣмъ болѣе, что необходимо было окончить дѣло, начатое въ Римѣ. Но онъ ясно видѣлъ, что унія не встрѣчаетъ въ народѣ сочувствія, онъ видѣлъ отвращеніе къ ней и нареканія на ея виновниковъ. На варшавскомъ генеральномъ сеймѣ депутаты отъ разныхъ городовъ и князь Острожскій подали королю просьбу, чтобы Поцѣй и Терлецкій были лишены сана за ихъ поѣздку въ Римъ и замѣнены другими епископами [118]). Волненія и протесты такъ перепугали Поцѣя и Терлецкаго, что заставили ихъ бояться за свое положеніе. Чтобы утвердить его, Терлецкій просилъ короля дать ему (несмотря на то, что у него уже одна была) новую грамоту, утверждавшую за нимъ его епископію. Вѣроятно о томъ же просилъ и Поцѣй. Король исполнилъ ихъ желаніе. Терлецкому даже предоставилъ Кобринскій монастырь съ имѣніями [119]). Что касается собора, то король старался сдѣлать его негласнымъ и, что самое главное, не допустить участія въ немъ мірянъ, какъ видѣлъ онъ изъ протестацій, болѣе другихъ возстававшихъ противъ уніи. Поэтому онъ позволилъ митрополиту созвать соборъ въ Новогрудкѣ только изъ духовенства [120]). Изъ грамоты этого собора видно, что занятія его состояли въ разсмотрѣніи сочиненій Зизанія и въ отлученіи его отъ церкви за противное ей ученіе [121]).

Само собой понятно, что не такого собора ожидали православные, не таковъ онъ долженъ быть по идеѣ самихъ сторонниковъ уніи. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣли свои основанія желать всеобщаго собора,—собора духовенства и мірянъ. Православные, не такъ давно видѣвшіе въ подчиненіи папѣ конецъ своихъ бѣдствій,

убѣдились теперь, что унія, принятая въ Римѣ, это зло, возвѣщающее начало новыхъ посягательствъ на вѣру и народность, и вмѣстѣ съ тѣмъ — начало новыхъ бѣдствій. По этой-то причинѣ православные такъ сильно протестовали противъ Поцѣя и Терлецкаго и ихъ уніи. Во всеобщемъ соборѣ они видѣли средство пристыдить своею правотою поборниковъ уніи и поразить ее самую. Для короля, іезуитовъ и всѣхъ, кто былъ на ихъ сторонѣ, унія, принятая въ Римѣ, была плодомъ ихъ долгихъ усилій и стараній, была дѣломъ величайшей важности. Они, стоя у цѣли своихъ стремленій, не могли не желать, выразимся такъ, санкціи ея. А эта санкція, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ тѣмъ виднѣе, если совершится въ присутствіи многочисленнаго общества на соборѣ. Вотъ для чего нуженъ былъ уніатской партіи всеобщій соборъ. Что касается увѣренности, что на соборѣ дѣло уніи поведется именно такъ, какъ того желали ея защитники, въ этомъ для нихъ не было сомнѣнія. На ихъ сторонѣ были старанія столь долгаго прошлаго, цѣлая когорта латинянъ и олатинившихся русскихъ, папа и вся курія и, наконецъ, что въ данномъ случаѣ имѣло особенную важность, королевская власть, дѣйствовавшая заодно съ іезуитами. Такимъ образомъ, два совершенно противоположные лагеря православныхъ и латинянъ видѣли въ одномъ и томъ же соборѣ — одни средство подавить унію, а другіе — поднять ее.

Взглянемъ теперь, какъ велось дѣло уніи до брестскаго собора. Современно соединенію Литвы съ Польшею начинается болѣе широкое вліяніе Польши на литовско-русскій народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе удобное проведеніе въ средѣ его идеи уніи. Оно получаетъ видъ системы, видъ правильно организованнаго предпріятія въ рукахъ появившихся въ Польшѣ іезуитовъ, которые, со свойственною имъ ловкостію, расположили сперва въ свою пользу народъ, а потомъ пустили въ ходъ все свое искусство, чтобы привить въ его жизни латинство. Но это оказалось невозможнымъ, ибо народъ крѣпко стоялъ за свою вѣру. Тогда іезуиты перекинули мостъ къ латинству и выдумали унію. Всякими

неправдами навязывали они ее православнымъ, а болѣе всего старались привить ее къ податливому молодому поколѣнію при помощи своихъ школъ и своего іезуитскаго образованія. Искусству іезуитовъ не меньше способствовали мѣры, предпринимаемыя для уніи польскимъ правительствомъ. Однако, коль скоро народу стало очевиднымъ, къ чему клонятся происки первыхъ и мѣры втораго, онъ тотчасъ показалъ свою преданность православной вѣрѣ въ сильномъ протестѣ. Этого было достаточно, чтобы іезуиты перемѣнили планы своихъ дѣйствій. Натолкнувшись въ средѣ народа на чувство глубокаго уваженія къ вѣрѣ предковъ, они вербуютъ себѣ сообщниковъ въ средѣ представителей церкви и преимущественно высшей іерархіи. Правительство, само собой разумѣется, поддерживаетъ іезуитовъ и на этомъ пути, оно, можно сказать, принимаетъ на себя даже большую часть труда, ибо іезуиты всегда хитро и съ тактомъ внушаютъ только объ уніи, правительство же, дѣйствовавшее, правда, по указаніямъ тѣхъ же іезуитовъ, своими репрессивными мѣрами поливаетъ и ростить ихъ и дѣлаетъ это до тѣхъ поръ, пока ростъ привитыхъ идей не станетъ замѣтнымъ и пока усвоившій ихъ не дастъ знать объ этомъ гласно. Объ руку съ такими средствами іезуитовъ и мѣрами королей, то ко внушенію мысли объ уніи и привитію ея, то къ утвержденію и ея росту, идутъ обстоятельства жизни западно-русской церкви. Разумѣемъ прибытіе восточныхъ патріарховъ и надѣленіе ими братствъ правами ставропигіи. При подпольной, всегда неусыпной работѣ агентовъ уніи, толкованія дѣйствій патріарховъ породили у владыкъ западно-русской церкви недовольство ими, ихъ властію, обрядами и канонами, вообще, всею восточною церковью и eo ipso приводили такихъ владыкъ къ мысли о подчиненіи себя западной церкви. Достаточно было намѣтить такого (недовольнаго) человѣка, способнаго стать подъ знамя латинства, чтобы рядъ притѣсненій, нападокъ, а то—жестокостей и пытокъ, искусно направленныхъ противъ него, заставилъ его прійти къ убѣжденію, что жизнь въ православіи не легка, не безопасна, даже невыносима, что лучшій

ея порядокъ въ латинствѣ, въ подчиненіи римской церкви. Если такой человѣкъ лицо іерархическое, важное по занимаемому посту, то образъ его мыслей усвоялся подчиненными, разглашался въ еще низшихъ сферахъ и доходилъ до народа. Мы видѣли, что было такое время, когда самъ народъ выразилъ патріарху свое желаніе уніи. Но чаще и на дѣлѣ было не такъ. Іерархическія лица, склонившіяся къ уніи, говорили не за себя только, но и за всю подвластную имъ паству, которая и слышать не хотѣла объ уніи и самого пастыря ненавидѣла за его мысли. Трудно, безъ сомнѣнія, исчислить всѣ виды, пересчитать пути, изслѣдовать нити, которыми на вѣковомъ станкѣ времени соткана была унія.

Такъ или иначе увлеченные въ сферу латинизаторскихъ стремленій, къ концу XVI в. являются люди, которыхъ можно было употребить орудіями уніи и придать дѣлу ея такой видъ, будто православный народъ добровольно хочетъ соединиться съ западною церковью. Безъ сомнѣнія, истинные виновники уніи безконечно рады были, что наконецъ ихъ стремленія увѣнчались успѣхомъ. Плодъ долгихъ усилій іезуитовъ и польскаго правительства, унія передается въ руки Поцѣя и Терлецкаго, которые должны будутъ отъ лица всего западно-русскаго народа, какъ звонкую монету, передать всѣми силами его души ненавидимую имъ унію папѣ,—передать съ просьбой принять никогда и не помышлявшій объ этомъ народъ подъ высокую власть папскаго престола. И западно-русскій народъ, возстающій противъ латинства и его поборниковъ, соединяющій въ братствахъ весь остатокъ своихъ надломленныхъ и угнетенныхъ долгими бѣдствіями силъ для того, чтобы отстоять религію предковъ предъ посягательствами олатинить ее,—этотъ самый народъ въ Римѣ, предъ папою, въ лицѣ Поцѣя и Терлецкаго, смиренно преклоняется, цѣлуетъ его ногу, читаетъ исповѣданіе латинской вѣры и привозитъ ее въ предѣлы западно-русской церкви! Такъ обставлены были обстоятельства принятія уніи,—этого истиннаго несчастія въ жизни западно-русскаго народа и его церкви. Но необходимо было еще тутъ, на почвѣ, гдѣ росли сѣмена уніи въ ея избран-

никахъ, торжественно огласить ее, т. е. повторить то, что дѣлалось въ Римѣ,— необходимо для того, чтобы дать ей законную силу, оформить ее и потомъ безъ оглядки, опираясь на quasi законныя основанія, распространять ее въ средѣ народа. Съ другой стороны, этого требовалъ и самъ папа, въ одинъ день на одну и ту же тему подписавшій 16 посланій о мѣрахъ къ утвержденію уніи. Съ этой цѣлію, какъ мы сейчасъ увидимъ, и созванъ былъ брестскій соборъ въ 1596 году, соборъ единственный въ своемъ родѣ, какъ по различному характеру его представителей и ихъ стремленій, такъ и по веденію дѣлъ на немъ и по его слѣдствіямъ.

Брестскій соборъ, провозгласившій церковную унію 1596 года.

Уступая общему желанію православныхъ и поборниковъ уніи, Сигизмундъ рѣшился созвать соборъ въ г. Брестѣ, для чего 14 іюня 1596 г. онъ издалъ универсалъ. Нельзя не замѣтить, что въ своемъ универсалѣ король старается опровергнуть мнѣніе народа объ уніи. Западно-русскій народъ считалъ недѣйствительной унію потому, что принята она была только двумя епископами, безъ согласія патріарховъ, остальнаго западно-русскаго духовенства и самаго народа. Поэтому король, желая снять вину съ епископовъ, говоритъ, что онъ самъ возъимѣлъ желаніе соединить церкви. Съ другой стороны, пиша, что эти епископы не привезли ничего новаго изъ Рима, хочетъ опровергнуть то мнѣніе народа объ уніи, по которому она всегда была для него расколомъ [122]). Въ универсалѣ объявляется всѣмъ подданнымъ, что соединеніе раздѣлившихся между собою церквей восточной и западной, бывщее предметомъ желаній великихъ государей, онъ хочетъ окончить и желаетъ вмѣстѣ съ своими подданными нахо-

диться въ одной вѣрѣ,—что съ этою цѣлію, съ согласія высшихъ іерарховъ православныхъ, отправлены были послами въ Римъ къ папѣ епископы владимірскій и луцкій, которые теперь уже возвратились назадъ, не принеся оттуда ничего новаго, что было бы противно спасенію подданныхъ и различалось отъ ихъ обычныхъ церковныхъ церемоній; напротивъ, все ими сохранено, согласно ученію святыхъ отцовъ и соборовъ, о чемъ и имѣютъ отдать владыки подробный отчетъ. «И какъ не мало знатныхъ людей греческой вѣры,—писалъ король,—желающихъ святой уніи, просили насъ, чтобы мы, для окончанія этого дѣла, велѣли созвать соборъ, то мы позволили нашему митрополиту, киръ Михаилу Рогозѣ созвать соборъ въ Брестѣ, когда признаетъ то съ другими вашими старшими духовными наиболѣе удобнымъ, будучи увѣрены, что вы, когда хорошо поразсудите, ничего полезнѣе, важнѣе и утѣшительнѣе для себя не найдете, какъ святое соединеніе съ католическою церковію, которое умножаетъ между народами согласіе и взаимную любовь, охраняетъ цѣлость Рѣчи-посполитой и другія блага небесныя и земныя». Далѣе Сигизмундъ объявлялъ, что на соборъ можетъ явиться всякій православный, только являлся бы скромно, «не беручи съ собою толпы непотребно»,—что на соборѣ, кромѣ католиковъ и православныхъ, никто болѣе не долженъ быть допущенъ и, кромѣ дѣла уніи, никакихъ другихъ дѣлъ не должно быть возбуждаемо. Въ концѣ своего универсала король напоминаетъ, чтобы на соборѣ соблюдалось полное уваженіе къ его верховной власти и все совершалось въ мірѣ и согласіи на радость ему и всей Рѣчи-посполитой [123]).

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же года митрополитъ издалъ отъ себя окружную грамоту православнымъ сановникамъ и мірянамъ о съѣздѣ на соборъ въ Брестѣ. Въ этой грамотѣ онъ извѣщаетъ, что съ позволенія короля днемъ собора назначено 6-е октября, къ какому числу и приглашаетъ прибыть всякаго благовѣрнаго христіанина для „прислуханья и обмышливанья“ [124]). Формальная сторона дѣла была совершена, распоряженіе о соборѣ последовало. Однако между противниками уніи волненія не унимались. Осужденный митрополитомъ и королемъ [125]), дидаскалъ вилен-

скаго братства Стефанъ Зизаній подалъ въ виленскій трибунальный судъ жалобу на митрополита, каковая была принята судомъ и осужденный Михаилъ присужденъ былъ искать защиты у короля. Хотя король 21-го іюня послалъ грамоту депутатамъ [126]), однако, волненія продолжались въ Вильнѣ и въ слѣдующіе мѣсяцы, такъ что грамоты были присылаемы еще два раза и въ послѣдней изъ нихъ Сигизмундъ далъ строгій приказъ духовенству и гражданамъ повиноваться митрополиту [127]). Въ Кіевѣ также осудили митрополита, какъ и въ Вильнѣ, и онъ опять долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ королевской власти [128]). И въ епархіяхъ Поцѣя и Терлецкаго не обошлось безъ волненій. Но здѣсь дѣло не доходило до короля. Поцѣй за протестаціи противъ него запретилъ священникамъ совершать для непокорныхъ какія-бы то ни было требы и приказалъ считать ихъ еретиками, такъ что протестовавшіе сами должны были крестить, проповѣдывать и т. д. [129]). Въ это бурное время жизни церкви православные изъ разныхъ мѣстъ обратились къ отдаленному востоку, извѣщая патріарховъ о принятіи владыками уніи въ Римѣ и прося помощи [130]). Александрійскій патріархъ Мелетій на просьбу православныхъ отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, гдѣ хвалилъ ихъ за непреклонность къ уніи, обличалъ измѣнившихъ православію, выставлялъ на видъ несостоятельность ученія о главенствѣ папы и, наконецъ, совѣтовалъ православнымъ избрать себѣ новаго митрополита и епископовъ, если отступившіе не раскаются и не возвратятся къ православію [131]). Чѣмъ особенно была цѣнна услуга патріарха Мелетія, такъ это тѣмъ, что вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ онъ прислалъ къ православнымъ ученаго Кирилла Лукариса, протосинкелла александрійской церкви [132]). Къ этому-же времени прибылъ на помощь къ нимъ уполномоченный константинопольскаго престола Никифоръ, великій протосинкеллъ константинопольской церкви, котораго за ученость патріархъ Іеремія называетъ „премудрѣйшимъ“. Хотя по сану онъ былъ только архидіаконъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ полную патріаршескую власть занимать первое мѣсто на соборахъ, имѣлъ преимущество чести не только предъ митрополитами, но и

надъ блаженнѣйшими архіепископами (напр., ахридонскимъ, кипрскимъ и петрскимъ [133]).

Прибытіе такихъ людей, какъ Кириллъ и Никифоръ, было весьма важно для православныхъ. Никто изъ нихъ не зналъ, какъ поведутся дѣла на предстоящемъ соборѣ. Быть можетъ, для доказательства неправоты уніи и превосходства надъ латинствомъ православія, потребуется прибѣгнуть къ спорамъ, придется вести пренія, къ которымъ были такъ падки іезуиты, съ знаменитостями латинскаго краснорѣчія, какъ Петръ Скарга? Кого тогда противоставить имъ? Кто будетъ состязаться съ ними? Теперь у православныхъ были ученые мужи, «исполненные всякой науки и свѣдующіе въ богословіи». Не было неизвѣстнымъ православнымъ и то, что митрополитъ поддержитъ сторону владыкъ, привезшихъ унію изъ Рима, слѣдовательно, имъ съ двумя епископами (Гедеонъ Болобанъ и Михаилъ Копыстенскій) придется быть только пассивными свидѣтелями того, что будутъ дѣлать они для уніи, или противоставлять безсильное сопротивленіе меньшинства общему согласію короля, знатнѣйшихъ магнатовъ-латинянъ, первыхъ своихъ іерарховъ и всей фаланги поборниковъ уніи. Пребываніе Кирилла, а особенно Никифора, устраняло эти, мало сказать, неудобства. Послѣдній, какъ чрезвычайный уполномоченный константинопольскаго престола, превосходилъ своею властію митрополита и, по праву, самъ долженъ былъ предсѣдательствовать на соборѣ. Слѣдовательно, и по силѣ своихъ духовныхъ представителей православные могли надѣяться, что они не уступятъ уніатамъ, если не превзойдутъ ихъ. Послѣднее, дѣйствительно и случилось.

Еще задолго до собора стали съѣзжаться въ Брестъ лица, имѣющія принять участіе въ немъ. Это были, съ одной стороны, православные, намѣревавшіеся отстоять у ревнителей уніи вѣру своихъ отцовъ, замѣненную въ Римѣ латинствомъ, и рѣшившіеся не поддаваться уніи, съ другой—лица, принявшія унію,—съ своими покровителями — латинянами, имѣвшія цѣлью дать окончательное торжество уніи, еще не утвержденной гласно на почвѣ западно-русской церкви, и надѣявшіяся привлечь на свою сторо-

ну православныхъ. Надо замѣтить, что сторона православныхъ была многочисленнѣе. Главными представителями ея были: два восточныхъ экзарха, протосинкеллы—Никифоръ изъ Константинополя и Кириллъ Дукарисъ изъ Александріи, Лука, митрополитъ велиградскій, Макарій, архимандритъ монастыря Симона-Петра на св. горѣ, прибывшій по порученію Паисія, епископа веноцкаго, архимандритъ Матоей изъ святогорскаго Пантелеимонова монастыря, присланный Амфилохіемъ, епископомъ мукацкимъ, не прибывшимъ лично, потому что это ему трудно было (по старости или, быть можетъ, по болѣзни) [134]); два западно-русскихъ епископа: Гедеонъ Болобанъ, епископъ львовскій и Михаилъ Копыстенскій, епископъ перемышльскій; съ ними девять архимандритовъ: кіево-печерскій, дерманскій, супрасльскій, пинскій, дубенскій, дорогобужскій, лаврашевскій, пересопницкій и степанскій, два игумена и много протоіереевъ, священниковъ и монаховъ [135]). Изъ свѣтскихъ лицъ прибыли многіе сановники Рѣчи посполитой, каковы: князь К. К. Острожскій, сынъ его Александръ, воевода волынскій, каштелянъ новогрудскій Александръ Полубенскій, Андрей Боговитянъ, стольникъ земли волынской; судья луцкій Чапличъ и владимірскій—Павловичъ; послы отъ трибунала княжества литовскаго, воеводства кіевскаго, брацлавскаго, пинскаго и проч., представители отъ городовъ: Кіева, Вильны, Львова, Каменца-Подольскаго, Бреста, Минска, Владиміра и мн. др. [136]).

Чѣмъ объяснить прибытіе на соборъ такого множества православныхъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ? Само собой разумѣется, что прежде всего цѣлью этого собора [137]). Цѣлью его былъ вопросъ – быть или не быть уніи, — вопросъ слишкомъ важный для того, чтобы, какъ говорится, стать къ нему спиною. Всякій городъ желалъ знать,—доподлинно знать, чѣмъ, наконецъ, кончатся эти затѣи владыкъ, путешествовавшихъ въ Римъ, это маскированіе митрополита и происки іезуитовъ. Съ другой стороны, православные твердо рѣшились не принимать уніи; а рѣшеніе большинства болѣе фундаментально, чѣмъ если его постановятъ немногіе. Это было очевидно для всѣхъ православныхъ; вотъ почему они собрались въ воз-

можно большемъ числѣ. Наконецъ, грамота короля, изданная за четыре мѣсяца до собора (12 іюня — 6 октября) и посланіе митрополита, приглашавшія всякаго христіанина, увеличивали число желавшихъ присутствовать на соборѣ.

Въ противоположномъ лагерѣ, на сторонѣ уніатовъ, были съ митрополитомъ Рогозою во главѣ, прежде всего, ближайшіе виновники этого собора, владыки—прототровій владимірскій Ипатій Поцѣй и экзархъ, епископъ луцкій Кириллъ Терлецкій, потомъ Германъ полоцкій, Іона Гоголь пинскій, Діонисій Збируйскій холмскій и съ ними три архимандрита; брацлавскій, лаврашевскій и минскій; послы папы: Янъ-Дмитрій Соликовскій, арцыбискупъ львовскій, Бернардъ Маціевскій, бискупъ луцкій, Станиславъ Гомолицкій, бискупъ холмскій и съ ними четыре іезуита: извѣстный Петръ Скарга, пользовавшійся особою милостію короля, товарищи Скарги: Іустъ Робъ, Максимъ Латерна и Каспаръ Нагай; послы короля: князь Христофоръ-Николай Радзивилъ, гетманъ литовскій, староста брестскій Дмитрій Галецкій и много другихъ вельможъ и лицъ менѣе знатныхъ [138]). Какъ и слѣдовало ожидать, прибывшіе раздѣлились на двѣ партіи. Православные сгруппировались около экзарховъ и князя Острожскаго, а латиняне соединились съ митрополитомъ, Поцѣемъ и Терлецкимъ. Надо замѣтить, что вопреки королевскому универсалу, которымъ предписывалось являться на соборъ безъ «толпы», знатные вельможи пріѣхали на соборъ съ многочисленной свитой, татарами, гайдуками, казаками и даже съ пушками [139]). Обѣ партіи представляли собой два лагеря, которые, казалось, заняли окрестности Бреста съ тѣмъ, чтобы дать генеральное сраженіе. Такъ это собраніе не похоже было на мирный съѣздъ, цѣлью котораго было разсужденіе о вѣрѣ. Православные, видимо, превосходили уніатскую партію. Королевскіе послы, вѣроятно, ожидая мятежа, тревожно спрашивали князя Острожскаго, зачѣмъ такое ополченіе. Князь увѣрялъ ихъ, что все обойдется мирно [140]), хотя, быть можетъ, раздѣлялъ съ другими православными мысль, что латинская партія, не взявши верхъ на соборѣ, не остановится предъ насиліемъ и что, слѣдовательно, мѣры предосторожности нелишни.

Еще не всѣ представители собрались [141]), какъ день, назначенный для собора, приблизился. Православные, какъ раньше замѣчено, собрались еще до наступленія дня, назначеннаго для собора и, понятно, интересовались, гдѣ будетъ назначено мѣсто для собора, въ какое именно время надо являться туда, каковъ будетъ порядокъ собраній, вообще желали знать, какъ будутъ вестись соборныя дѣла, т. е. старались удовлетворить то чувство, которое всегда и вездѣ повторяется въ ожиданіи какого-нибудь важнаго, еще не наступившаго событія. Съ этою цѣлію, а также для привѣтствія митрополита православные отправили къ нему посольство. Посланные, однако, были отпущены имъ съ отвѣтомъ, не клонящимся къ любви и согласію [142]). 5-го октября, предъ самымъ соборомъ, Кириллъ и Никифоръ послали отъ себя митрополиту грамоту, привѣтствуя его и напоминая, чтобы онъ и находящіеся съ нимъ епископы явились къ нимъ, какъ представителямъ восточной церкви, засвидѣтельствовать должное почтеніе и посовѣтоваться относительно предстоящаго собора. Но и это посольство возвратилось съ неблагопріятнымъ отвѣтомъ: «увидимъ, говорили, если слѣдуетъ намъ придти, то мы придемъ» [143]).

Кромѣ духовныхъ лицъ, князь Острожскій также посылалъ къ митрополиту, желая съ нимъ видѣться; желаніе князя митрополитъ не удовлетворилъ, а просилъ его, чтобы князь постарался видѣться съ нимъ въ домѣ Поцѣя [144]).

Отвѣты, получаемые православными, краснорѣчиво свидѣтельствовали о настроеніи митрополита и его сообщниковъ. Очевидно было, что они сторонятся православныхъ, уклоняются и избѣгаютъ ихъ общества. Да оно, дѣйствительно, такъ и было. У поборниковъ уніи вопросъ о ней былъ уже рѣшенъ; ихъ пріѣздъ на соборъ только съ тѣмъ былъ и предпринятъ, чтобы тутъ повторить недавно принятое ими въ Римѣ исповѣданіе вѣры и торжественно объявить свое подчиненіе папѣ. Для этого, конечно, не стоило искать общенія съ православными, которые, хотя неизвѣстно было, какъ поведутъ дѣла на соборѣ, но несомнѣнно, что не въ пользу уніи,—напротивъ, какъ не единомыслящихъ, ихъ слѣдовало избѣгать. Но это, такъ сказать, общія причины, быв-

шія на виду у каждаго изъ защитниковъ уніи. Что касается митрополита, то у него были свои личные разсчеты, по которымъ сближеніе съ православными могло быть очень непріятнымъ ему. Если-бы онъ вошелъ въ соглашеніе съ православными, то предстоящій соборъ имѣлъ-бы предсѣдателемъ не его, а лицо, выше его стоящее, т. е. протосинкелла Никифора; а если-бы послѣдній предсѣдательствовалъ, то при большинствѣ православныхъ, унія не была-бы принята и самъ митрополитъ, какъ ея поборникъ, былъ-бы осужденъ [145]). Таковы были причины нерѣшительности и уклончивости митрополита. По нимъ замѣтно было, что двумъ партіямъ, имѣющимъ общій интересъ, не придется сойтись въ одномъ соборѣ, не придется достигнуть согласія, потому что каждая изъ нихъ прибыла сюда съ предвзятыми мыслями. Такъ оно, дѣйствительно, и случилось.

6-го октября, въ день собора, митрополитъ, не извѣстивъ православныхъ, съ одними только представителями уніи какъ духовными, такъ и свѣтскими, отправился въ церковь св. Николая [146]). Тутъ они слушали литургію, по окончаніи которой были прочитаны молитвы, какія обыкновенно читались предъ началомъ собора и, такимъ образомъ, соборъ былъ открытъ. Актъ открытія приказано было записать публичному нотарію. Больше ничего не было сдѣлано въ первый день [147]).

Что-же дѣлали въ этотъ день православные? Собравшееся православное духовенство и міряне, не получая отъ митрополита никакихъ извѣстій и распоряженій, было въ затрудненіи, гдѣ собраться и что дѣлать. Нѣкоторые предложили собраться въ какую-нибудь церковь. Оказалось, однако, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, распорядился запереть всѣ церкви, чтобы лишить православныхъ приличнаго для собора мѣста [148]). Оставалось найти какое-нибудь помѣщеніе и тамъ предпринять что-нибудь въ виду отдѣленія латинской партіи. Такъ и сдѣлали. Принимая во вниманіе, что древняя практика допускала соборы въ домахъ, рѣшили собраться въ удобномъ для многочисленнаго собранія домѣ, предложенномъ протестантскимъ паномъ Райскимъ [149]), собраться съ тѣмъ, чтобы отсюда отправиться на мѣсто, которое указано

будетъ для собора митрополитомъ. Однако, не смотря на то, что приближался уже вечеръ, извѣстій отъ митрополита не было никакихъ. Чтобы кончить чѣмъ-либо это выжидательное положеніе, рѣшили отправить новое посольство. Оно состояло изъ шести лицъ [150]) и снабжено было особой грамотой (парагностикомъ), въ которой православные приглашали митрополита придти къ патріаршимъ экзархамъ, чтобы потомъ открыть въ какой-нибудь церкви соборъ [151]). Посольство отправилось сначала къ послу папы, арцыбискупу Соликовскому, объявляя ему, что православные давно собрались и ожидаютъ отъ митрополита (какъ хозяина на соборѣ) распоряженій о началѣ собора, который самъ онъ назначилъ на этотъ день. Объявивъ это въ тонѣ жалобы Соликовскому, посольство отправилось къ митрополиту. Но его нигдѣ не нашли, ни дома, ни въ церкви, ни въ другихъ мѣстахъ, гдѣ искали его [152]). Вслѣдъ за отправленіемъ посольства, православные (вѣроятно, отъ кого-либо изъ очевидцевъ) узнали, что митрополитъ открылъ уже свой соборъ въ Николаевской церкви. Такой образъ дѣйствій митрополита въ связи съ уклончивыми отвѣтами, даваемыми имъ прежде, не могъ не свидѣтельствовать о разрывѣ его съ православными. Поэтому они рѣшили открыть свой соборъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ были собраны. Такимъ образомъ, вмѣсто одного собора образовалось два — уніатскій и православный.

Имѣя въ виду представить дѣйствія перваго, мы не можемъ, безъ ущерба для нашей цѣли, обойти второй; поэтому будемъ излагать ихъ въ параллели.

Посмотримъ, что дѣлали православные 6-го октября. Рѣшившись открыть свой соборъ, прежде чѣмъ возвратится посланное къ митрополиту посольство, православные раздѣлились на два кóла или партіи: кóло духовное и кóло свѣтское [153]), которыя должны были засѣдать особо [154]). Какъ кóло духовныхъ, такъ и свѣтскихъ избрало себѣ примикиріевъ или маршалковъ. Въ кóлѣ духовныхъ ихъ было два: протопопъ заблудовскій Несторъ, на обязанности котораго было смотрѣть за порядкомъ въ засѣданіяхъ кóла, и пресвитеръ острожскій Игнатій, избранный для ру-

ководительства соборными нотаріями [155]). Свѣтскіе изъ своей партіи избрали волынскаго посла Демьяна Гулевича [156]). Послѣ этого освящена была комната, прочитаны молитвы предъ началомъ собора и между двумя, отдѣльно занявшими мѣста, колами поставлено на аналоѣ св. Евангеліе. Когда все такимъ образомъ устроилось, Гедеонъ, владыка львовскій, началъ рѣчь по-русски, которую іеродіаконъ Кипріанъ переводилъ по-гречески.

Почему открываетъ рѣчью соборъ Гедеонъ, а не Никифоръ, которому, какъ предсѣдателю, всего естественнѣе было-бы это? Быть можетъ, Никифоръ поручилъ ему, какъ старшему изъ присутствовавшихъ западно-русскихъ епископовъ сказать вступительную рѣчь или, что, кажется, будетъ вѣрнѣе, Гедеонъ говорилъ, какъ младшій изъ имѣвшихъ произносить рѣчи. Мы видимъ, что вслѣдъ за нимъ говорили на одну и туже тему Кириллъ и Никифоръ и рѣчь Никифора, какъ предсѣдателя, была послѣдней. Аналогію такой постепенности можно наблюдать и въ теперешнихъ собраніяхъ, гдѣ мнѣнія отбираются по старшинству, начиная съ младшаго, и за старѣйшимъ остается послѣднее рѣшающее слово. Въ своей рѣчи, говоря о преданности собравшихся сюда православныхъ, Гедеонъ выставляетъ на видъ собранію противозаконность дѣйствій митрополита и его сообщниковъ, выражающуюся въ томъ, что они не явились къ восточнымъ экзархамъ и предлагаетъ собору разсмотрѣть это дѣло [157]). Объ этомъ же предметѣ говорили Кириллъ и Никифоръ. Говоря, что митрополитъ незаконно поступилъ, Никифоръ добавилъ: «мы, однако, такъ неосмотрительно поступать не станемъ, а во всемъ будемъ согласоваться съ канонами нашей восточной церкви» [158]). Рѣчи были одобрены всѣми присутствовавшими. Послѣ рѣчей нѣкоторые изъ депутатовъ хотѣли было заявить о дѣлахъ, на которыя въ предстоящемъ соборѣ уполномочили ихъ воеводства и города, но разсмотрѣніе ихъ, вѣроятно, за позднимъ временемъ, отложено было до слѣдующаго 7-го октября [159]). Такъ прошелъ первый день собора; ни православные, ни уніаты не постановили ничего опредѣленнаго.

На слѣдующій день православные очень рано собрались опять въ домъ Райскаго. Предполагалось, что митрополитъ пришлетъ кого-нибудь изъ своихъ, чтобы объяснить свой вчерашній поступокъ и пригласить сегодня на соборъ [160]). Предположенія, однако, не сбылись; никто не приходилъ. Не было сомнѣнія, что митрополитъ съ своими епископами ведетъ соборныя дѣла особо. Лука, митрополитъ велиградскій выступилъ теперь съ такою рѣчью: „Ясно можете видѣть, говорилъ онъ собору, по поступкамъ митрополита и его епископовъ, что онъ самъ себя осуждаетъ,—самъ себѣ противорѣчитъ; вслѣдствіе принятыхъ на себя уніатскихъ дѣлъ, — что мы всѣ замѣчаемъ, — въ которыхъ и раньше былъ подозрѣваемъ,—онъ не осмѣливается предстать предъ нашимъ соборомъ“ [161]). Все собраніе не сомнѣвалось въ справедливости словъ достоуважаемаго владыки, но предсѣдатель собора Никифоръ, строго слѣдуя канонамъ церкви, рѣшилъ отправить митрополиту новое посольство съ новымъ приглашеніемъ на соборъ. Какъ и вчерашнее, посольство состояло изъ шести лицъ: трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ и нотарія [162]) и снабжено было парагностикомъ. Въ немъ говорилось: «слѣдовало милости вашей вчерашняго дня, по приглашенію, прибыть на нашъ соборъ, который ожидалъ васъ до самаго вечера. Теперь этимъ вторымъ парагностикомъ чрезъ почтенныхъ архимандритовъ и пресвитеровъ мы опять просимъ, чтобы вы прибыли, а не чуждались тѣхъ дѣлъ, которыя поставлены будутъ у насъ» [163]).

7-го октября, какъ раньше было замѣчено, прибыли королевскіе послы и, по предложенію латинскихъ епископовъ, просили князя Острожскаго принять мѣры, чтобы спокойствіе не было нарушено, что князь имъ и обѣщалъ. Посламъ, безъ сомнѣнія, было доложено, что вчера послѣдовало открытіе собора, совершившееся отдѣльно отъ православныхъ въ Николаевской церкви. Новоприбывшимъ нельзя было отмѣнять рѣшенія уже открывшихъ соборъ и они, выражая свое согласіе о мѣстѣ собора, приказали прибить объ этомъ объявленія къ дверямъ церкви св. Николая и римскаго костела. Между тѣмъ, посольство, отправленное равославными, отыскивая митрополита, старавшагося, какъ можно

рѣже встрѣчаться съ православными, подходило къ дому Попѣя. Объ этомъ извѣстили пословъ, которые тотчасъ сами поспѣшили туда. Тамъ они заставили прочитать парагностикъ [164]).

По возвращеніи къ своимъ, на вопросъ о результатѣ ихъ посольства, Андрей, пресвитеръ львовскій, нотарій, объявилъ, что, будучи посланы отъ собора къ кіевскому митрополиту Михаилу и къ находящимся при немъ владыкамъ, они отъ четвертаго часа ожидали его въ домѣ до самого вечера (do wieczornej godziny) и только въ это время онъ отпустилъ насъ, говоря: «напрасно вы насъ ожидаете, мы не пойдемъ». Остальные члены посольства единогласно подтвердили слова нотарія [165]). Такъ кончился второй день собора.

Православные въ ожиданіи, не предприметъ-ли чего-нибудь митрополитъ, уніаты вслѣдствіе пріѣзда королевскихъ пословъ, тѣ и другіе вслѣдствіе выжидательной нерѣшительности, не постановили ничего новаго въ сравненіи съ вчерашнимъ днемъ.

Долго сдерживаемое недовольство православныхъ на митрополита выразилось на слѣдующій день, 8-го октября. Какъ только собрались православные, тотчасъ съ обоихъ коловъ поднялись нареканія противъ митрополита за то, что онъ не обратилъ вниманія на двѣ грамоты патріаршихъ экзарховъ, посланныя къ нему еще предъ соборомъ [166]) и на два парагностика, отправленные вчера и третьяго дня. Такъ какъ Игнатій, пресвитеръ острожскій, объявилъ, что копіи грамотъ, писанныхъ митрополиту до собора имѣются подъ рукой, а Никифоръ, архимандритъ кіевскій, добавилъ, что имѣются даже по-русски написанными, то приказано было прочитать эти грамоты. Первою была прочитана грамота Никифора отъ 13-го сентября. Вотъ ея содержаніе: „Святѣйшему митрополиту кіевскому Михаилу, миръ и спасеніе отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа съ Духомъ Святымъ. Этимъ нашимъ посланіемъ увѣдомляемъ милость вашу, что въ прошломъ сентябрѣ, когда святѣйшій патріархъ Іеремія узналъ о замѣшательствѣ, происшедшемъ здѣсь вслѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ вымысловъ, то благоволилъ писать намъ, чтобы, по стародавнему обычаю, мы прибыли сюда въ качествѣ экзарха и все, что, по навѣту діа-

вола, на огорченіе людямъ произошло между вашими владыками, исправили и усмирили. Когда-же мы сюда прибыли, то о происшедшемъ намъ доносили различно. Одни говорили, что твоя милость въ св. богослуженіи еще поминаешь имя патріарха и во всемъ, согласно обычаю, какъ и прежде поступаешь. Другіе доносятъ, что твоя милость имени патріарха не поминаешь и не держишься древнихъ св. обычаевъ и догматовъ восточной св. каѳолической и апостольской церкви, чему мы не вѣримъ. Вслѣдствіе всего этого пишемъ милости вашей, чтобы ваша милость собственнымъ отвѣтомъ объявили всю правду о томъ, держитесь ли вы древнихъ обычаевъ и св. догматовъ, слѣдуете-ли вы древнему обычаю или уже его оставили,—сообщите, чтобы мы, узнавъ достовѣрно истину, все, что ненавистникъ добра діаволъ сдѣлалъ, устроили при помощи Св. Духа, чтобы, такимъ образомъ, миръ церкви былъ соблюденъ и связь единомыслія и любви между іереями Божіими остались цѣлыми, чѣмъ-бы Господь нашъ, въ Троицѣ восхваляемый, былъ умилостивленъ. Такъ поступи, братъ нашъ найлюбезнѣйшій, напиши о всѣхъ этихъ дѣлахъ, а также постарайся, чтобы какъ можно скорѣе, на какомъ-либо мѣстѣ съѣхавшись, увидѣлись и поразсудили объ этомъ, будтобы замѣшательствѣ и тревогѣ между владыками, во Христѣ любезными братьями нашими» [167]).

Потомъ была прочитана копія посланія, которую Никифоръ и Кириллъ отправили митрополиту 5-го октября. Приведемъ дословно и это посланіе. «Святѣйшему митрополиту кіевскому Михаилу и находящимся съ нимъ возлюбленнымъ о Господѣ владыкамъ, миръ, любовь и спасеніе отъ Бога. Св. восточная и апостольская церковь, имѣющая попеченіе о всѣхъ церквахъ въ своихъ границахъ, когда узнала о замѣшательствѣ, происшедшемъ между владыками, а также между князьями, вельможами, рыцарствомъ и другими православными христіанами, находящимися въ предѣлахъ польскаго королевства и вмѣстѣ съ нами наслѣдующими обычаями и св. догматы, когда узнала о замѣшательствѣ, происшедшемъ вслѣдствіе новыхъ вымысловъ, то намъ, какъ найменьшимъ своимъ слугамъ во Св. Духѣ, приказала, чтобы мы

сюда пріѣхали и все, что говорятъ на васъ доподлинно, согласно каноническимъ постановленіямъ, узнали и успокоили, а особенно предостерегли, чтобы догматы ея и обычаи никакой перемѣны не потерпѣли, но чтобъ остались въ своемъ видѣ и строго были соблюдаемы. Прибывши сюда, мы узнали, что милостивѣйшій король Сигизмундъ III назначилъ Брестъ-Литовскій для частнаго собора, куда и собрались, какъ это мы видимъ. И мы къ назначенному сроку сюда поспѣшивши и, скоро прибывши, до твоей милости, равно какъ и до владыкъ твоихъ, посылаемъ это наше посланіе, служащее знакомъ нелицемѣрной, истинной во Христѣ любви нашей, которую къ вамъ питаемъ и, такимъ образомъ, братіе, напоминаемъ вамъ, чтобы вы соблюдали каноны и постановленія св. отцовъ, наслѣдуя оные, какъ члены св. Божіей каѳолической и восточной церкви. Покажите теперь, какъ прежде это дѣлали, свою ревность и преданность ей, чего и сама справедливость отъ васъ требуетъ, и прибудьте до тѣхъ, которые служатъ здѣсь представителями церкви, во-первыхъ для того, чтобы утѣшиться другъ другомъ, исполняя любовь братскую въ Господѣ Христѣ, во-вторыхъ для того, чтобы посовѣтоваться, какую церковь избрать для собора и при этомъ успокоить всякія замѣшательства и тревоги и съ помощію Св. Духа показать примѣръ къ почитанію и славѣ единаго тріипостаснаго Бога, на утѣшеніе и радость народу христіанскому. Будьте здоровы. Въ Брестѣ, октября 5-го, индикта 10-го» [168]).

По прочтеніи этихъ грамотъ, великій протосинкеллъ Никифоръ въ сказанной имъ рѣчи объяснилъ причину дѣйствій митрополита.—„Какъ сдѣлавшій зло, ненавидитъ добро и не можетъ приступить къ нему,—говорилъ онъ, — такъ и митрополитъ съ своими владыками не можетъ явиться сюда, боясь понести достойное наказаніе, котораго, однако, не избѣжитъ, если будетъ пребывать въ своемъ намѣреніи“ [169]).

Чтобы не отступать отъ постановленій церковныхъ, узаконявшихъ троекратный призывъ на соборъ, рѣшено было, по предложенію Никифора, отправить къ митрополиту еще одно посоль-

ство, въ которомъ на этотъ разъ участвовало семь лицъ [170]). По примѣру предыдущихъ разовъ, соборъ снабдилъ посольство парагностикомъ, въ которомъ говорилось, что, если митрополитъ не явится на соборъ и послѣ этого, третьяго приглашенія, и не объяснится въ томъ, въ чемъ его письменно и устно обвиняютъ, то соборъ вынужденъ будетъ поступить съ нимъ по канонамъ св. отцовъ и потомъ не будетъ уже мѣста оправданію [171]).

Посольство скоро возвратилось и доложило собору, что митрополитъ такъ имъ отвѣтилъ: «что сдѣлано, то уже сдѣлано; иначе теперь быть не можетъ; хорошо или дурно мы поступили, только мы отдались западной церкви» [172]). Выслушавши этотъ отвѣтъ, протосинкеллъ Никифоръ обратился къ собору съ обширною рѣчью. Въ ней онъ сильно обличалъ митрополита и единомышленныхъ ему епископовъ за ихъ пренебреженіе къ патріарху константинопольскому и къ церкви восточной и за произведенные ими измѣной ея догматамъ безпорядки въ средѣ преданныхъ ей сыновъ. Примѣрами изъ ветхозавѣтной исторіи онъ доказывалъ, что измѣнившіе вѣрѣ должны быть замѣнены достойнѣйшими изъ вѣрныхъ. Затѣмъ хвалилъ присутствовавшихъ за ихъ преданность православію, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, и предостерегалъ ихъ отъ выгодъ и богатствъ, стремясь къ которымъ, многіе измѣняютъ своей вѣрѣ. Потомъ защищалъ себя противъ тѣхъ, которые говорили, будто онъ не имѣлъ права присутствовать на соборѣ, какъ предсѣдатель, и въ заключеніе, обращаясь къ собранію, спросилъ, когда и какимъ образомъ митрополитъ и владыки начали стараться объ отступничествѣ [173]). На этотъ вопросъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ отвѣчалъ (по-русски, а іеродіаконъ Кипріанъ перевелъ по-гречески) кіевскій архимандритъ Никифоръ. Въ своей рѣчи онъ указалъ, что начало отступничества митрополита замѣтнымъ стало съ того времени, какъ патріархъ цареградскій Іеремія за непозволенные и непристойные поступки наложилъ на него своей грамотой временное запрещеніе [174]); съ этого времени митрополитъ вошелъ въ согласіе съ другими епископами и высказалъ намѣреніе отступить отъ восточной церкви, для чего владимірскій и луцкій епископы по-

ѣхали въ Римъ, откуда возвратившись, и всѣхъ хотѣли заставить послѣдовать ихъ примѣру... «Но мы,—говорилъ Никифоръ,—никогда не отступали отъ обычаевъ и св. догматовъ, которые приняли отъ нашихъ предковъ, напротивъ, свидѣтельствуемъ, что будемъ держаться ихъ до конца нашей жизни. И не только тѣ изъ насъ, которые прибыли сюда на соборъ, но и всѣ православные христіане этой епархіи: князья, вельможи, рыцарство, церковныя братства и великое множество народа русскаго. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ инструкцій, которыя чрезъ пословъ присланы на соборъ изъ разныхъ мѣстъ» [175]).

Затѣмъ приступлено было къ разбору самыхъ инструкцій, которыхъ было очень много, но всѣ онѣ сводились къ тремъ главнымъ положеніямъ. Во-первыхъ, чтобы духовные, которые отступили отъ православной церкви и поддались власти папской, были лишены того сана, какой они имѣли до отступленія. Во-вторыхъ, чтобы на этомъ помѣстномъ брестскомъ соборѣ не было постановляемо соединеніе съ западною римскою церковью безъ позволенія патріарховъ и всей восточной церкви,—безъ соглашенія о всѣхъ разностяхъ въ вѣрѣ, только на основаніи положенномъ двумя владыками, имѣющими въ этомъ своекорыстные виды—покрыть свои преступленія и пріобрѣсть себѣ пользу и возвышеніе; напротивъ, древнее христіанское богослуженіе, принятое предками отъ восточной церкви и содержимое всѣми, подтвержденное привиллегіями, конфедераціями и королевскими присягами, должно быть оставлено въ цѣлости, безъ перемѣны обрядовъ и прежней патріаршей власти. Въ-третьихъ, чтобы не принимать новаго календаря, явно противнаго правиламъ церковнымъ, а сохранять ненарушимо свободное употребленіе стараго, на основаніи грамоты короля Стефана и бывшаго постановленія по сему предмету [176]). По разсмотрѣніи инструкцій, тотъ же архимандритъ кіевскій Никифоръ сказалъ, что съ отступниками должно поступить по опредѣленію св. отцовъ и по канонамъ церковнымъ. Кириллъ, протосинкеллъ церкви александрійской, вслѣдъ за Никифоромъ высказалъ то же самое.

Еще онъ не окончилъ своей рѣчи, какъ отъ королевскихъ пословъ пришла депутація, съ приглашеніемъ православныхъ выслать къ нимъ представителей для выслушанія королевской воли. Въ этой депутаціи былъ знаменитый іезуитъ Петръ Скарга и нѣкоторые вельможи латинскіе. Придя въ домъ, гдѣ засѣдали православные, Скарга вызвалъ князя Острожскаго и его сына Александра изъ общей залы въ отдѣльную маленькую комнату и тамъ, со свойственнымъ ему искусствомъ, повелъ рѣчь, стараясь склонить ихъ къ уніи. Узнавъ объ этомъ, предсѣдатель собора Никифоръ сказалъ, что приличнѣе было бы Скаргѣ явиться въ общее собраніе и диспутировать здѣсь открыто съ учеными богословами, чѣмъ посредствомъ діалектики тайно вести дѣло съ людьми не спеціалистами въ богословіи. «Тѣмъ болѣе прилично было бы такъ поступить, — говорилъ онъ, — что мы просили всѣхъ, желающихъ возражать что-либо противъ обычаевъ, канововъ и св. догматовъ восточной церкви, являться въ соборную залу»[177]). Попытка Скарги не имѣла успѣха. Православные хотя и сознавали, что депутаціи королевскихъ пословъ слѣдовало предстать предъ ихъ соборомъ, но чтобы избѣжать упрековъ, а главнымъ образомъ изъ почтенія къ королю, представителями котораго они пріѣхали на соборъ[178]), отправили къ посламъ восемь человѣкъ, по четыре отъ каждаго кола. Съ ними, согласно просьбѣ королевскихъ пословъ, отправились владыки львовскій и перемышльскій съ нѣкоторыми священниками[179]). Королевскіе послы обратились къ пришедшимъ съ обширной рѣчью. Въ ней они говорили, что три года тому назадъ король получилъ заявленіе отъ митрополита и отъ владыкъ, въ числѣ которыхъ были львовскій и перемышльскій, за ихъ собственноручною подписью, что они желаютъ подчиниться власти римской церкви. Извѣстно было королю, что и князь Острожскій[180]) желалъ уніи и для этого въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сносился съ папою Григоріемъ XIII чрезъ Поссевина и недавно (на варшавскомъ сеймѣ) лично просилъ короля созвать соборъ, обѣщая помочь соединенію церквей, что нѣкоторыя просьбы князя о соборѣ король выполнилъ. Потомъ упрекали православныхъ за то, что они пріѣхали съ вооружен-

ными людьми, какъ будто хотѣли этимъ устрашить кого-нибудь, и отдѣльно собравшись, выбрали себѣ маршалковъ, игнорируя этимъ власть уполномоченныхъ короля,—что допустили къ себѣ еретиковъ и, что хуже всего, поставили во главѣ своей сходки грека Никифора, бѣглеца, человѣка неблагонадежнаго, агитирующаго противъ Польши,—что допустили къ участію людей свѣтскихъ и собрались въ домѣ, а не въ церкви. Говорили, затѣмъ, что если нѣкоторые владыки отступили отъ власти цареградскихъ патріарховъ, то хорошо сдѣлали, потому что сами патріархи отступили отъ Божіей церкви (римской) и теперь не хотятъ съ ней соединиться или не могутъ вслѣдствіе турецкой неволи. Далѣе, выставляли на видъ, что хотятъ согласія и любви, которыя тѣмъ болѣе необходимы, что Польшѣ грозитъ опасность отъ Турокъ, какая уже постигла грековъ и другихъ еретиковъ [181]).

Королевскіе послы предполагали, что пришедшая отъ православныхъ депутація вызоветъ ихъ на диспутъ о единствѣ церкви, поэтому они призвали Скаргу, о присутствіи котораго на соборѣ лично просили короля, и товарища его, іезуита Іуста Роба [182]). Но депутація, не желая входить въ какіе бы то ни было диспуты, поспѣшила донести своему собору о томъ, что слышала отъ королевскихъ пословъ. Послѣдніе того же дня вечеромъ получили такой отвѣтъ отъ православныхъ. «Мы съ благодарностію принимаемъ отеческое его милости короля попеченіе о согласіи между его подданными и весьма рады приступить къ нему...., но поелику изъ исторіи видно, что сіе св. соединеніе, сколько ни было заключаемо, всякій разъ было и разрываемо, ибо не были устраняемы всѣ препятствія къ нему,—то не желая болѣе созидать такія непрочныя дѣла, мы хочемъ приступить къ сему согласію осмотрительнѣе, надлежащими средствами и путями, чтобы оно, утвержденное на крѣпкомъ основаніи, могло пребывать долго и—дай Богъ—вѣчно. Но, примѣчая, какіе люди подали теперь поводъ къ утвержденію этого согласія, и видя, что на это нѣтъ позволенія всей церкви восточной и особенно патріарховъ, зная также, что этимъ дѣломъ завѣдуютъ владыки подозрительные по большей части,—а разности относительно вѣры не могутъ быть приведены здѣсь въ надлежащее

согласіе,—мы не видимъ на этотъ разъ добраго основанія къ такому соединенію, а потому рѣшительно недопускаемъ его». Затѣмъ православные просили, чтобы ихъ теперешнее несогласіе на унію не было истолковано въ худую сторону и не навлекло на нихъ гнѣва короля, такъ какъ они готовы съ радостію приступить къ ней, если на это согласится вся восточная церковь и особенно патріархи [183]). Отправивъ этотъ отвѣтъ королевскимъ посламъ, православные занялись разсмотрѣніемъ дѣла дидаскала виленскаго братства Стефана Зизанія и двухъ священниковъ—Василія и Герасима, осужденныхъ митрополитомъ за ересь. Соборъ оправдалъ ихъ [184]). Остальное время этого дня посвящено было разсужденіямъ о папской власти и другимъ вопросамъ, предложеннымъ присутствовавшими, отвѣты на которые были даваемы Никифоромъ и Кирилломъ [185]). Все сдѣланное въ этомъ соборномъ засѣданіи было записано въ соборные акты. Такъ прошелъ третій день брестскаго собора.

9-го октября королевскіе послы, усомнившись въ согласіи между православными и латинянами, напомнили бискупамъ и владыкамъ, чтобы они приступили къ исполненію того, для чего собрались сюда, «не обращая вниманія на эту, болѣе еретическую, чѣмъ греческую сторону», какъ выражается Скарга [186]). Послѣ этого бискупы и владыки, въ полномъ облаченіи, согласно сану каждаго, съ протопопами, священниками, архимандритами и игуменами, а также съ большимъ множествомъ пановъ и народа, при колокольномъ звонѣ, отправились въ церковь св. Николая. Здѣсь, совершивши молебствіе о соединеніи христіанъ, они размѣстились такъ, что по однойсторонѣ были послы папы и короля, а по другой—митрополитъ съ единомышленными ему владыками. Затѣмъ вышелъ на амвонъ полоцкій архіепископъ Германъ и, держа въ рукѣ подписанную грамоту, прочелъ по ней напередъ составленный актъ уніи. Въ этой грамотѣ митрополитъ съ владыками на вѣчную память объявляютъ, что на соборѣ въ Брестѣ они признали главенство римской церкви, которое и восточными патріархами въ продолженіи немалаго времени было признаваемо, что для этой цѣли они, съ вѣдома короля, прошлаго года посы-

лали въ Римъ Поцѣя и Терлецкаго, что папа согласился на ихъ просьбу, приказавъ, чтобы они созвали здѣсь соборъ и св. исповѣданіе вѣры учинили, — что, затѣмъ, это сдѣлано теперь «яко то листы наши и подписанія властныхъ рукъ съ приложеніемъ печатей нашихъ свѣтчатъ» и, наконецъ, что листы эти вручены посламъ папы въ присутствіи пословъ его милости, короля и всѣхъ находящихся на соборѣ лицъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ [187]). Когда была прочитана грамота, епископы западной церкви въ знакъ единенія облобызались съ владыками церкви восточной, давая другъ другу увѣренія любви и согласія. Потомъ, воспѣвъ хвалу тріипостасному Богу, въ тѣхъ же облаченіяхъ со всѣми присутствовавшими отправились въ латинскій костелъ св. Маріи и тутъ пропѣли: Te Deum laudamus. «Видя это торжество, пишетъ Скарга, народъ проливалъ слезы радости, дивясь этому счастливому и давно желанному часу и любви Бога, соединяющаго разрозненныхъ и возвышающаго покорныхъ [188]). Актъ уніи митрополитъ приказалъ вывѣсить въ разныхъ мѣстахъ [189]). Въ тотъ же день митрополитъ и владыки—уніаты лишили сана епископа львовскаго Гедеона за то,—какъ сказано въ грамотѣ,—что онъ «съ митрополитомъ, пастыремъ и старшимъ своимъ на мѣстце синодови звыклое сходитися не хотѣлъ...., а особно схажки якись мѣлъ, и тамъ покутнѣ зъ еретыками сполкововалъ и зъ особами до собору неналежными», о чемъ извѣщено его милости, королю, чтобы вакантную епископію Гедеона отдалъ кому пожелаетъ [190]). Также осужденъ и лишенъ былъ сана кіевскій архимандритъ Никифоръ Туръ, которому, какъ и Гедеону, вечеромъ, 9 октября, прислана была объ этомъ соборная грамота митрополита [191]). На слѣдующій день, въ воскресенье, издана была грамота, осуждающая и Михаила Копыстенскаго, епископа перемышльскаго, а также многихъ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ (въ ней же подтверждается осужденіе Гедеона и Никифора) за то, что всѣ они, по словамъ митрополита, «зъ геретыками сполковали и зъ ними сомницы лукаво совѣтовали, отъ святаго собора нашего отлучившися» [192]). Того же дня нововозсоединившіеся владыки служили вмѣстѣ съ латинскими бискупами въ церкви св. Николая, гдѣ іезуитъ Скарга говорилъ проповѣдь о

мирѣ и счастливомъ соглашеніи во Христѣ (православныхъ и латинъ). Окончивши такимъ образомъ дѣла, которыя, какъ мы видѣли, были очень несложны, изложивъ ихъ письменно и скрѣпивъ печатями, участвовавшіе въ соборѣ уніаты и латиняне разъѣхались [193]).

Какъ же окончился соборъ у православныхъ? Въ субботу, 9 октября, православные собрались очень рано (jeszcze na zorzach) и тотчасъ приступили къ суду надъ митрополитомъ и его сообщниками. Никифоръ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой очень подробно перечислилъ ихъ проступки, обвиняя ихъ въ томъ, во-первыхъ, что они преступили данную ими присягу повиновенія власти патріаршей (Никифоръ привелъ и самыя слова ихъ присяги), во-вторыхъ, что нарушили постановленія древнихъ соборовъ (9-е прав. 4-го всел. собора, которое и было приведено), запретившихъ епископамъ одного церковнаго округа относиться въ другой округъ вмѣсто своего; въ-третьихъ и четвертыхъ, что, преступая соборныя постановленія, своею властію, безъ соизволенія патріарха, рѣшили вопросъ о соединеніи церквей, который можетъ подлежать рѣшенію только вселенскаго собора и, въ-пятыхъ, что не обратили вниманія, на троекратное приглашеніе ихъ на соборъ, чтобы дать отчетъ въ своихъ поступкахъ [194]). Какъ только Никифоръ окончилъ свою рѣчь, соборъ сталъ требовать, чтобы немедленно былъ объявленъ приговоръ надъ митрополитомъ и провинившимися владыками. Тогда Никифоръ сталъ на возвышеніи и, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой—евангеліе, произнесъ слѣдующее: «обиженная (wzgardzona) св. восточная церковь повелѣваетъ намъ и настоящему собору, чтобы митрополитъ и епископы [195]) лишены были архіерейскаго достоинства, власти и епископскаго названія и всякаго нашего духовнаго сана» [196]). Приговоръ былъ подписанъ всѣми членами духовнаго кóла и въ тотъ же день отправленъ имъ. Кромѣ этого, всѣми членами собора сдѣлано было постановленіе просить короля, чтобы не удерживалъ этихъ ложныхъ пастырей, отрѣшилъ ихъ, какъ явныхъ отступниковъ и назначилъ другаго митрополита и другихъ владыкъ [197]). Того же 9 октября была написана на соборѣ

православныхъ протестація. Въ ней всѣ члены собора возражаютъ противъ митрополита и осужденныхъ съ нимъ владыкъ, составившихъ и обнародовавшихъ соглашеніе относительно обрядовъ восточной и западной церкви, — соглашеніе сдѣланное безъ вѣдома членовъ собора и противъ всякой справедливости. «Поэтому мы, писали православные, свидѣтельствуемся и протестуемся противъ лицъ, дѣлъ и самого поступка и обѣщаемся не только не принимать его, но и противоборствовать ему всѣми силами; свое же дѣло, сдѣланное противъ нихъ, будемъ подкрѣплять всѣмъ нашимъ достояніемъ..., а особенно просьбами нашими у его королевской милости. Сіе заявленіе наше посылаемъ въ брестскій радъ, для внесенія его въ тамошнія книги. Писано въ Брестѣ, 9 октября, по старому календарю 1596 года» [198]). Такъ окончился соборъ православныхъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто предполагавшагося одного собора, въ Брестѣ отбылось ихъ два—православный и уніатскій, оба совершенно различные другъ отъ друга до полной противоположности. Характеръ дѣйствій того и другаго вытекаетъ, конечно, изъ цѣли ихъ. Эти цѣли намъ извѣстны: одни ѣхали утвердить унію, а другіе поразить ее. Но первые имѣли уже готовое, напередъ составленное рѣшеніе, а вторые должны были выработать его. Поэтому-то дѣйствія латинской партіи отличаются только формальной стороной, тогда какъ дѣйствія православныхъ поражаютъ глубокимъ анализомъ внутренняго содержанія ихъ. Надо было осудить унію и ея виновниковъ и необходимо было сдѣлать это на основаніи каноновъ и постановленій церкви. И, дѣйствительно, православные такъ поступили, не опуская изъ виду и формальной стороны. Замѣчательно въ ихъ дѣйствіяхъ строгое исполненіе соборныхъ правилъ. Завѣдомо перешедшій на сторону митрополитъ призывается на соборъ три раза. Въ самомъ осужденіи митрополита и измѣнившихъ владыкъ ведется дѣло такъ, что на всякій пунктъ обвиненія приводится нарушенное соборное правило. Вообще, во всемъ видна у православныхъ основательность, вѣрное знаніе гражданскихъ и церковныхъ законовъ, прямота дѣйствій, любовь къ королю и даже противной партіи. Сами поборники уніи отлично

сознавали каноническую законность дѣйствій собора православныхъ и потому не имѣли возможности ихъ обличать, чего, конечно, они не преминули бы сдѣлать.

Характеръ дѣйствій уніатскаго собора, какъ замѣчено выше, чисто формальный и, въ смыслѣ подражанія собору православныхъ (а латинская партія старалась подражать), онъ можетъ быть названъ очень блѣдной копіей своего прототипа. Православные троекратно посылали къ нимъ посольства; надо было сдѣлать что-нибудь въ этомъ отношеніи и латинской партіи. И вотъ присылается депутація съ словеснымъ, надо замѣтить, приглашеніемъ православныхъ на соборъ. Но что же? Здѣсь, какъ и вездѣ, сказывается подпольный образъ дѣйствій латинства. Скарга, присланный въ качествѣ посла пригласить православныхъ на соборъ, кабинетнымъ образомъ старается склонить князя Острожскаго къ уніи. Было ли это личнымъ дѣйствіемъ Скарги или общимъ интересомъ всѣхъ посылавшихъ его, во всякомъ случаѣ фактъ самъ по себѣ очень краснорѣчивый. Больше посольствъ не было. Нельзя не видѣть, что въ процессіяхъ, въ торжественныхъ ходахъ изъ церкви въ костелъ, въ обстановкѣ, бьющей на эффектъ, латинская партія преслѣдовала только одну форму. Надо было оформить унію, а это лучше всего выражалось въ пышныхъ церемоніяхъ, которыя, какъ мы видѣли, и занимали большую часть времени у латинской партіи. Когда вопросъ рѣшенъ, то и разсуждать о немъ нѣтъ необходимости. И, дѣйствительно, на соборѣ уніатовъ не имѣли мѣста ни совѣщанія, ни разсужденія. Напередъ составленный и подписанный актъ уніи читается прямо, какъ дѣло рѣшенное. Въ соборѣ православныхъ, согласно церковнымъ канонамъ, принимали участіе міряне, такъ какъ вопросъ объ уніи касался ихъ отношеній къ церкви; уніатамъ не было нужды въ совѣщаніи съ народомъ, да его и не было на ихъ соборѣ. Надо было, наконецъ, выместить чѣмъ-нибудь епископамъ, не принявшимъ участія въ уніи. Для этого они прямо обвиняются въ сопротивленіи митрополичьей власти, осуждаются и лишаются сана, безъ всякихъ основаній. Если, повторяемъ, на соборѣ православныхъ все дѣлалось на основаніи правилъ и каноновъ церк-

ви, то уніаты вовсе не руководствовались ничѣмъ такимъ или, правильнѣе сказать, только и руководствовались желаніемъ утвердить унію,—желаніемъ, которому все остальное приносилось въ жертву. Какъ православные, такъ и уніаты постановили каждые свои рѣшенія, такъ же противоположныя, какъ не сходны были цѣль ихъ прибытія на соборъ и дѣйствія на немъ, и эти рѣшенія представили королю. Напередъ можно было угадать, на чьей сторонѣ будетъ королевская власть. Нѣтъ сомнѣнія,—на той, къ которой и раньше она склонялась, т. е. на сторонѣ уніатовъ. Такъ и случилось,—и со времени брестскаго собора унія стала фактомъ совершившимся, какъ ни ненормальны были мѣры для распространенія ея, какъ ни противорѣчила она жизни западно-русскаго народа, всегда ее ненавидѣвшаго, и, наконецъ, какъ ни беззаконно совершилось принятіе ея. Унія теперь имѣла всѣ права внѣшней авторитетности, внѣшней законности, ибо торжественно была принята высшими духовными представителями западно-русской церкви и утверждена королемъ. Получивъ, такимъ образомъ, со времени брестскаго собора юридическое право на свое существованіе, унія не могла не стать во враждебное отношеніе къ православію. Иначе и не могло быть. Оставить унію на порогѣ фактическаго принятія ея всѣми, которое, какъ казалось латинянамъ, должно было осуществиться, было бы дѣломъ неоконченнымъ, да это и не входило въ разсчеты польскаго правительства. Унія и православіе не могли существовать вмѣстѣ, и такъ какъ на сторонѣ первой были симпатіи короля, папы, польскаго латинства и принявшихъ ее іерарховъ, то второе должно было уступить ей свое мѣсто.

Насколько успѣла въ этомъ унія, какія лица выступили во главѣ уніатскаго движенія и что встрѣтило поборниковъ уніи на пути ихъ стремленій осуществить свои планы, — это мы увидимъ ниже, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ брестскаго собора для польскаго правительства и православныхъ.

Извѣстно, къ чему стремилось польское правительство и въ частности всѣ тѣ, которые дѣйствовали съ ними заодно въ

пользу уніи. Они стремились объединить посредствомъ единовѣрія разноэлементный составъ Рѣчи посполитой и тѣмъ укрѣпить слабый государственный организмъ Польши. По ихъ разсчету, унія должна была служить звеномъ, скрѣпляющимъ латино-польскій и литовско-русскій народы, и брестскій соборъ, по мысли короля (какъ это видно изъ манифеста по этому поводу) и поборниковъ латинства, придавъ внѣшнюю законность уніи, долженъ былъ, выразимся такъ, служить послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ этого единенія. Но, какъ мы видѣли, дѣйствія брестскаго собора вовсе не оправдали ожиданій польскаго правительства. Онъ не только не содѣйствовалъ сближенію двухъ народностей, не только не достигъ желаннаго латинствомъ единенія, а напротивъ, усилилъ разогрѣтое происками латинской партіи чувство,—чтобы не сказать болѣе,—нерасположенности къ ней и, раздѣливъ народъ на два враждебныхъ лагеря, усилилъ раздоръ и тѣмъ содѣйствовалъ разстройству и безъ того уже ослабленнаго польскаго государства. Таковы послѣдствія брестскаго собора для Польши.

Что-же принесъ этотъ соборъ православнымъ? Не любъ былъ русскому народу его сосѣдъ—полякъ, не люба была ему и вѣра латинская. Онъ защищался, насколько позволяли ему его силы отъ нежданныхъ притязаній навязать эту чуждую ему вѣру. Но сила, какой располагали ревнители уніи, была велика и упорна и потому отвергнутая самимъ народомъ, латинская вѣра была принята отъ лица его іерархами. Эти послѣдніе до времени брестскаго собора, если не были на дѣлѣ пастырями русскаго народа, то, по крайней мѣрѣ, по формѣ считались такими для него и, если ходившая молва обвиняла старѣйшаго изъ нихъ митрополита Рогозу въ участіи его въ уніи, то не было фактовъ, могущихъ явно посвидѣтельствовать объ этомъ (какъ извѣстно, іерархи — поборники уніи даже другъ предъ другомъ скрытничали). Теперь, когда дѣла въ Брестѣ окончились взаимнымъ проклятіемъ собравшихся сюда и депутаты, бывшіе на соборѣ, разгласили объ этомъ каждый въ своемъ краѣ, народъ увидѣлъ, что и эта внѣшняя, юридическая связь митрополита съ нимъ порвана, что его вѣра попрана ея-же верховнымъ представителемъ и что съ этихъ поръ,

дѣйствуя заодно съ польскимъ правительствомъ, митрополитъ съ своими единомышленниками хочетъ олатинить русскій народъ. Горько было сознаніе своей безпомощности въ виду предстоящей борьбы съ насиліемъ со стороны поборниковъ уніи. Но какъ всегда бываетъ, при отсутствіи внѣшней помощи и поддержки, человѣкъ старается найти ее въ себѣ самомъ, обращается къ своему внутреннему міру. Такъ случилось теперь и съ литовско-русскимъ народомъ. Но, ища въ себѣ самомъ поддержки, онъ въ то же время обращаетъ свой взоръ къ далекому, единовѣрному востоку.

Православные и уніаты послѣ провозглашенія брестской церковной уніи.

Такъ какъ интересы уніи находились въ тѣсной связи съ интересами польскаго государства, то королевская власть, несмотря на законность дѣйствій и правоту дѣла православныхъ, стала на сторонѣ латинской партіи. Король Сигизмундъ утвердилъ рѣшенія, постановленныя уніатами на брестскомъ ихъ соборѣ, и 15 декабря 1596 г., окружною грамотою къ литовско-русскому духовенству и мірянамъ приказывалъ, чтобъ они признавали своими пастырями владыкъ, принявшихъ унію, и съ Гедеономъ львовскимъ и Михаиломъ перемышльскимъ не имѣли-бы никакого общенія, какъ съ низложенными [199]). Вскорѣ затѣмъ (въ февралѣ и мартѣ 1597 г.), на варшавскомъ сеймѣ король осудилъ бывшаго предсѣдателя на соборѣ православныхъ—Никифора, ложно обвиненнаго въ шпіонствѣ, и заточилъ его [200]). Такой поступокъ короля не могъ не ободрить уніатовъ-іерарховъ въ ихъ дѣйствіяхъ на пользу уніи и они, пуская въ ходъ то проклятіе за неповиновеніе, то угрозу лишить занимаемыхъ должностей, завлекаютъ въ унію многихъ изъ православнаго духовенства. Король содѣйствовалъ владыкамъ и жаловалъ ихъ своими милостями [201]).

Но начало юридической жизни уніатской церкви, въ силу уже извѣстныхъ намъ причинъ, не могло не встрѣтить противодѣйствія со стороны православныхъ. Уже на варшавскомъ сеймѣ западно-русскіе послы требуютъ, чтобы были соблюдаемы pacta conventa и чтобъ принявшіе унію владыки были низвергнуты. Но, главнымъ образомъ, православные противодѣйствуютъ уніи подъ вліяніемъ увѣщаній протосинкелла Никифора [202]), находившагося тогда въ Литвѣ и особенно вслѣдствіе посланій и писемъ мѣстоблюстителя цареградской каѳедры, александрійскаго патріарха Мелетія. Послѣдній, одобривъ дѣйствія православныхъ на брестскомъ соборѣ, писалъ имъ избрать новаго митрополита и епископовъ (вмѣсто принявшихъ унію), а пока назначилъ для западнорусской церкви трехъ экзарховъ: Кирилла Лукариса, епископа Гедеона и князя Острожскаго, вмѣняя имъ въ обязанность просить короля о дозволеніи православнымъ жить по отеческимъ обычаямъ и догматамъ. Писалъ также братствамъ, вельможамъ, духовенству, народу и, чаще другихъ, кн. Острожскому, всѣмъ завѣщая хранить православную вѣру [203]).

Для православныхъ особенно благодѣтельно было назначеніе Гедеона цареградскимъ экзархомъ. Въ этомъ званіи онъ былъ архипастыремъ не только для львовской паствы, но и первосвятителемъ для всѣхъ православныхъ западно-русской церкви, находившихся въ предѣлахъ епархій уніатскихъ владыкъ, удовлетворяя ихъ нужды, какъ въ поставленіи священниковъ, такъ и въ выдачѣ антиминсовъ, въ освященіи церквей и т. п. Эти дѣйствія Гедеона до того возмущали уніатовъ, что Рогоза принужденъ былъ составить подложное постановленіе (которое онъ приписалъ собору, бывшему въ 1509 г. въ Вильнѣ) и въ нарушеніи этого постановленія, запрещавшаго одному епископу «духовныя справы отправувати» въ чужой области, надо полагать, обвинилъ Гедеона предъ королемъ. По крайней мѣрѣ послѣдній въ своей грамотѣ къ Гедеону (отъ 22-го марта 1599 г.) приказываетъ ему прекратить свои незаконныя дѣйствія и жить спокойно [204]). Противодѣйствуя уніи въ оборонительномъ, такъ сказать, положеніи, православные, по естественной враждѣ къ ней, дѣйствовали и на-

ступательно. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія обвиненіе Поцѣя и Терлецкаго на варшавскомъ сеймѣ 1598 г. послами воеводства волынскаго, сходное съ обвиненіемъ ихъ на православномъ соборѣ въ Брестѣ. Но, явно покровительствуя уніи, король отложилъ это дѣло до сейма 1600 г. [205]), хотя обвиняемые и были вызваны въ Варшаву [206]). Видя безуспѣшность своихъ жалобъ королю, державшему сторону уніатовъ, и дерзость поступковъ этихъ послѣднихъ, православные рѣшили создать новую форму противодѣйствія уніи съ правами законности, полагая ее въ союзѣ съ протестантами [207]); съѣхавшись (4-го мая 1599 г.), съ цѣлью укрѣпленія этого союза, въ Вильно, знатные православные и протестанты дали клятву защищать отъ уніи и латинства свои храмы и духовенство, какъ и гдѣ только можно будетъ и, чтобъ наблюдать за положеніемъ православныхъ и протестантовъ, избрали 120 провизоровъ [208]). Кромѣ этой гражданской, хотѣли было заключить еще религіозную унію: Но послѣдняя, вслѣдствіе несогласій въ вѣрѣ, не состоялась, а потому и первая не принесла ожидаемыхъ плодовъ, хотя, конечно, до уясненія уніатами ея несостоятельности, сильно встревожила ихъ. По крайней мѣрѣ на старческія лѣта М. Рогозы этотъ союзъ имѣлъ гибельное вліяніе, —онъ подкосилъ надломленныя его силы и свелъ въ могилу [209]).

Брестскій соборъ, открывъ усиленную борьбу православныхъ съ уніатами въ жизни, далъ ей также мѣсто и въ литературѣ. Нельзя пройти молчаніемъ этого знаменательнаго явленія тѣмъ болѣе, что религіозная полемика, возникшая непосредственно за брестскимъ соборомъ, затронула самые живые вопросы литовско-польской жизни. Полемисты, защищая каждый свою партію, разсуждали не только о догматическомъ достоинствѣ православія, уніи и соприкосновеннаго ей латинства, но и о правахъ въ дѣлѣ религіи короля, іерарховъ и народа. Писали въ высшихъ и низшихъ сферахъ; писали защитники уніи и латинства, писали и православные. Одни доказывали правоту уніи и нападали на православіе, другіе осуждали унію и латинство и защищали православную вѣру, тѣ и другіе вмѣстѣ приводили массу доказательствъ

въ пользу своихъ положеній, возбуждая другъ въ другѣ горячность къ писанію. Писать объ уніи вошло прямо въ моду, такъ что даже оффиціальныя бумаги превращались въ богословскіе трактаты и зараза писать объ уніи коснулась даже чиновниковъ [210]). Какъ православные, такъ и уніатскіе писатели, чѣмъ болѣе углублялись и преслѣдовали политическія цѣли, тѣмъ сильнѣе высказывали убѣжденія и характеристическія черты своей партіи, часто предавая гласности темныя стороны своихъ противниковъ. Сочиненія, пущенныя въ ходъ, конечно, производили свое дѣйствіе на читателей, вызывая въ нихъ то новый порывъ къ полемикѣ въ литературѣ, то желаніе дѣйствовать въ пользу извѣстной партіи въ жизни. Благодаря этой литературной борьбѣ, появились сочиненія, имѣющія величайшее значеніе для исторіи этой эпохи [211]). Въ то же самое время, выдавая убѣжденія и взгляды различныхъ партій, съ такимъ жаромъ поднявшаяся полемика не могла, конечно, не отмѣтить и лицъ, стоявшихъ во главѣ полемическаго движенія, хотя послѣднія, по большей части, и старались скрывать свои настоящія имена, обозначая издаваемыя ими сочиненія псевдонимами [212]). Для польскаго правительства очень необходимы были такіе люди изъ уніатской партіи. Принятая меньшинствомъ и, притомъ, насильно, унія нуждалась въ твердыхъ людяхъ, въ дѣятеляхъ и защитникахъ тѣмъ болѣе, что въ рядахъ своихъ она имѣла много отступившихъ отъ православія или изъ страха, или по своекорыстнымъ цѣлямъ.

Такимъ человѣкомъ, уже извѣстнымъ, по понесеннымъ для уніи трудамъ, и испытаннымъ по своей преданности ей, намѣченъ былъ полемикой и Ипатій Поцѣй, назначенный королемъ, по смерти М. Рогозы, на митрополичью каѳедру [213]). По своимъ качествамъ Поцѣй могъ оправдать ожиданія польскаго правительства. Если предшественникъ его былъ человѣкомъ, лишеннымъ самоопредѣленія и болѣе склоннымъ отображать мысли и проекты другихъ, а потому, принявъ унію, предоставилъ ее ей-же самой, собственному ея развитію и силѣ, то Поцѣй, по своей практичности, по своей способности къ обширнымъ планамъ и сноровкѣ къ отысканію средствъ для осуществленія ихъ, хотѣлъ выпол-

нить идеи папы и латино-польской партіи и подчинить уніи всю западно-русскую церковь. Можно представить, какой упорной борьбой должны были разрѣшиться эти планы Поцѣя, когда навстрѣчу имъ выступитъ крѣпкая сила отборной массы православныхъ съ накипѣвшей ненавистью къ уніи. Уже назначеніе Поцѣя стоило королю двухъ грамотъ, ибо въ продолженіи полугода послѣ первой грамоты митрополитъ не былъ принятъ духовенствомъ [214]). Движеніе православныхъ, происходившее на глазахъ Поцѣя, конечно, не было ему неизвѣстно. Онъ хорошо понималъ и раздраженіе ихъ противъ уніи, и злобу къ представителямъ ея; но въ этомъ-то онъ и видѣлъ прекрасную пищу для своей энергической натуры и смѣло выступилъ съ своими затѣями. Не станемъ говорить, во что обошлось ему осуществленіе ихъ, но скажемъ, что Поцѣемъ сдѣлано для уніи болѣе, чѣмъ всякимъ другимъ на его мѣстѣ. Быть можетъ, по своимъ качествамъ одинъ только онъ и въ состояніи былъ повести дѣло такъ, что унія, при ненависти къ ней православныхъ, стала твердой ногой на первыхъ порахъ своего существованія. Обстоятельства ея будто бы законнаго принятія вовсе не были такого характера, чтобъ по нимъ можно было ручаться за успѣхъ ея процвѣтанія. Поцѣй создалъ унію, ему-же пришлось и ростить ее, и пока только ему одному. Остальные епископы, получивъ послѣ брестскаго собора богатыя помѣстья, стушевываются, какъ-бы находя, что ихъ дѣло кончилось, тогда какъ для Поцѣя время послѣ принятія уніи было именно періодомъ самой горячей дѣятельности. Впрочемъ, кажется, и самъ Поцѣй ясно видѣлъ качества своихъ собратовъ-епископовъ [215]), потому что для подкрѣпленія силъ іерархіи старался возвысить лицъ, прежде неизвѣстныхъ. Поцѣю, такимъ образомъ, одному пришлось утверждать унію, одолѣвать ея противниковъ и своей энергіей доставить торжество ей. Къ концу его правленія она имѣла много церквей, монастырей и послѣдователей. Быть можетъ, ея успѣхи были-бы еще шире, число принявшихъ ее еще больше, если-бы унія, какъ это и было въ проэктѣ, ближе стояла къ православію и если-бы Поцѣй въ латини-

заторскихъ стремленіяхъ не зашелъ слишкомъ далеко, наводняя ее латинствомъ [216]). Условіе это, подмѣчаемое сквозь призму историческаго изслѣдованія, не имѣло, конечно, мѣста среди неодолимыхъ затрудненій, съ какими приходилось бороться Поцѣю, а если и имѣло, то противное вовсе не входило въ программу польскаго правительства. Съ латинской закваской унія, поднявшая противъ себя православныхъ и, по преимуществу, мірянъ (духовенство, какъ и аристократія принимаютъ, за немногими исключеніями, сравнительно малое участіе), благодаря энергіи Поцѣя, твердо вступила на историческую почву своей жизни и, съ задатками на прочное, повидимому, существованіе, перешла въ руки новаго митрополита Вельямина Рутскаго.

Іосифъ-Вельяминъ Рутскій происходилъ изъ древней фамиліи русскихъ бояръ Вельяминовыхъ и очутился въ подданствѣ Польши при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отецъ его, начальникъ отряда русскихъ, защищавшихъ замокъ Улу, измѣнилъ своему отечеству во время войны Іоанна Грознаго съ Польшею въ 1568 году, передавъ ввѣренное его охранѣ мѣсто князю Сангушкѣ. За это онъ получилъ въ Литвѣ вотчину Руту, отъ которой и носилъ названіе Рутскаго. Молодой Іосифъ въ польскихъ училищахъ перемѣнилъ православіе на протестантство, и нѣсколько спустя, благодаря стараніямъ іезуитовъ, былъ обращенъ въ латинство. Тѣ-же іезуиты, подмѣтивъ въ Рутскомъ природныя дарованія, отправили его для высшаго богословскаго образованія въ римскую академію. Здѣсь онъ оказался вполнѣ пригоднымъ для латинства человѣкомъ, почему Поцѣй и сдѣлалъ его сперва архимандритомъ, потомъ коадъюторомъ и, наконецъ, еще при жизни своей, назначилъ своимъ преемникомъ на митрополію, что король подтвердилъ грамотою, а папа Павелъ V буллою въ 1611 году [217]).

Вступивъ, по смерти Поцѣя, въ управленіе уніатскою церковью, Рутскій совершилъ въ ней весьма крупныя преобразованія, имѣвшія важное значеніе на всю послѣдующую ея жизнь и развитіе. Если унія обязана Поцѣю тѣмъ, что онъ, такъ сказать, создалъ для нея внѣшній видъ, утвердилъ ее внѣшнимъ образомъ, отнявъ у православныхъ множество монастырей и церквей, то

многимъ больше унія обязана Рутскому за то, что онъ организовалъ ее внутреннимъ образомъ, придалъ ей внутреннюю прочность. Находясь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ возлѣ Поцѣя и дѣйствуя подъ его руководствомъ, слѣдовательно, вполнѣ приглядѣвшись къ ходу дѣлъ уніи, Рутскій не могъ не понять, что ей недостаетъ внутренней организаціи и силы. Конечно, эта сила заключалась въ представителяхъ, въ просвѣщенныхъ пастыряхъ уніатской церкви, которые своимъ воздѣйствіемъ на массу много помогли-бы дѣлу уніи; но этихъ просвѣщенныхъ, преданныхъ уніи и заботящихся о ней пастырей совсѣмъ недоставало уніатской церкви. Ея пастырями были тѣ самые священники, которые такъ недавно считались православными. Одни по принужденію, другіе въ надеждѣ на улучшеніе будущаго становились въ ряды уніатовъ въ то самое время, когда ихъ церкви переходили въ руки Поцѣя. Могла-ли здѣсь имѣть мѣсто забота объ уніи? Если іерархи, ратовавшіе въ Римѣ и Брестѣ бездѣятельно сидѣли въ своихъ помѣстьяхъ, то что можно было ожидать для пользы уніи отъ вчерашняго православнаго священника, который, быть можетъ, и не предвидѣлъ, что надъ нимъ сегодня совершится превращеніе въ унію. Еще Поцѣй ясно видѣлъ это; но занятый расширеніемъ внѣшнихъ предѣловъ уніатской церкви, при сложности препятствій, для преодолѣнія которыхъ надо было придумывать средства, онъ физически, такъ сказать, не могъ заняться вопросомъ внутренней организаціи уніи. На него обратилъ вниманіе и, можно сказать, посвятилъ свое правленіе м. Рутскій. Онъ видѣлъ, что на бѣлое уніатское духовенство нечего надѣяться, что оно само еще, если не нуждается въ утвержденіи, то въ должной мѣрѣ не окрѣпло въ уніи, поэтому поручить ему интересы ея было-бы дѣломъ рискованнымъ. Быть можетъ, выходя изъ положенія, что не заинтересованное обязанностями семейныхъ пастырей, черное духовенство лучше послѣднихъ способно будетъ служить уніи, м. Рутскій обратилъ все свое вниманіе на монашество и вопросъ, кому поручить задачу привитія уніи, увеличить число ея послѣдователей и придать ей болѣе внутренней силы и прочности, разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ,

что западно-русская церковная унія поручалась монашеству. Но чтобъ монашество съ пользою могло выполнить возлагаемую на него миссію, его необходимо было преобразовать. Въ римской церкви, какъ извѣстно, имѣлись особыя специальныя корпораціи людей, на обязанности которыхъ лежало распространеніе и утвержденіе латинской вѣры, — это были монашескіе ордена бенедиктинцевъ, францисканцевъ, бернадиновъ, іезуитовъ и друг. Этотъ латинскій прототипъ м. Рутскій задумалъ скопировать [218]) и въ жизни уніатской церкви — въ организаціи отдѣльнаго монашескаго ордена. Въ этомъ собственно и заключалось преобразованіе, какое совершено было митр. Рутскимъ въ черномъ уніатскомъ духовенствѣ. Оно коснулось не только внутренней и внѣшней его стороны, но и самаго названія. Съ 1617 года уніатское монашество, какъ особая корпорація, выступило на поприще исторической жизни и дѣятельности въ пользу уніи подъ названіемъ Базиліанскаго ордена.

Но задавшись цѣлью преобразовать уніатское монашество, м. Рутскій хотѣлъ сначала приготовить для него средства, при помощи которыхъ оно могло-бы выполнить свою задачу. Поэтому, еще при жизни Поцѣя, онъ просилъ короля, для поднятія образованія его русскихъ подданныхъ, дозволить уніатскимъ инокамъ, живущимъ въ виленскомъ Св.-Троицкомъ монастырѣ завести школы въ разныхъ мѣстахъ Рѣчи-посполитой. Въ 1613 г. король особой грамотой разрѣшилъ обществу иноковъ заняться устройствомъ школъ и обучать въ нихъ разнымъ наукамъ и языкамъ [219]). Спустя два года, м. Рутскому съ тою-же цѣлью прислана была грамота и отъ папы [220]). Заводимыя школы, по своимъ правамъ, уравнивались со школами латинскими и, будучи подчинены исключительно своимъ только основателямъ-инокамъ, освобождались отъ какой-бы то ни было опеки свѣтскихъ властей. М. Рутскій хотѣлъ придать уніатскимъ школамъ такое-же устройство, какое имѣли іезуитскія латинскія училища. Одновременно съ грамотою объ основаніи школъ, король присоединилъ къ виленскому монастырю минскій монастырь съ тѣмъ, чтобъ оба они считались за одну общину [221]) и этимъ способствовалъ планамъ

митр. Рутскаго, по мысли котораго центръ просвѣщенія долженъ былъ находиться въ Вильнѣ.

Рѣшившись ввѣрить образованіе монашеству, митр. Рутскій, такимъ образомъ, позаботился сперва объ учрежденіи школъ, чтобъ преобразованное монашество могло сразу приняться за дѣло, къ которому призывалось. Съ другой стороны, находя, что въ настоящемъ его видѣ оно не можетъ удовлетворять дѣлу просвѣщенія и руководства уніатовъ, онъ позаботился о его преобразованіи, принявъ за образецъ въ этомъ случаѣ латинскіе ордена.

Новогрудскій уніатскій соборъ.

Общежительные русскіе монастыри въ основаніи своего устройства имѣли вообще въ литовско-польскомъ государствѣ уставъ св. Василія Великаго [222]), хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли и свои частные уставы. При этомъ всѣ они, находясь въ разныхъ мѣстахъ, подчинялись каждый своему епархіальному епископу и своему ближайшему начальнику, настоятелю монастыря. Съ такимъ устройствомъ, конечно, они перешли при Поцѣѣ въ унію. М. Рутскій задумалъ обобщить всѣ эти монастыри, соединить ихъ какъ-бы въ одинъ общій монастырь и образовать общую корпорацію подъ однимъ особымъ управленіемъ. Для этой цѣли въ 1617 году онъ созвалъ въ своемъ имѣніи Новогрудкѣ (нынѣ уѣздный городъ Минской губ.) соборъ [223]) (конгрегацію) изъ уніатскихъ архимандритовъ, игуменовъ и другихъ представителей монастырей. Сюда также пригласилъ онъ двухъ іезуитовъ, которые-бы совѣтовали и руководили въ преобразованіи монашества по образцу, какой имѣлъ ихъ орденъ. Соборъ, имѣвшій десять засѣданій подъ предсѣдательствомъ самого митрополита, выработалъ правила базиліанскаго ордена. По этимъ правиламъ все монашеское уніатское духовенство, какъ особое общество, съ названіемъ ордена базиліанъ, освобождалось изъ-подъ

власти не только епархіальныхъ архіереевъ, но и самого митрополита. Во главѣ ордена стоялъ протоархимандритъ [224]), какъ ближайшій его начальникъ, съ четырьмя совѣтниками. Эти лица избирались всегда изъ среды самого ордена и имъ принадлежало управленіе и надзоръ за всѣми монастырями, ихъ настоятелями, братіей, имуществами и проч. Протоархимандритъ имѣлъ своего викарія или провинціала, а орденъ, сверхъ сихъ должностныхъ лицъ, имѣлъ еще прокуратора, члена ордена, жившаго въ Римѣ и бывшаго постояннымъ уполномоченнымъ при апостольскомъ престолѣ (procurator in Urbe [225]); такой-же уполномоченный былъ въ Варшавѣ (для посредничества съ польскимъ правительствомъ) и при всякомъ епархіальномъ архіереѣ, по назначенію протоархимандрита. Всѣ уніатскіе епископы, согласно постановленію новогрудскаго собора, должны быть избираемы исключительно изъ базиліанскаго ордена, такъ что даже назначеніе митрополитомъ себѣ преемника можетъ совершиться только съ согласія протоархимандрита и совѣтниковъ ордена. На обязанности ордена лежитъ воспитаніе и образованіе уніатовъ и онъ завѣдываетъ всѣми уніатскими училищами [226]). Во многомъ сходный съ уставомъ іезуитовъ, уставъ новаго ордена измѣнилъ и внѣшній видъ монашеской одежды; греческій покрой ея былъ замѣненъ одеждой весьма похожей на ту, какую носили іезуиты. Архимандриты и настоятели монастырей были переименованы въ аббатовъ и суперіоровъ, а мѣстопребываніемъ генерала ордена—протоархимандрита назначенъ былъ виленскій Св.-Троицкій монастырь [227]). Съ такой организаціей орденъ базиліанъ началъ свою дѣятельность послѣ новогрудскаго собора 1617 года [228]).

Какъ повліяло учрежденіе базиліанскаго ордена на бѣлое духовенство, монаховъ и мірянъ? Образованіе митр. Рутскимъ упомянутаго ордена по образцу латинскихъ монашескихъ орденовъ вызвало большое недовольство какъ въ средѣ бѣлаго уніатскаго духовенства и монашества, такъ и между мірянами. Бѣлое духовенство, во главѣ котораго стояли, такъ называемые клирошане или крылошане [229]), было недовольно на митр. Рутскаго, что онъ обходитъ его, такъ сказать, игнорируетъ имъ. Воспитаніе юноше-

ства, для котораго учреждался орденъ, всецѣло вручалось этому послѣднему, слѣдовательно, бѣлое уніатское духовенство, безъ сомнѣнія, принимавшее до сихъ поръ участіе въ образованіи, признавалось митр. Рутскимъ неспособнымъ для дѣла воспитанія. Конечно, это болѣе всего могло не нравиться тѣмъ изъ духовенства, которые были людьми образованными. Но сравнительно малое недовольство достигало гораздо бо́льшихъ размѣровъ, особенно въ средѣ клирошанъ, въ виду того, что митр. Рутскій, отдавшись всецѣло идеи возвышенія монашества, произвольно отнималъ у нихъ имѣнія и приписные приходы и, для матеріальнаго обезпеченія монашества, отдавалъ ихъ монастырямъ. Этимъ сильно подрывалась самостоятельность этого почетнаго духовенства, какою, надо замѣтить, оно пользовалось въ значительныхъ размѣрахъ, и вызывалось общее недовольство распоряженіями митрополита.

Съ другой стороны нельзя сказать, чтобы реформы митроп. Рутскаго были встрѣчены сочувственно монашествомъ, для благосостоянія и возвышенія котораго онѣ собственно и были предпринимаемы. Дѣло въ томъ, что жизнь монашества дореформенная значительно разнилась отъ жизни подъ тѣмъ уставомъ, какой выработанъ былъ въ 1617 году въ Новогрудкѣ. Строгая дисциплина устава, требовавшая постояннаго подчиненія, не допускала той свободы и удовольствій, какими пользовалось монашество до преобразованія. Міряне, въ свою очередь, не могли не видѣть реформъ митр. Рутскаго въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; для нихъ ясно было подражаніе его латинству и стремленіе наводнить имъ унію, поэтому и они вмѣстѣ съ духовенствомъ также были недовольны митрополитомъ.

Отдавъ образованіе въ руки базиліанъ и наблюдая, какіе принесетъ оно плоды, митроп. Рутскій трудился надъ новымъ проэктомъ, который намѣренъ былъ осуществить въ недалекомъ будущемъ. Предметомъ его вниманія и заботъ былъ на этотъ разъ свѣтскій клиръ, — бѣлое духовенство уніатской церкви. Нельзя было не замѣтить въ немъ множества недостатковъ, изъ коихъ первыми было невѣжество и грубость клира. Вѣрный

латинской традиціи, которой и самъ былъ обязанъ воспитаніемъ, митр. Рутскій задумалъ преобразовать и свѣтскій клиръ по образцу клира латинскаго, введя между уніатскими священниками безбрачіе (целибатство).

Какими мотивами руководствовался митр. Рутскій, трудясь надъ проектомъ новаго мѣропріятія въ пользу уніи? Безъ сомнѣнія, къ этому привело его, общее всѣмъ поборникамъ уніи стремленіе основать уніатскую церковь на началахъ латинства, но главной и ближайшей причиной новаго преобразованія было, по нашему мнѣнію, само-же уніатское духовенство, еще недавно служившее православію. Принявъ унію вслѣдствіе какихъ-бы то ни было причинъ, соблюдая, допустимъ, даже по убѣжденію всѣ обязанности, налагаемыя ею—нечего говорить, что такихъ было мало,—уніатское духовенство не могло, конечно, порвать тѣхъ связей, симпатій и родственныхъ чувствъ, какія соединяли его съ родными и друзьями, оставшимися въ православіи. Для священника приходилось одно изъ двухъ: перейти въ унію или отказаться отъ мѣста. При господствовавшемъ тогда у многихъ убѣжденіи, что унія и православіе одно и то же, большинство пастырей избирало первое. Но проблемы, разрѣшаемой такимъ образомъ пастырями, не существовало для ихъ семьи, родныхъ и друзей. Они оставались православными. Вліяніе ихъ (конечно, въ духѣ православія) на пастыря, при зачаточномъ существованіи уніи, не было для нея пользой, не могло служить для ея блага. Вотъ это-то вліяніе и было для Рутскаго, повторимъ еще разъ, имѣвшаго достаточно времени присмотрѣться къ ходу уніи, — главнымъ мотивомъ, почему для поднятія ея, онъ рѣшился ввести безбрачіе между уніатскимъ духовенствомъ. Его необходимо было обособить, изолировать отъ всего, что могло неблагопріятно отразиться на немъ не въ пользу уніи, а отъ родственныхъ, всегда могущественныхъ вліяній,—это надо было сдѣлать по преимуществу. Чѣмъ-же больше можно было достигнуть этой цѣли, какъ не введеніемъ въ средѣ духовенства безбрачія, которое въ значительной степени умаляло кругъ семейныхъ вліяній, поставляя извѣстное лицо въ болѣе благопріятныя условія для дѣла уніи.

Тѣмъ болѣе желательно было ввести безбрачіе въ уніатскомъ духовенствѣ, что его сосѣди, латинскіе священники были неженаты. Этимъ, хотя и въ малой степени, однако, достигалось сближеніе съ церковью римскою.

Что-же предпринято было митр. Рутскимъ для введенія въ уніатской церкви безбрачнаго духовенства? Для этой цѣли онъ задумалъ основать особую семинарію въ Минскѣ, гдѣ и воспитывалось уніатское монашество, предназначавшееся для замѣщенія настоятельскихъ мѣстъ. Составленный имъ проэктъ новой семинаріи, по представленіи его кардиналомъ Бандинымъ папѣ, заслужилъ самый лестный отзывъ послѣдняго. Вотъ что проэктировалъ митр. Рутскій, по его собственнымъ словамъ: «Изъ предполагаемой семинаріи будутъ выходить семинаристы, свѣтскіе клирики-холостяки. Правда, въ нашемъ исповѣданіи это дѣло неслыханное и мы не найдемъ тамъ ничего подобнаго не только нѣсколько лѣтъ назадъ, но и нѣсколько вѣковъ; но многіе при этомъ его желаютъ. Во время уніи нами сдѣлано очень многое такое, что вначалѣ сильно охуждалось противниками и чему они теперь сами подражаютъ; тоже самое можетъ повториться и относительно благочестивыхъ клириковъ. Образованные, безженные, они будутъ помѣщаться нами во всѣхъ епископскихъ епархіяхъ, по городамъ, при церквахъ каѳедральныхъ, коллегіатскихъ, которыя даютъ лучшія средства содержанія и большія выгоды, чѣмъ другіе приходы. Изъ нихъ будутъ поступать на должность визитаторовъ деревенскихъ церквей и даже на мѣста священниковъ въ эти послѣднія, и для св. уніи приготовится такимъ образомъ великая опора и украшеніе. Въ разныя мѣста Руси они будутъ посылаться наставниками школъ для обученія юношества, для укрѣпленія благочестія, вѣры, и по своему положенію, какъ холостые, охотно и съ удовольствіемъ будутъ выполнять свое назначеніе. Гдѣ будутъ приходскими священниками, тамъ удобнѣе они поведутъ дѣло съ панами объ улучшеніи фундацій; эти послѣдніе сейчасъ увидятъ, что имѣютъ дѣло съ гораздо достойнѣйшими людьми, чѣмъ ихъ предшественники. Изъ воспитанниковъ такой семинаріи монастыри будутъ пополняться хорошими иноками

и много можетъ разлиться добра по всѣмъ частямъ Руси изъ того учрежденія. Смѣло можемъ обѣщать себѣ, что въ короткое время этимъ средствомъ во всемъ королевствѣ подавленъ будетъ расколъ» [230]). Вотъ какія полагалъ надежды и какія благотворныя послѣдствія хотѣлъ извлечь митр. Рутскій изъ проэктировавшейся семинаріи. Послѣ этого понятны будутъ тѣ хлопоты, какими рѣшился пожертвовать онъ, чтобъ довести къ благополучному концу начатое имъ предпріятіе. Послѣ того, какъ проэктъ новой семинаріи одобренъ былъ апостольской столицей, необходимо было позаботиться, чтобъ и у польскаго правительства онъ заслужилъ должное вниманіе и утвержденіе. Что было сдѣлано для этого—неизвѣстно. Можетъ быть, митр. Рутскій лично объяснилъ королю важность и значеніе предполагавшейся семинаріи, хотя могло случиться, что подробный проэктъ представленъ былъ письменно. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ митр. Рутскій просилъ короля, чтобъ онъ дозволилъ ему созвать помѣстный соборъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, главною цѣлью котораго было учрежденіе уніатской семинаріи.

Кобринскій соборъ.

Король 31 марта 1626 года разрѣшилъ открыть соборъ, о которомъ просилъ митр. Русскій, въ городѣ Кобринѣ (нынѣ уѣздн. гор. Гродненской губ.). Въ своей окружной грамотѣ, по этому случаю, Сигизмунъ говоритъ, что, на основаніи каноновъ церковныхъ, узаконяющихъ собранія епископовъ для разсужденія о дѣлахъ церкви, онъ «тотъ синодъ отправувать и о добромъ душъ людскихъ и потребахъ церковныхъ обмышлять» позволяетъ «велебному отцу митрополиту» 6-го сентября 1626 года «съ епископами, архимандритами, игуменами и иншими всими станы духовными и свѣтскими». Въ заключеніе грамоты, король напоминаетъ, чтобы соборъ совершился правильно и спокойно, какъ

еслибы он самъ на немъ присутствовалъ и чтобъ для блага церкви приложено было какъ можно болѣе старанія [231]). Въ силу этой грамоты, митр. Рутскій вошелъ въ соглашеніе съ епископами и въ назначенный день открылъ соборъ.

На немъ, кромѣ митрополита Рутскаго, присутствовали слѣдующіе епископы: Іоакимъ Мороховскій, епископъ владимірскій и брестскій, Іеремія, епископъ острожскій и луцкій, Антоній, архіепископъ плоцкій, витебскій и мстиславскій, Григорій, епископъ пинскій и туровскій, Левъ, епископъ смоленскій и черниговскій [232]). Если принять во вниманіе, что всѣ перечисленные іерархи прибыли на соборъ каждый съ своимъ клиромъ, въ которомъ были архимандриты, игумены и протопопы, кромѣ того, сюда-же пріѣхало много лицъ свѣтскихъ,—такъ какъ грамотой короля и имъ разрѣшалось присутствовать на соборѣ,—то можно думать, что собраніе въ Кобринѣ было весьма многолюдно. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій о количествѣ засѣданій, о дѣйствіяхъ, вообще, о частностяхъ этого, безспорно, многочисленнаго собора. До насъ дошло только постановленіе съѣхавшихся епископовъ, которое мы приводимъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно утверждено было папою Урбаномъ VIII. «Въ 6-й день сентября 1626 г., мы, Божіею милостію, архіепископъ-митрополитъ кіевскій и галицкій, и всей Россіи Іосифъ и (поименованные выше) епископы съ клиромъ нашимъ, архимандритами, игуменами и протопопами (protopopis primariis), собравшись въ городѣ Кобринѣ для общаго собора изъ всѣхъ областей Россіи, подчиненныхъ кіевскому митрополиту и призвавши св. Духа, имѣли разсужденіе о благосостояніи св. церквей Божіихъ и о спасеніи душъ ввѣренныхъ намъ Богомъ, чтобы онѣ не отвращались отъ добрыхъ и способныхъ пастырей, просвѣщающихъ ихъ ученіемъ и своею жизнію, и подробно разсмотрѣли общее благо, (которое можетъ произойти) отъ наилучшаго обученія юношей какъ въ церковной жизни, такъ и въ гражданской. Итакъ, всѣ мы единодушно, по общему глубокому сознанію, постановили и опредѣлили, чтобъ въ какомъ нибудь мѣстѣ кіевской митрополіи было выстроено училище, въ которое бы изъ всѣхъ частей Россіи, родители знатнаго рода, греческаго

исповѣданія, посылали для воспитанія своихъ дѣтей съ хорошими способностями, пока они не достигнутъ болѣе совершеннаго возраста. Болѣе богатые пусть воспитываются на свой счетъ, а изъ бѣдныхъ, кого наставники этого училища признаютъ способными къ ученію и распространенію, во славу Божію, нашего греческаго исповѣданія, пусть воспитываются на средства училища. Такое учрежденіе у грековъ обыкновенно называлось «φροντιστήριον», а у латинянъ «seminarium». Пищу и одежду пусть они имѣютъ свою. Съ этою цѣлью, каждый изъ насъ архіепископскимъ своимъ словомъ обѣщаетъ сумму денегъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и изъ присутствующихъ, по нижеслѣдующему порядку, обязываемся (внести): митрополитъ Іосифъ—десять тысячъ флориновъ [233]); епископъ Іоакимъ—двѣ тысячи и кромѣ того, ежегодно, пока я живъ буду, по сто флориновъ; Іеремія епископъ—двѣ тысячи флориновъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, а послѣ этого, въ продолженіи другаго четырехлѣтія 1200 польскихъ флориновъ; Антоній архіепископъ—тысячу фл., Григорій епископъ—2500 фл., Левъ епископъ—500 фл., Аѳанасій перемышльскій и самборскій—500 флориновъ. Игумены всѣхъ монастырей виленской св. троицкой конгрегаціи, такъ и имѣющихъ присоединиться изъ каждой киновіи должны вносить въ продолженіи 4-хъ лѣтъ восьмую часть своихъ доходовъ. Въ частности же мы отнесли сюда доходы минскаго монастыря, присоединеннаго къ той-же конгрегаціи. Кромѣ того, названная конгрегація обѣщаетъ даже теперь дать латинскихъ наставниковъ риторики и магистровъ, которые могутъ преподавать на русскомъ нарѣчіи самыя необходимыя для священническаго сана науки. Затѣмъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ всѣ суммы должны быть соединены въ одну и на эти средства должно быть устроено нѣчто полезное (для семинаріи —bona aliqua pro illis emenda). А если случится, кто-нибудь изъ насъ не внесетъ обѣщанной суммы, тотъ обязанъ заплатить вдвое; если-же онъ и снова откажется, то лишается должности. Наконецъ, собравши деньги, должно будетъ произвести выборъ воспитанниковъ въ такомъ количествѣ, сколько каждый изъ насъ можетъ послать для этой семинаріи, съ обя-

зательствомъ выдавать каждому по сто польскихъ флориновъ на одежду и пищу. Всѣ остальные воспитанники поступаютъ въ семинарію съ согласія митрополита и размѣщаются по его усмотрѣнію. Когда соберется общій епископскій соборъ, надлежитъ выбрать провизоровъ для этой семинаріи, въ присутствіи протоархимандрита, которому названные провизоры обязаны повиноваться и во всемъ поступать и слѣдовать согласно его усмотрѣнію и волѣ. Протоархимандритъ же въ общемъ собраніи долженъ представить епископамъ отчеты отъ всѣхъ провизоровъ. Поэтому, подписывая собственною рукою эти условія и утверждая ихъ нашими печатями, мы даемъ слѣдующее письменное обязательство. Каждый изъ епископовъ будетъ увѣщевать на своихъ соборахъ пресвитеровъ, чтобы они посылали въ семинаріи воспитывать возрастныхъ дѣтей для обученія ихъ, какъ наукамъ въ области полезныхъ (bonarum) искуствъ, такъ и обычаямъ (in moribus), касающимся священническаго сана. Вклады и пожертвованія лицъ (знатныхъ) привиллегированныхъ, какихъ-бы размѣровъ не оказались они у нашихъ священниковъ, должны быть присылаемы епископамъ своей епархіи, а епископы, получивъ ихъ, должны засвидѣтельствовать собственными подписями то, что они получили и, если случится какая нибудь настоятельная нужда, (т. е. если кто-либо по непредвидѣннымъ причинамъ захотѣлъ-бы отнять пожертвованное), то они должны воздерживаться отъ уступки и уплаты (вкладовъ) ихъ жертвователямъ.

Должно избѣгать какъ можно тщательнѣе, такъ называемой, симоніи, какъ при посвященіи во епископы, такъ и при совершеніи епископами таинства (священства). Пусть помнятъ, что должно воздержаться рѣшительно отъ всякаго побора, подъ страхомъ наказанія симонистовъ, налагаемаго священными канонами. Если-же, дѣйствительно, внесена какая-нибудь сумма денегъ, то это пагубное и позорное для церкви пріобрѣтеніе должно искореняться внутреннимъ духовнымъ образомъ (penitus), при помощи тѣхъ наказаній для симонистовъ, какія должны быть извѣстны всѣмъ на епископскихъ соборахъ. Епископы и протоархимандриты пусть позаботятся о томъ, чтобы ежегодно сноситься съ

митрополитомъ посредствомъ посланія, въ которомъ должно быть обозначено положеніе церковныхъ дѣлъ; митрополитъ въ свою очередь долженъ сноситься съ апостольскимъ престоломъ Нѣтъ надобности посвящать двухъ священниковъ къ одной церкви, исключая тѣ случаи, когда приходъ великъ и раздѣленъ на части съ давняго времени. Для того, чтобъ удержать однообразіе при совершеніи священнодѣйствія литургіи, никому изъ имѣющихъ получить посвященіе (ставленниковъ) не должно избѣгать своего епископа, потому что, спустя нѣсколько времени, каждый изъ нихъ можетъ научиться у него (своего епископа) совершать литургію съ должнымъ вниманіемъ (собственно morum faciens) точно такъ же, какъ и всѣ остальныя таинства. Никто изъ епископовъ нашей духовной конгрегаціи не долженъ принимать посвящающихся къ себѣ, если нѣтъ на то письменнаго соизволенія высшаго начальства. Монашествующіе ни въ какомъ случаѣ не должны брать на себя обязанностей мірскихъ священниковъ; они не имѣютъ на это никакого права и никакой власти; точно также и наоборотъ: мірскіе священники не должны вмѣшиваться въ кругъ обязанностей монаховъ, какъ это постановлено согласіемъ главнаго собора. Въ теченіи четырехлѣтія въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ долженъ быть собранъ митрополитомъ заранѣе объявленный соборъ; о мѣстѣ-же и времени должно предупреждать за четверть года впередъ» [234])

Изъ этого постановленія видно, что кромѣ вопроса объ учрежденіи семинаріи, разсматривались и другіе. Нельзя однако не замѣтить, что этотъ первый былъ собственно цѣлью собора, такъ какъ о немъ подробно излагается въ постановленіи и онъ стоитъ впереди. Крупныя пожертвованія, какія сдѣлали собравшіеся епископы, освѣщаютъ проэктъ митр. Рутскаго относительно семинаріи. Наличныхъ денегъ собрано было 18 съ половиною тысячъ польскихъ флориновъ, т. е. около десяти тысячъ рублей серебр. на наши деньги. Сумма, сама по себѣ, въ то время весьма почтенная для основанія предполагашейся семинаріи. Но къ ней присоединялись еще бенефиціи епископовъ, обѣщавшихъ вносить пожертвованія ежегодно и, потомъ, $^1/_8$ часть доходовъ монасты-

рей въ продолженіи четырехъ лѣтъ, не говоря уже о пожертвованіяхъ частныхъ лицъ, которыя несомнѣнно были, потому что относительно ихъ пріема соборъ постановилъ даже правила. Принимая все это во вниманіе, надо предполагать, что задуманная митр. Рутскимъ семинарія могла быть вполнѣ обезпечена матеріально, слѣдовательно, хорошо конструирована и обставлена. Надо думать, далѣе, что учреждая эту семинарію въ Минскѣ[235]), Рутскій хотѣлъ создать училище, которое могло-бы сравняться съ знаменитой тогда латинской академіей въ Вильнѣ. Воспитаніе именно въ этой семинаріи молодого поколѣнія свѣтскаго клира было узаконено соборомъ тѣмъ, что онъ обязалъ епископовъ внушать священникамъ высылать для воспитанія дѣтей въ основывающееся училище. Это постановленіе, безъ сомнѣнія, было направлено противъ того, чтобы родители не ограничивались только воспитаніемъ дѣтей у базиліанъ, которые за девять лѣтъ своей дѣятельности по образованію могли снискать громкую извѣстность.

Вторая часть соборныхъ постановленій касается симоніи, съ вѣроятностью можно предположить, имѣвшей большое развитіе, при тогдашнихъ церковныхъ смутахъ, въ средѣ духовныхъ лицъ. Видно, размѣры практики симоніи были очень обширны, если соборъ призналъ необходимымъ примѣнять къ провинившимся всю силу наказаній церковныхъ каноновъ, налагаемыхъ за святокупство. Цѣлью остальныхъ постановленій собора было, съ одной стороны, точнѣе опредѣлить отчетность о положеніи церквей и монастырей и время для соборныхъ совѣщаній, а съ другой—предотвратить неправильное размѣщеніе священниковъ по приходамъ и вмѣшательство чернаго духовенства въ кругъ обязанностей мірскихъ священниковъ и наоборотъ. Послѣднее опредѣленіе намъ будетъ понятно, если примемъ во вниманіе, что усиливающійся постепенно базиліанскій орденъ переступалъ часто границы своей воспитательной дѣятельности и, въ ущербъ бѣлому уніатскому духовенству, нарушалъ церковныя постановленія вмѣшательствомъ въ исполненіе обязанностей сего послѣдняго.

Постановленія кобринскаго собора, отправленныя въ Римъ, были утверждены папой ровно черезъ три мѣсяца послѣ собора т. е. 6 декабря 1626 года. Похваляя высокое благочестіе и ревность къ религіи митр. Рутскаго и всѣхъ участвовавшихъ въ соборѣ, папа, послѣ того какъ представленныя постановленія были тщательно просмотрѣны и признаны годными комиссіей кардиналовъ de propaganda fide, утвердилъ ихъ, чтобъ «постановленное было непоколебимо и сохранялось неизмѣнно» [236]).

Однако, сему такъ прекрасно задуманному и, повидимому, не менѣе блистательно оконченному проэкту образованія новой семинаріи, не суждено было осуществиться, не смотря на всѣ старанія митр. Рутскаго, поэтому и введеніе безбрачія и вообще, проэктированиое улучшеніе бѣлаго уніатскаго духовенства не могло быть приведено въ исполненіе. Причины тому были слѣдующія. Базиліане, предвидя, что питомцы новой семинаріи могутъ быть опасными конкурентами имъ не только въ воспитаніи юношества, но, что болѣе важно, въ занятіи іерархическихъ должностей, очень усердно старались повредить плану митр. Рутскаго. Обстоятельства способствовали имъ. Польское войско, сражавшееся въ то время противъ козаковъ, терпѣло всякія лишенія и нужды, вслѣдствіе недостатка денегъ, Этому-то войску и отданы были, по проискамъ базиліанъ, деньги, собранныя на учрежденіе семинаріи [237]). Такимъ образомъ, отчасти базиліане, отчасти политическія обстоятельства лишили митр. Рутскаго возможности преобразовать бѣлое уніатское духовенство по предначертанному плану.

Но если проэктъ относительно бѣлаго уніатскаго духовенства окончился неудачно, то преобразованіе монашества въ орденъ базиліанъ, безспорно, имѣло великое значеніе для уніи. Распространеніе ея шло весьма успѣшно въ рукахъ базиліанъ. Православіе все болѣе и болѣе приходило въ упадокъ. Бѣдственное положеніе православныхъ увеличивалось еще тѣмъ, что они не имѣли архипастырей. Непринявшіе уніи епископы сошли давно въ могилу, а назначеніе новыхъ польское правительство хотя и обѣщало, но никогда не исполняло своихъ обѣщаній. Оно предполагало, что,

не имѣя своихъ епископовъ, православные въ силу необходимости станутъ подчиняться уніатскимъ іерархамъ. Но на дѣлѣ выходило иначе. Православные скорѣе обращались къ протестантамъ, чѣмъ къ уніатамъ [238]). Прекрасную по своей художественности картину печальнаго положенія православныхъ въ то время представляетъ намъ рѣчь волынскаго посла Лаврентія Древинскаго, которую онъ держалъ предъ Сигизмундомъ на Варшавскомъ сеймѣ въ 1620 году [239]).

Но въ этомъ же году суждено было возродиться упадшему православію въ лицѣ новыхъ его представителей, окрѣпнуть въ свѣжихъ силахъ и противоставить уніи преграды, которыхъ она менѣе всего ожидала. Въ это время, возвращаясь изъ Москвы, прибылъ, согласно порученію константинопольскаго патріарха Тимоѳея [240]), въ предѣлы западно-русской церкви іерусалимскій патріахъ Ѳеофанъ. Къ нему-то и обратились православные съ просьбой поставить имъ митрополита и епископовъ на вакантныя каѳедры, захваченныя уніатами. Патріархъ исполнилъ ихъ просьбу и 15 августа въ кіево-печерской лаврѣ посвятилъ въ санъ митрополита игумена михайловскаго монастыря, Іова Борецкаго. Затѣмъ въ ближайшее время посвящены были и другіе іерархи: Мелетій Смотрицкій на архіепископскую каѳедру въ Полоцкъ, Іосифъ Курцевичъ во Владиміръ, Исаакій Черницкій въ Луцкъ, Исаія Копинскій въ Перемышль, Паисій Ипполитовичъ (Пузына) въ Холмъ и Авраамій Стагонскій (грекъ) въ Пинскъ [241]). Православные, получивъ архіереевъ, составили и программу ихъ дѣятельности въ это трудное время церковной жизни [242]).

Само собой понятно, что такой оборотъ дѣла сильно озадачилъ уніатовъ и, въ особенности, митр. Рутскаго. Онъ увидѣлъ предъ собой равнаго по сану противника его латинизаторскихъ стремленій во главѣ, къ томужъ, извѣстныхъ своею ученостью новыхъ православныхъ епископовъ. Надо было придумать мѣры, чтобъ подорвать этотъ неожиданный, сильный противовѣсъ уніи. Какъ только уѣхалъ патріархъ (въ началѣ 1531 г.), митр. Рутскій вмѣстѣ съ латинской партіей подалъ доносъ королю, что

Θеофанъ простой мірянинъ, а не патріархъ, что это шпіонъ султана, а поставленные имъ митрополитъ и епископы его соучастники, готовые измѣнить Польшѣ и предаться Туркамъ, что посвященіе ихъ незаконно, ибо совершено безъ воли короля и что, поэтому, они должны быть преслѣдуемы [243]). Не смотря на то, что нѣсколько времени тому назадъ король писалъ Θеофану любезныя письма, заботился объ удобствахъ его путешествія и пребыванія въ Литвѣ и вмѣстѣ съ другими [244]) признавалъ его патріархомъ, теперь, по доносу митр. Рутскаго, издалъ универсалъ считать новопосвященныхъ епископовъ измѣнниками, ловить ихъ и предавать казни [245]). Для приведенія въ исполненіе приказаній короля, разосланы были вездѣ чиновники съ особыми уполномочіями. Отличаясь ревностію къ уніи (такіе выбирались нарочно), они звѣрски обходились съ православными въ различныхъ мѣстахъ, подвергая ихъ побоямъ, тюремнымъ заключеніямъ и смертной казни. Особенно жестока была ихъ расправа съ православными городовъ Вильны и Новогрудка [246]). Только Левъ Сапѣга воевода виленскій своимъ гуманнымъ вліяніемъ успѣлъ немного ослабить неистовства ревнителей уніи.

Митрополитъ Іовъ Борецкій, чтобы предотвратить опасность, грозившую православію и ему лично, отправилъ на сеймъ 1721 года епископа Іосифа Курцевича. Король принялъ его ласково и отпустилъ съ приказаніемъ, чтобъ и остальные епископы явились. Однако того не случилось, и, вмѣсто епископовъ, митрополитъ послалъ королю письменное оправданіе за нихъ. Черезъ два года, православные на генеральномъ варшавскомъ сеймѣ, въ особой протестаціи излагая предъ королемъ заслуги русскаго народа Польшѣ и жалуясь на обиды и притѣсненія, испытываемыя ими отъ уніатскаго духовенства (архіеп. полоцк. Кунцевича и др.), просили оставить имъ новопосвященныхъ епископовъ [247]). Сеймъ постановилъ примирить уніатовъ съ «неунитами», однако тотчасъ не привелъ этого въ исполненіе, а отложилъ до слѣдующаго сейма, т. е. поступилъ также, какъ всегда: обѣщалъ много, а ничего не сдѣлалъ. Между тѣмъ, преслѣдованія православныхъ продолжались въ Кіевѣ, Луцкѣ, Минскѣ, Холмѣ, Львовѣ, Вильнѣ, По-

лоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Понятно, что взволнованные православные не могли равнодушно сносить этого и свое раздраженіе выразили въ такой-же крутой формѣ, въ какой проявлялась жестокость латинства. Въ Витебскѣ раздраженіе разрѣшилось убійствомъ извѣстнаго фанатика-уніата, плоцкаго архіеп. Кунцевича [248]), въ Кіевѣ утопленіемъ въ Днѣпрѣ Антонія Грековича, шпіона митр. Рутскаго и т. п. Конечно, виновные были строго, даже выше мѣры, караемы, но спокойствіе этимъ достигалось съ трудомъ. Очевидно, положеніе дѣлъ было ненормально и продолжаться такъ дальше не могло. Надо было предпринять что нибудь для успокоенія религіозныхъ волненій, чтобъ придать жизни церкви менѣе тревожный характеръ. Это сознавалось каждымъ и, въ частности, митр. Рутскимъ, попытка котораго уничтожить новыхъ православныхъ іерарховъ посредствомъ доноса королю, не удалась (король вынужденъ былъ признать епископовъ, ибо козаки объявили ему, что въ противномъ случаѣ не пойдутъ на войну съ Турками) [249]). Съ другой стороны, участь Кунцевича каждый разъ напоминала ему, насколько опасно текущее положеніе дѣлъ. Эти обстоятельства заставили митр. Рутскаго пристать къ той партіи людей, которая желала религіознаго примиренія съ православными, какъ это постановлено на генеральномъ варшавскомъ сеймѣ 1623 года. Эти, безъ сомнѣнія, лучшіе люди Польши ясно понимали, что причина золъ ея—религіозное раздѣленіе, произведенное уніей, раздѣленіе, которое не можетъ быть приведено къ доброму концу посредствомъ внѣшняго вліянія гражданскихъ законовъ, и будетъ улажено единственно только обоюднымъ согласіемъ, взаимнымъ религіознымъ примиреніемъ враждующихъ сторонъ. Митроп. Рутскій, говоримъ, присталъ къ этой мысли, но присталъ, какъ увидимъ, очень своеобразно и въ 1624 году составилъ планъ религіознаго примиренія уніатовъ съ православными, по которому тѣ и другіе должны были собраться въ извѣстное время на соборъ и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патріарха (6-й пунктъ) [250]).

Львовскій соборъ.

Унія, какъ извѣстно, въ правленіе митр. Рутскаго достаточно сближена была съ латинствомъ. Въ виду этого, уніаты хотѣли придвинуть ее ближе къ православію и въ примиреніи съ православными полагали удобный случай для осуществленія своей цѣли. Планъ этотъ не былъ однако тотчасъ выполненъ; митр. Рутскій, какъ мы видѣли, занятъ былъ другими дѣлами [251]). И только съ 1627 г. вопросъ о примиреніи уніатовъ и православныхъ опять выдвигается и занимаетъ умы тѣхъ и другихъ. Православные не были противъ этого. Обиды, насилія и притѣсненія слишкомъ утомили ихъ, чтобъ отказаться отъ примиренія, которое должно было, по ихъ мнѣнію, привести къ лучшему; однако, признавая почетное главенство папы, они склонялись къ примиренію подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ унія не подчинялась латинству [252]). Не чуждался вмѣстѣ съ другими мира съ уніатами и митрополитъ Іовъ Борецкій. Онъ съ Петромъ Могилой даже поручилъ Мелетію Смотрицкому написать разсужденіе о разностяхъ между православной и уніатской церковью, разсчитывая созвать въ 1628 году соборъ и окончательно рѣшить, быть или не быть предполагавшемуся миру.

Между тѣмъ, въ предлагаемомъ примиреніи, латинской партіей, во главѣ которой стояли митр. Рутскій и Мелетій Смотрицкій, готовилась православнымъ новая, правда, во-время, замѣченная, ловушка. Хотѣли еще разъ попытать счастія склонить православныхъ къ уніи. Въ этомъ смыслѣ Смотрицкій и старался дѣйствовать въ пользу львовскаго собора, котораго совершенно справедливо считается главнымъ виновникомъ. Потерпѣвъ неудачу на кіевскомъ соборѣ (1628 года), онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ осуществить съѣздъ во Львовѣ, представляя митр. Рутскому сравнительно мало работы. При посредствѣ связей, мысль о соборѣ была доведена до короля чрезъ князя Острожскаго-Заславскаго. Король раньше универсала объ общемъ соборѣ, для предваритель-

ныхъ совѣщаній, велѣлъ составить частные,—православнымъ въ Кіевѣ, а уніатамъ во Владимірѣ, откуда послѣдніе и подали ему просьбу о дозволеніи открыть соборъ [253]). Въ универсалѣ, который Сигизмундъ не замедлилъ вскорѣ издать о предполагаемомъ соборѣ, говорилось, «что вслѣдствіе общаго желанія какъ уніатовъ, такъ и православныхъ взаимно примириться и вслѣдствіе просьбы о назначеніи для этой цѣли общаго собора, онъ назначаетъ его 28 октября (1629 г.) въ г. Львовѣ» [254]). На соборѣ дозволялось присутствовать не только православному и уніатскому духовенству, но и свѣтскимъ лицамъ, желавшимъ прибыть во Львовъ, а для порядка и спокойствія, король отправилъ туда своего коммисара, князя Александра на Острогѣ — Заславскаго, кіевскаго воеводу [255]).

Поэтому еще раньше назначеннаго срока стали собираться во Львовъ уніатскіе епископы. 23-го октября прибылъ владыка пинскій, Григорій Михаловичъ; на слѣдующій день епископъ перемышльскій Іоаннъ Шишка; 26-го октября, въ пятницу, пріѣхали Левъ Кревза-Ржевусскій, епископъ смоленскій, Іоакимъ Мороховскій, епископъ владимірскій и Мелетій Смотрицкій (уже перешедшій въ унію), архіепископъ полоцкій. Еще черезъ день, т. е. 27 октября пріѣхалъ и митрополитъ Іосифъ Рутскій. Онъ торжественно былъ встрѣченъ всѣми прибывшими раньше епископами за городомъ и въ сопровожденіи ихъ въѣхалъ во Львовъ [256]). Кромѣ перечисленныхъ, на соборѣ присутствовали еще: Антоній Селява, архіепископъ смоленскій, Іеремія Почановскій, епископъ луцкій (не уніатъ), Рафаилъ Корсакъ, епископъ-коадъюторъ мимитрополита [257]) и вмѣстѣ протоархимандритъ базильянскаго ордена, Аѳанасій Крупецкій, епископъ перемышльскій [258]), мѣстный православный епископъ Іеремія Тисаровскій и много архимандритовъ [259]). Изъ свѣтскихъ лицъ, кромѣ упомянутаго уже князя Заславскаго, были тогда во Львовѣ: князь Пузына, извѣстный Лаврентій Древинскій, чашникъ волынскій, братчики львовскаго ставропигіальнаго братства Романъ и Гавріилъ Гангиши, Николай Добрянскій и Стефанъ Лясковскій, представители разныхъ другихъ братствъ и проч. [260]).

Приводимъ, по Гарасѣвичу, дневникъ этого собора, записанный неизвѣстнымъ лицомъ [261]). Въ воскресеніе, 28-го октября совершена была ранняя мша, на которой іезуитъ Бембусъ, проповѣдникъ королевскій, сказалъ (какъ въ свое время на брестскомъ соборѣ Петръ Скарга) длинную проповѣдь о соединеніи церквей, приглашая православныхъ принять унію. На проповѣди присутствовали митрополитъ съ нѣкоторыми владыками, три архимандрита, много монаховъ и пѣвцовъ, бывшихъ на хорахъ, при органѣ и, безъ сомнѣнія, немало народу, хотя объ этомъ писатель дневника умалчиваетъ. Довольно любопытна, напыщенно-витіеватая проповѣдь Бембуса [262]). Въ основаніе ея онъ, съ искусствомъ іезуитской казуистики, положилъ надписаніе, сдѣланное на крестѣ Іисуса Христа на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, и обратилъ особое вниманіе на послѣдній, которымъ потому и написано было надъ самой головой Христа, что онъ былъ важнѣйшій. Далѣе Бембусъ превозносилъ до небесъ значеніе востока, но потомъ это значеніе придалъ западу и, согласно ученію западной римской церкви утверждалъ, что Іисусъ Христосъ поставилъ св. апостола Петра, а послѣ него папъ—видимой главой и основаніемъ христіанской вѣры. Называя цареградскаго патріарха еретикомъ, Бембусъ убѣждалъ поляковъ оказывать почтеніе уніатамъ и настаивалъ на томъ, чтобъ имъ оставленъ былъ славянскій языкъ, ихъ богослуженіе и таинства.

Приступить къ цѣли съѣзда—открытію собора—уніаты не могли, потому что не было представителей отъ православныхъ. Время, однако, надо было наполнить чѣмъ-нибудь. И вотъ, въ это-же воскресеніе, въ послѣобѣденное время, всѣ уніатскіе іерархи въ мантіяхъ совершили торжественную процессію изъ каѳедральнаго латинскаго костела въ замокъ, упрекая православныхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ въ томъ, что они, не являясь на соборъ, нарушаютъ приказаніе и волю короля. Князь Заславскій посылалъ даже къ львовскому братству, чтобъ братчики явились въ замокъ къ уніатамъ. Но братство чрезъ двухъ послан-

ныхъ отвѣтило, что это не его обязанность, а старшихъ духовныхъ и никого не послало.

Отрывочныя свѣдѣнія о слѣдующихъ дняхъ не даютъ возможности составить цѣльное представленіе о томъ, что именно происходило и что сдѣлано въ эти три дня для цѣли, какая собрала уніатскихъ іерарховъ во Львовъ. Несомнѣнно только, что пріѣздъ этихъ гостей былъ не по душѣ львовскимъ православнымъ и это выразили, прежде всего, простые міряне въ лицѣ ничтожныхъ по положенію, но сильныхъ преданностью православію,—служанокъ. Въ понедѣльникъ, 29 октября, уніаты жаловались въ замкѣ, что русскія и армянскія кухарки посылали вслѣдъ ихъ проклятія и обзывали нечестивцами (poganami), за что нѣсколько изъ нихъ заключены были въ тюрьму [263].

Во вторникъ изъ Вильны прибыли православные иноки и князь Пузына съ Лаврентіемъ Древинскимъ. Обращаетъ на себя вниманіе этотъ поздній пріѣздъ православныхъ; было уже 30-е октября, второй день послѣ срока, въ который должно было открыть соборъ. Тѣмъ болѣе страннымъ можетъ казаться такое опозданіе православныхъ, если сопоставить его съ прибытіемъ уніатовъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, пріѣхали еще за пять дней до срока, въ который назначенъ былъ соборъ, именно 23-го числа. Чѣмъ-же объяснить поздній пріѣздъ православныхъ? Причина этого заключается въ ясномъ сознаніи православными, что отъ львовскаго собора нельзя ожидать ничего хорошаго. Они, какъ замѣчено выше, во-время поняли, что этотъ съѣздъ не принесетъ никакой пользы, поэтому и не высылали своихъ епископовъ. А депутація отправлена была для того, чтобъ не нарушить приказанія короля, не стать въ разрѣзъ съ его универсаломъ. Имѣя, такимъ образомъ, въ виду только формально исполнить волю короля, депутація и не спѣшила во Львовъ.

Въ день пріѣзда православныхъ, владимірскій епископъ Іоакимъ Мороховскій служилъ литургію у доминиканцевъ, въ домовой церкви (или въ часовнѣ), гдѣ находился образъ Пречистой Божіей Матери. Это служеніе привлекло массу русскихъ и армянъ.

Въ среду, 31-го октября, митрополитъ Рутскій, по просьбѣ князя Островскаго-Заславскаго, въ галицкомъ предмѣстьи, у кармелитовъ служилъ «*парастасъ*» по отцѣ его и львовское братство, по просьбѣ того-же князя, одолжило свои ризы для митрополита. Послѣ обѣда (въ тотъ-же день) митрополитъ со всѣми владыками, монахами и пѣвчими совершилъ процессію въ мѣстную православную церковь, только что выстроенную, но еще не освященную. Настоятель ея, священникъ Боярскій съ братствомъ встрѣтилъ митрополита предъ церковью и произнесъ ему привѣтственную рѣчь. Когда уніаты вошли въ церковь, явились сюда чашникъ Древинскій и князь Пузына, представились митрополиту и бесѣдовали съ нимъ. При выходѣ изъ церкви, митрополитъ и всѣ уніаты, обратившись къ востоку, громко пропѣли: «Подаждь утѣшеніе рабомъ Твоимъ, Всенепорочная!»... Присутствовавшіе при этомъ поляки закричали: «Слава Богу! согласіе, согласіе! унія, унія!» О. Боярскій пригласилъ митрополита и бывшихъ съ нимъ уніатскихъ владыкъ въ свой домъ, куда пришли и члены братства, и чествовалъ ихъ виномъ. Въ бесѣдѣ за столомъ, Смотрицкій, между прочимъ, сказалъ: «хорошо было-бы, отцы, еслибы вы стали нами, а мы — вами и пошли вмѣстѣ нашей торной дорогою». На это Древинскій возразилъ: „мы желаемъ держаться того, что постановлено для насъ на седьми вселенскихъ соборахъ, а не теперешнихъ нововведеній". „Надо вамъ, господа, знать,— замѣтилъ на это о. Боярскій, вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ, — что не такъ страшенъ діаволъ, какъ его рисуютъ; хорошо о. Смотрицкій говоритъ, чтобы *вы* стали нами, а не *мы*—вами", и продолжалъ ихъ угощать. Спустя немного времени всѣ разошлись.

Въ четвергъ митрополитъ служилъ у бернардиновъ, на галицкомъ предмѣстьи, а епископъ Мороховскій—въ женскомъ монастырѣ Всѣхъ Святыхъ, на предмѣстьи краковскомъ. Мороховскій (вѣроятно, нѣсколько раньше), присылалъ просить православное братство, чтобъ ему позволили отслужить литургію въ братской церкви, но братчики отклонили эту просьбу. «Если имѣетъ,—отвѣтили ему,—грамоту и позволеніе отъ патріарха, то пусть служитъ». Въ тотъ-же день львовское братство давало обѣдъ

инокамъ виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, а Бембусъ опять витійствовалъ, проклиная православныхъ, какъ противниковъ уніи.

Въ пятницу представители православныхъ съ княземъ Пузыной и Древинскимъ были у уніатовъ и просили ихъ ходатайствовать предъ королемъ за православныхъ епископовъ, что они не могли прибыть на соборъ, а также похлопотать у него о разрѣшеніи цареградскому патріарху пріѣхать въ Литву. При этомъ относительно цѣли теперешняго съѣзда они заявили, что согласятся на то, что постановитъ патріархъ. Уніаты на-отрѣзъ отказались просить короля и ходатайствовать предъ нимъ, ясно высказавъ, наконецъ, цѣль львовскаго собора.—«Если вы ужъ теперь,—говорили они,—не желаете *принять* унію, то пусть каждый дѣлаетъ, что хочетъ и держится своего, какъ можетъ; мы слушаемся папы, а не патріарха». Этимъ свиданіе православныхъ и уніатовъ окончилось; болѣе они во Львовѣ не сходились. Въ воскресеніе митрополитъ служилъ у іезуитовъ, былъ у нихъ на обѣдѣ и на богословскомъ диспутѣ, а въ понедѣльникъ 5-го ноября, выѣхалъ изъ Львова вмѣстѣ съ остальными владыками, за исключеніемъ Мороховскаго, который выѣхалъ на слѣдующій день [264]).

Что могло произойти отъ этого собора, да и можно-ли было надѣяться отъ него чего-нибудь? Что сдѣлано на львовскомъ соборѣ для той цѣли, которая руководила виновниковъ его? Откладывая пока отвѣтъ на первый вопросъ, замѣтимъ, что цѣль собора вовсе не была достигнута. Ожиданія уніатовъ не оправдались, и прежде всего потому, что они, какъ и представители православныхъ, пріѣхали съ предвзятыми мыслями. Въ этомъ отношеніи львовскій соборъ очень напоминаетъ соборъ въ Брестѣ, напоминаетъ до полной аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тамъ уніаты прибыли только съ тѣмъ, чтобь оформить унію, санкціонировать ее на почвѣ западно-русской церкви, а православные,—чтобъ высказать противъ нея свой протестъ и подавить ее, такъ и здѣсь,—первые имѣли цѣлью осуществить проэктъ латинской партіи, т. е. открыто привлечь въ унію православныхъ, а вторые пріѣхали только съ тѣмъ, чтобъ, исполняя волю короля от-

носительно присутствія на этомъ соборѣ, заявить, что этого никогда быть не можетъ. Въ этомъ и заключалась причина, почему православные епископы лично не участвовали въ соборѣ. Однако, въ виду королевскаго универсала, представители православныхъ не чуждались уніатовъ. Они, какъ видно изъ дневника, присутствовали вмѣстѣ съ ними въ православной церкви, принимали ихъ въ домѣ настоятеля ея, который даже сказалъ привѣтственную рѣчь митрополиту и очень радушно угощали уніатскихъ владыкъ. Словомъ, въ миролюбивыхъ симпатіяхъ недостатка не было. Не трудно, однако, замѣтить, какъ все это было желчно. Достаточно для этого прослушать разговоръ Смотрицкаго съ Древинскимъ и вмѣшательство въ него о. Боярскаго.

Но неестественны были и поступки уніатовъ по отношенію къ православнымъ. Крики поляковъ въ извѣстной намъ церкви, что настало «примиреніе», «унія»—это верхъ хитрости, напередъ обдуманной дѣланности, ибо ничего естественнаго тутъ и быть не могло. Только потому, что въ присутствіи православныхъ, съ обращеніемъ на востокъ, пропѣто было «Подаждь утѣшеніе»... кричать уже объ уніи, собственно говоря, нѣтъ никакого смысла. Между тѣмъ, если принять во вниманіе, что все это обдумано было заранѣе, условлено напередъ, то смысла тутъ можно найти болѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Очевидно, уніаты хотѣли считать дѣло примиренія съ православными оконченнымъ, по крайней мѣрѣ, формально, послѣ ихъ совмѣстной молитвы въ храмѣ. Но шаткость такихъ плановъ сказалась сама собой. Это, повидимому, мирное настроеніе, этотъ тонъ дружелюбныхъ отношеній, вѣжливыя встрѣчи, любезныя приглашенія и угощенія — все такъ краснорѣчиво гласило въ пользу миролюбиваго исхода львовскаго собора, но самому собору не давало никакого хода. Сходились уніаты съ православными, бесѣдовали, но для цѣли съѣзда ничего не дѣлали; не засѣдали, не совѣщались и соборныхъ дѣяній не оставили.

Строго говоря, собора во Львовѣ не было, а была одна лишь попытка къ нему и то—только со стороны уніатовъ. Насколько уніаты остались недовольны неудачею своей попытки, видно изъ

того, что, при послѣднемъ свиданіи ихъ съ православными, они совершенно отказались удовлетворить ихъ просьбу относительно ходатайства предъ королемъ. Но еще яснѣе выразилъ это недовольство королевскій проповѣдникъ Бембусъ, который въ своей проповѣди открыто проклиналъ православныхъ.

Но, если львовскій соборъ не достигъ той цѣли, какая имѣлась въ виду митр. Рутскимъ и, вообще, латинской партіей, то нельзя сказать,—отвѣчаемъ на первый нашъ вопросъ, — чтобъ онъ прошелъ безслѣдно для западно-русской церкви въ виду того, что сформированъ и подготовленъ былъ Мелетіемъ Смотрицкимъ, незадолго предъ соборомъ перешедшимъ въ унію. Смотрицкій считался за лучшаго человѣка въ средѣ православныхъ литовско-русскихъ іерарховъ и его примѣръ увлекъ очень многихъ изъ православныхъ. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ какъ православные, такъ и латинскіе писатели [265]).

Послѣ львовскаго собора, до конца правленія митр. Рутскаго, мы не встрѣчаемъ особыхъ мѣръ со стороны этого іерарха въ пользу уніи. Очевидно, дѣятельность его ослабѣла, съ одной стороны, въ виду преклонныхъ лѣтъ, съ другой,—еще болѣе въ виду тѣхъ политическихъ перемѣнъ, какія наступили послѣ смерти Сигизмунда Ш. Мѣсто вѣрнаго служителя и усерднаго поборника уніи занялъ королевичъ Владиславъ, круто перемѣнившій отношенія польскаго правительства къ православнымъ. Унія, въ лицѣ митр. Рутскаго, должна была защищаться противъ льготъ, какія наданы были Владиславомъ православію въ 1632 году. Митр. Рутскій видѣлъ, но не могъ отклонить этого подрыва уніи и, по требованію сейма, подписалъ уступки православнымъ. Въ слѣдующемъ году онъ домогался у митрополита Петра Могилы его митрополіи, но не успѣлъ въ этомъ также, какъ не успѣлъ подчинить себѣ православныя епархіи, отошедшія послѣ войны 1633 года отъ Россіи къ Польшѣ [266]).

Время правленія митр. Рутскаго было для уніи, безспорно, опасной порой ея существованія. Втиснутая въ колею исторической жизни стараніями Поцѣя, она неминуемо-бы погибла, еслибы чуткій административный духъ его не далъ ей такого руко-

водителя, какимъ былъ Рутскій. Послѣдній своей энергіей, своими организаторскими планами обезпечилъ существенное въ уніи— ея внутреннюю сторону. Онъ оживилъ, одухотворилъ ее, обративши вниманіе на интеллектуально-моральную жизнь тѣхъ, которые были представителями уніи. Въ этомъ отношеніи неоцѣненной заслугой для уніи было учрежденіе ордена базиліанъ. Личность митр. Рутскаго, какъ и его дѣятельность, высоко чтилась въ Римѣ и папа хотѣлъ было даже пожаловать ему кардинальскій санъ, но этому мѣшали права Польши. Въ своихъ письмахъ онъ называлъ Рутскаго атласомъ уніи, столпомъ церкви, мужемъ апостольскимъ и русскимъ Аѳанасіемъ [267]).

Но если унія, повидимому, много теряла отъ уступокъ, сдѣланныхъ въ пользу православія Владиславомъ IV, то благодаря Рутскому она крѣпко жила въ дѣятельности ордена базиліанъ, разростаясь все сильнѣе и сильнѣе и подавляя, наконецъ, православіе.

Замойскій соборъ.

Къ началу XVIII в., ко времени замойскаго собора, одного изъ выдающихся соборовъ въ жизни уніатской церкви, унія не только широкой сѣтью раскинулась по всей почти западно-русской окраинѣ, но и сама готова была переродиться въ латинство. Этому способствовали, во-1-хъ, уніатскіе митрополиты съ латинскимъ направленіемъ, а во-2-хъ, и главнымъ образомъ, базиліане, занимавшіе съ начала основанія ихъ ордена видное положеніе въ уніатской церкви и успѣвшіе къ этому времени окончательно олатиниться.

Латиняне до мозга костей (какъ, напр., митр. Жоховскій)— уніатскіе митрополиты, стоя во главѣ управленія церковью, безъ сомнѣнія, не противорѣчили своимъ убѣжденіямъ, а осуществляли ихъ, т. е. въ ослѣпленіи и преданности Риму, нажимали всѣ пружины своей власти, чтобы достойное, по ихъ мнѣнію, всего міра

латинство привито было въ управляемой ими церкви. Надо помнить, что дѣло латинизаціи не было для нихъ трудно вводимой новизною, не было идеей ими только лично защищаемой, не было, наконецъ, дѣломъ, которое-бы нуждалось въ средствахъ для своего осуществленія. Напротивъ, латинизація охватила уже всю уніатскую церковь и слѣды ея замѣтны были вездѣ, для нея трудились не одни митрополиты, а такіе дѣятели, какъ delectissimi filii папы, отцы іезуиты, слѣдовательно, не было недостатка и въ средствахъ для распространенія латинства. Если къ этому прибавимъ, что въ данное время работалъ для той-же цѣли усилившійся и олатинившійся базиліанскій орденъ, то картина злополучнаго положенія уніатской церкви, вслѣдствіе крайней латинизаціи ея, будетъ выглядѣть еще мрачнѣе. Назначенный по плану своего основателя митрополита Рутскаго къ храненію и распространенію уніи, базиліанскій орденъ могъ быть вѣрнымъ своей цѣли только до тѣхъ поръ, пока его самаго не коснулось латинство. Но по мѣрѣ того, какъ орденъ началъ усвоять себѣ латинскія новшества, медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ стала перерождаться въ латинство и унія. Это перерожденіе обозначалось въ уніатской церкви тѣмъ, что латинскія нововведенія, будучи прививаемы непосредственно одно за однимъ, не могли, конечно, тотчасъ вытѣснить православные обряды въ ней и, по необходимости, образовали какую-то смѣшанность и запутанность въ жизни. Разъ подпавъ опекѣ латинянъ, базиліане не могли уже противодѣйствовать такому порядку вещей. И въ школахъ ихъ, и въ самомъ орденѣ было много истыхъ латинянъ, такъ что завѣтная идея Рима латинизаціи базиліанъ, а съ ними и уніатской церкви зрѣла все болѣе и болѣе.

Олатиненная обрядность и догматика уніатской церкви настолько придвинула ее къ церкви римской, что различіе между ними было не особенно рѣзко. Слѣдствіемъ сего было то, что многіе изъ уніатовъ стали переходить въ латинство. Въ XVII и началѣ XVIII вв., дѣйствительно, въ Римъ посылается множество жалобъ со стороны не только уніатскаго духовенства, но и самихъ базиліанъ о совращеніи уніатовъ въ латинство іезуитами

и латино-польскимъ духовенствомъ [268]). Изъ Рима — хотя-бы то для вида издаются также декреты, запрещающіе переходъ уніатовъ въ латинство [269]). Такимъ образомъ, унія постепенно близилась къ тому, что ей приходилось быть вычеркнутой изъ числа существующихъ вѣроисповѣданій. Имѣя противъ себя много враговъ, она не имѣла, или почти не имѣла за собой никакихъ друзей. Говоримъ — почти, потому что за унію стояло бѣлое уніатское духовенство. Оно одно силилось еще оказать сопротивленіе гигантской силѣ латинизаторскихъ стремленій и базиліанъ, и іезуитовъ, и польскаго правительства. Но сопротивленіе это было такъ слабо, противодѣйствіе такъ безсильно, что унія не могла ожидать для себя существенной пользы. Порабощенное базиліанскимъ орденомъ въ матеріальномъ отношеніи [270]), забитое въ отношеніи умственномъ [271]), бѣдное и невѣжественное, уніатское духовенство не могло оказать серьезной оппозиціи латинству и тѣмъ менѣе могло найти ее въ своихъ представителяхъ — уніатскихъ епископахъ и митрополитахъ. Эти послѣдніе были для базиліанскаго ордена своими людьми, состоя нѣкогда его членами и, естественно, смотрѣли на бѣлое уніатское духовенство глазами базиліанъ. За рѣдкими, единичными случаями заботы о немъ [272]), высшіе уніатскіе іерархи всегда игнорировали его интересами, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вели борьбу съ базиліанскимъ орденомъ. Нечего говорить о такихъ іерархахъ, какъ Жоховскій. Преданные латинству до ослѣпленія и стараясь превратить въ него унію, они не могли заботиться объ уніатскомъ духовенствѣ уже въ силу того одного, что видѣли въ немъ противниковъ своихъ стремленій. Говоря вообще, положеніе бѣлаго уніатскаго духовенства было таково, что противодѣйствіе его латинизаціи не могло, повидимому, имѣть никакого значенія. Въ этомъ, какъ увидимъ ниже, были убѣждены всѣ поборники латинства.

Но такое положеніе бѣлаго духовенства, вслѣдствіе умственной косности и невѣжества допускавшаго ошибки и злоупотребленія въ дѣлахъ вѣры и въ церковной дисциплинѣ [273]), съ другой стороны, безпорядки въ догматикѣ уніатской церкви и ея об-

рядности, безпорядки, доходившіе до какого-то непрогляднаго хаоса,—все это невольно парализовало равнодушіе высшихъ уніатскихъ іерарховъ къ уніи и заставляло ихъ, при всей ихъ апатичности къ бѣлому уніатскому духовенству, обратить вниманіе на свою паству. Это тѣмъ болѣе надо было сдѣлать, что по ихъ адресу часто посылались весьма горькія замѣчанія о такомъ состояніи ихъ церкви [274]). Подъ вліяніемъ этихъ замѣчаній и сознанія безвыходности положенія уніатской церкви, въ началѣ XVIII вѣка является мысль о созваніи собора съ цѣлью положить конецъ вкравшимся въ церковную жизнь уніи безпорядкамъ и тѣмъ возстановить вытѣсненные латинствомъ ея православные обряды. Мысль эта принадлежала одному изъ ревностныхъ митрополитовъ этого времени, Льву Кишкѣ. Вотъ что онъ самъ говоритъ по этому поводу: «согласно постановленіямъ св. вселенскаго тридентскаго собора, по праву, принадлежащему митрополиту, первенствующему на Руси, мы должны были созвать областной соборъ для возстановленія упадшей дисциплины церковной и возвращенія испорченныхъ обычаевъ къ своему первоначальному виду» [275]). Такимъ образомъ, первой причиной предполагавшагося собора были сознаніе испорченности, упадка дисциплины уніатской церкви и желаніе исправить, возстановить ее, привести къ тому виду, какой она имѣла сначала.

Была, однако, еще одна причина созванія областнаго собора и она, какъ увидимъ, была важнѣе первой. Это—желаніе базиліанъ канонизовать голосомъ собора на почвѣ уніи, какъ въ 1596 году канонизована была эта послѣдняя на почвѣ православія, тѣ нововведенія латинства, надъ коими трудились они почти съ самаго начала существованія ихъ ордена. Теперь, когда уніатская церковь, благодаря дѣйствіямъ базиліанъ, жила латинскимъ духомъ, когда она получила обликъ, только въ немногихъ чертахъ отличающій ее отъ римской церкви, теперь, говоримъ, лучше всего было, по мнѣнію базиліанъ, торжественно закрѣпить за ней все это и дать, такимъ образомъ, латинству возможность развиваться въ уніи на законномъ основаніи. Это желаніе базиліанъ имѣло, къ тому-жъ, за собой довольно вѣскіе, съ ихъ точки зрѣ-

нія, мотивы. Дѣло въ томъ, что латинскія новшества базиліанъ, вводимыя въ уніатскія церкви, при враждебности бѣлаго духовенства къ ордену и латинству не могли, конечно, *повсюду* усвояться и прививаться. Были случаи, что духовенство игнорировало ими, а то просто—сопротивлялось этимъ нововведеніямъ. Понятно, что при такомъ положеніи вещей, базиліане могли опасаться, что ихъ труды не достигнутъ цѣли, если вводимымъ новшествамъ не будетъ придана обязательная сила для всей уніатской церкви, вслѣдствіе утвержденія ихъ авторитетомъ собора. Естественно, поэтому, ихъ желаніе созвать соборъ. Если послѣ этого принять во вниманіе, что значеніе и вліяніе ордена базиліанъ были весьма велики въ Римѣ, то необходимо предположить, что главными двигателями проэкта областнаго собора были именно базиліане, хотя мысль о немъ и принадлежитъ митр. Льву Кишкѣ. Такимъ образомъ, было двѣ причины созванія собора. Это, во-1-хъ, желаніе уніатовъ, искренно служившихъ дѣлу уніи искоренить вкравшіяся въ уніатскую церковь латинскія новшества и, во-2-хъ, желаніе олатинившихся уніатовъ, главнымъ образомъ, базиліанъ, преслѣдовавшихъ своекорыстныя цѣли въ духѣ латинства — утвердить эти новшества. Соборъ, котораго такъ желали въ различныхъ видахъ бѣлое уніатское духовенство и базиліане, былъ соборъ замойскій, отбывшійся въ 1720 году въ Замостьѣ (нынѣ уѣздный городъ Люблинской губерніи) [276]).

При введеніи уніи и въ первое время ея существованія въ западно-русской церкви мы видимъ, что польское правительство принимаетъ въ ея дѣлахъ самое дѣятельное участіе, оно слѣдитъ за ней, какъ говорится, шагъ за шагомъ. Достаточно вспомнить время, предшествовавшее брестскому собору; безъ королевской воли ничего не дѣлалось для уніи: универсалы, грамоты, предписанія опредѣляли всякое движеніе ея поборниковъ. Въ послѣдующее время замѣтно то же самое. Кобринскій и львовскій, напр., соборы отбываются, хотя и съ соизволенія папы, но въ то же время и по особому разрѣшенію Сигизмунда III. Теперь, спустя сто лѣтъ, при созваніи замойскаго собора, разрѣшеніе на него испрашивается у папы. Митр. Левъ Кишка въ 1716 году ходатай-

ствуетъ о созваніи собора прямо въ Римѣ [277]), какъ-бы обходя польское правительство. Едва-ли можно объяснить это равнодушіемъ послѣдняго къ уніи. Равнодушіе въ этомъ случаѣ являлось-бы непростительнымъ анахронизмомъ его дѣйствій въ параллели съ прошлою заботой объ уніи. Нѣтъ, тутъ не было равнодушія; скорѣе имѣло здѣсь мѣсто отсутствіе прежней зоркости къ дѣламъ уніи на томъ основаніи, что роль правительства уже кончилась. Оно сдѣлало свое дѣло. Какъ за ребенкомъ, ухаживало оно за уніей сначала ея существованія, оно помогло ей укрѣпиться во внѣшнемъ отношеніи, оно своими мѣрами способствовало уніи пронестись опустошительнымъ ураганомъ по всей западно-русской странѣ и поколебать, опустошить въ ней величественное зданіе православія. Теперь, когда унія уже пережила свой младенческій періодъ и созрѣла настолько, что могла въ своемъ старческомъ нарядѣ совершенно слиться съ римскою церковью, для чего придуманы были даже проэкты [278]), теперь, говоримъ, польское правительство предоставило унію Риму и силамъ ея-же самой. Поэтому-то и отношенія польскаго правительства, заправленныя прежде горячею бдительностью и надзоромъ, нѣсколько охладѣваютъ, поэтому-то и митроп. Кишка о созваніи собора ходатайствуетъ не предъ королемъ, но предъ папою и отъ послѣдняго получаетъ разрѣшеніе.

Оно дано было еще 20-го марта 1716 г. папою Климентомъ XI-мъ [279]), однако соборъ въ этомъ году не состоялся, а созванъ былъ, какъ замѣчено выше, въ 1720 г. Трудно рѣшить, какія обстоятельства на четыре года отдалили созваніе собора. Намекъ Островскаго „о замѣшательствахъ въ странѣ“ (zamieszki krajowe) [280]) не разъясняетъ этого факта точно также, какъ и замѣчаніе Ликовскаго „о различныхъ препятствіяхъ“ (o rozmaitych przeszkodach) [281]), мѣшавшихъ открыть соборъ. Имѣются-ли этими историками въ виду неблагопріятныя политическія обстоятельства того времени [282]), или краткія замѣчанія ихъ должны свидѣтельствовать о томъ, что причинъ, по которымъ соборъ былъ отло-

женъ, нужно искать какъ въ дѣйствіяхъ уніатскихъ іерарховъ и базиліанъ, такъ и въ неоффиціальныхъ распоряженіяхъ Рима, повторяемъ, рѣшить трудно. Однако, принимая во вниманіе, что политическія невзгоды были тогда сравнительно не велики, надо полагать, что причиной отволочки собора были или уніаты-базиліане, или Римъ, что въ данномъ случаѣ — одно и тоже. Такъ или иначе, тѣмъ не менѣе предсѣдателемъ этого собора назначенъ былъ папскій нунцій въ Польшѣ, архіепископъ едесскій *Іеронимъ Гримальди*, которому въ 1716 г. прислано было объ этомъ изъ Рима бреве. Извѣщая въ немъ своего нунція о намѣреніи русскаго уніатскаго митрополита съ епископами созвать соборъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, папа высказываетъ желаніе, чтобъ соборъ этотъ совершился правильно, къ пользѣ церквей и во славу Божію, и для этого назначаетъ его (нунція) своимъ уполномоченнымъ предсѣдателемъ на немъ. При этомъ папа увѣщеваетъ Гримальди съ вѣрностью (Риму, конечно) управлять означеннымъ соборомъ, опредѣлять и утверждать все касающееся уніатскихъ церквей такъ, чтобъ оно не прежде было обнародовано и приведено въ исполненіе, пока не будетъ разсмотрѣно и одобрено конгрегаціей de propaganda fide. Кромѣ того, папа повелѣваетъ (въ этомъ-же бреве) митрополиту, епископамъ и всѣмъ, кто будетъ присутствовать на соборѣ, принять нунція, какъ предсѣдателя, повиноваться ему, принимать его совѣты и наставленія и исполнять ихъ. Наконецъ, такъ какъ нунція въ его распоряженіяхъ могли стѣснять прежнія различныя конституціи и апостольскіе декреты, то папа, не уничтожая ихъ на будущее время, на этотъ разъ отнимаетъ у нихъ силу [283]).

Въ этомъ бреве папы обращаетъ на себя, прежде всего, вниманіе назначеніе предсѣдателемъ собора папскаго нунція. Оно, очевидно, ненормально. По праву и примѣру прежнихъ лѣтъ, предсѣдательствовать на соборѣ долженъ былъ митрополитъ, какъ верховный іерархъ уніатской церкви. Если въ данномъ случаѣ это законное право отнимается у митрополита, то само собой понятно— не безъ цѣли, точно также, какъ не безъ особыхъ соображеній передается оно именно нунцію и передается замѣчательно съ

особыми чрезвычайными уполномочіями. Если предсѣдателемъ собора не могъ быть митрополитъ, то можно было замѣнить его помимо нунція, кѣмъ-либо изъ римскихъ делегатовъ тѣмъ болѣе, что соборъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ послѣ разрѣшенія не созывался. Почему-же именно предсѣдательство поручается нунцію, почему его постановленія не прежде должны приводиться въ исполненіе, какъ по разсмотрѣніи ихъ въ Римѣ и почему, наконецъ, на этотъ разъ отмѣняются конституціи и апостольскіе декреты?

Все это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы поработить уніатскую церковь латинству. Такъ какъ папскій нунцій, живя въ Польшѣ, зналъ, безспорно, всѣ нити латинизаціи ун. церкви, то онъ былъ на этотъ разъ незамѣнимымъ человѣкомъ для Рима въ предполагавшемся соборѣ. Положимъ, митрополитъ также зналъ обстоятельно слабыя и сильныя стороны уніи. Но онъ, очевидно, не могъ быть, по разсчетамъ папы, надежнымъ предсѣдателемъ, ибо легко могъ принять сторону бѣлаго ун. духовенства и тогда желанія базиліанъ, которыя вмѣстѣ были желаніями и Рима, могли не достигнуть своей цѣли. Съ другой стороны, никакой римскій легатъ, какъ незнакомый съ положеніемъ уніи, не могъ въ роли предсѣдателя собора вести дѣло, согласно проэкту апостольской столицы такъ, какъ могъ это сдѣлать нунцій, знавшій оффиціальную и закулисную сторону уніи. Въ этомъ и заключается причина, почему предсѣдательство вручается нунцію. Но такъ какъ послѣдній, даже при искреннемъ своемъ желаніи точно исполнять данныя ему инструкціи, могъ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, сдѣлать какое либо отступленіе или измѣненіе ихъ, то папа предписываетъ не приводить въ исполненіе сдѣланныя на соборѣ постановленія до тѣхъ поръ, пока онѣ не выдержатъ рецензіи въ Римѣ. Нельзя не замѣтить въ этомъ предписаніи папы той рѣдкой дальнозоркости и пунктуальности, какими всегда отличались дѣйствія Рима по отношенію къ уніи. Нунцій былъ, какъ говорится, своимъ человѣкомъ и, согласно бреве папы, человѣкомъ преданнымъ Риму и его интересамъ, тѣмъ не менѣе его постановленія все-таки подвергаются критикѣ. Для той-же

цѣли—болѣе широкаго дѣйствованія въ пользу латинства,—отмѣнены папой прежнія конституціи и апостольскія декреты. Отмѣна эта, расширяя, съ одной стороны, кругъ дѣйствій нунція, съ другой, дѣлала недѣйствительными тѣ возраженія, которыя могли быть выставлены уніатами въ случаѣ протеста противъ этихъ дѣйствій. Словомъ, дѣло было обставлено хитро, своекорыстно, но въ то же время вполнѣ законно.

На возобновленную митр. Кишкою въ 1720 г. просьбу объ отбытіи собора, конгрегація de propaganda fide отвѣтила о согласіи папы на осуществленіе его просьбы декретомъ отъ 13 іюля 1720 г. [284]). Спустя недѣлю, митроп. Льву Кишкѣ и всѣмъ русскимъ ун. епископамъ прислано было съ тою же цѣлью бреве папы Климента XI. Высказывая свою радость по поводу извѣстія о намѣреніи митрополита и ун. епископовъ созвать соборъ для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ, папа, въ своемъ бреве, хвалитъ ихъ за горячую заботу о церкви и при этомъ напоминаетъ уничтожить въ епархіяхъ важныя злоупотребленія, практикующіяся при избраніи священнослужителей. Далѣе Климентъ говоритъ о назначеніи нунція Грималъди предсѣдателемъ собора и вмѣняетъ всѣмъ въ обязанность имѣть полное довѣріе ко всему, что тотъ предложитъ имъ отъ имени апостольской столицы и съ полнымъ послушаніемъ принимать его совѣты и увѣщанія, «считая,—продолжимъ словами папы,—за несомнѣнное, что все это проистекаетъ не изъ другаго источника, а изъ отеческой, по истинѣ глубокой о Господѣ любви нашей къ вамъ и не имѣетъ другой цѣли, кромѣ общей пользы вашей и любезной намъ русской націи». Въ заключеніе папа выражаетъ надежду, что все предписанное имъ будетъ исполнено съ обычной ревностію и благочестіемъ и посылаетъ ун. іерархамъ свое благословеніе [285]).

Это бреве папы не имѣло-бы для насъ особаго значенія послѣ того, какъ извѣстно бреве его къ нунцію Грималъди; то и другое имѣютъ одинаковую цѣль. Но замѣчательно, что папа своимъ бреве къ митрополиту и епископамъ хочетъ убѣдить ихъ въ искренности своихъ попеченій объ уніатской церкви, направленныхъ, повидимому, къ тому же, чего и они желаютъ. От-

страняя дѣйствительныя желанія и стремленія папы, въ этомъ бреве можно найти столько задушевности, сердечности, розовыхъ обѣщаній ун. іерархамъ и попеченія объ ихъ церкви, что все это далеко превзойдетъ отеческую, какъ выражается папа, заботу его о ней. Но это только de jure. Намъ извѣстны и другіе мотивы созванія Замойскаго собора, поэтому можно только удивляться хитрости и двуличію папы Климента XI.

Его слова, безъ сомнѣнія, были приняты за звонкую монету; кажется, никто не сомнѣвался въ его намѣреніи исправить жизнь ун. церкви, привести ее къ лучшему порядку. По крайней мѣрѣ митр. Левъ Кишка много раньше изданія послѣдняго папскаго бреве, именно 11 мая 1720 г. написалъ уже окружное посланіе съ приглашеніемъ на соборъ [286]). Изъ него видно, что митрополитъ вполнѣ вѣрилъ въ искренность будто бы—отеческихъ заботъ и попеченій папы о благѣ ун. церкви. Польза послѣдней и слава русскаго народа занимали умъ и сердце дряхлаго митрополита, писавшаго окружное посланіе. Мѣстомъ собора назначенъ былъ Львовъ, одинъ изъ лучшихъ городовъ Рѣчи-посполитой, а временемъ 26 августа по новому стилю [287]).

Однако, спустя мѣсяцъ, планъ былъ перемѣненъ и мѣстомъ собора назначенъ городъ Замость. Въ другомъ окружномъ посланіи (отъ 20 іюня), изданномъ по этому поводу [288]), митр. Кишка, не перемѣняя времени начала собора, извѣщаетъ всѣхъ имѣвшихъ участвовать въ немъ, что, въ силу развивающагося мороваго повѣтрія не только въ окрестностяхъ, но и въ самомъ Львовѣ, онъ, по соглашенію съ святѣйшимъ нунціемъ, переноситъ мѣсто собора изъ Львова въ Замость.

Дѣйствительно-ли моровое повѣтріе серіозно могло грозить собравшимся на соборъ въ многолюдный и безъ этого Львовъ [289]) или, быть можетъ, въ перемѣнѣ Львова на уютный, глухой Замость, латинская партія при своемъ большинствѣ полагала надежду осилить сравнительно меньшую ун. партію, рѣшить это, за неимѣніемъ достаточныхъ основаній, трудно.

Къ 26 авг., назначенному срокомъ начала собора, собралось въ Замость множество уніатскаго и латинскаго духовенства,

начиная отъ высшихъ іерарховъ и оканчивая парохами (приходскими священниками). Кромѣ папскаго нунція и митр. Льва Кишки, на соборъ прибыли слѣдующіе іерархи: Флоріанъ Гребницкій, архіепископъ полоцкій и витебскій, Іосифъ Выговскій, еп. луцкій и острожскій, Іосифъ Левицкій, еп. холмскій и белзскій, архимандритъ жидичинскій, Аѳанасій Шептицкій, еп. львовскій, галицкій и каменецкій, Іеронимъ Устрицкій, еп. перемышльскій, самборскій и саноцкій, Ѳеофилъ Годебскій, еп. (nominatus) пинскій и туровскій [290]) и Лаврентій Друцкій-Соколинскій, архіепископъ смоленскій [291]). Прибылъ также протоархимандритъ базиліанъ—Антоній Завадскій съ главными чинами ордена—архимандритами, консульторами, легатами, аудиторами, суперіорами и проч. [292]). Изъ низшихъ чиновъ ун. духовенства пріѣхало много декановъ (благочинныхъ), вице-декановъ, пресвитеровъ и ихъ викаріевъ [293]). Присутствовали лица и изъ латинскаго духовенства [294]), и также свѣтскія лица изъ уніатовъ [295]). Соборъ, очевидно, былъ весьма многочисленный и, какъ провинціальный, онъ, должно сказать, блисталъ своими членами.

Эти высокостоящія въ церковной іерархіи лица, объединенныя единодушнымъ желаніемъ вѣрнаго служенія церкви, казалось, все сдѣлаютъ къ ея благу, все устроятъ для ея пользы. Однако, на дѣлѣ, едвали могло такъ случиться. Не надо забывать, что кромѣ офиціальной стороны, замойскій соборъ имѣлъ еще закулисную, пока еще не всѣмъ извѣстную, но многими подразумѣваемую (имѣемъ въ виду латинскую партію); оффиціальная сторона, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что соборъ долженъ былъ возстановить упадшую дисциплину ун. церкви и привести обычаи ея къ первоначальному ихъ виду. Кто-же болѣе всего могъ изобразить этотъ упадокъ, кто могъ рельефнѣе представить нужды тогдашняго состоянія церкви и ея пастырей, какъ не сами эти пастыри, лично испытавшіе весь гнетъ и всю тяжесть церковной неурядицы и своего собственнаго житья? Казалось-бы, что ихъ присутствіе, какъ нельзя болѣе умѣстно было на соборѣ. Однако, какъ ни страннымъ это кажется, изъ приходскихъ священниковъ мы находимъ только одного. Это былъ о. Николай

Нашчорицъ, настоятель самборскаго и бисковинскаго приходовъ[296]). Правда, тутъ были благочинные—ближайшіе начальники приходскихъ священниковъ, были пресвитеры (настоятели приходскихъ церквей), которые могли замѣнить своихъ подчиненныхъ и сельскихъ товарищей, но всѣ они не то, что парохи. Они были люди обезпеченные (особенно пресвитеры), къ тому-жъ чиновные, а главное большинство изъ нихъ—базиліане. Уже по этому самому не могли они раскрыть всѣ язвы тогдашняго состоянія ун. церкви, терпѣвшей отъ латинства. Притомъ, нельзя отрицать, что, будучи заодно съ базиліанами, большинство изъ нихъ вовсе и не имѣло этого въ виду. Присутствовавшіе іерархи, правда, могли постоять за свои епархіи, но, какъ увидимъ, и этого не случилось. Словомъ, людей, которые-бы, дѣйствительно, принесли пользу оффиціальной сторонѣ собора, какъ будто что-то оттолкнуло, какъ будто низшее ун. духовенство по сговору не явилось на соборъ. Такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ, увидимъ ниже.

Обращаемся къ исторіи собора. Въ Замостьѣ предъ началомъ собора, надо полагать наканунѣ его (25 авг. н. с.), на дверяхъ приходскихъ ун. церквей во имя Пресвятыя Богородицы и святителя Николая были прибиты объявленія митр. Кишки, за подписью папскаго нунція, извѣщавшія съѣхавшееся духовенство, что въ этотъ день начнутся засѣданія собора[297]). Въ тотъ-же день митрополитомъ, раньше засѣданія, отслужена была литургія, а предъ самымъ открытіемъ собора, происходившаго въ церкви, папскимъ нунціемъ прочитаны были на этотъ случай молитвы, послѣ чего всѣ присутствовавшіе пропѣли «Царю небесный» и соборъ открытъ былъ рѣчью нунція Гримальди. Образецъ іезуитскаго краснорѣчія, рѣчь эта все-таки замѣчательна не столько по формѣ, сколько по своему содержанію и тону, ловко вставленному въ рамки витійства. Имѣя въ виду указать собору цѣль, ради которой онъ созванъ,—цѣль, безъ сомнѣнія, уже извѣстную всѣмъ присутствующимъ изъ посланія митрополита, нунцій былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, какимъ образомъ совмѣстить ее въ рѣчи съ требованіями папы совершенно противорѣчащими оффиціальной сторонѣ дѣла. Затрудненіе это ему удалось преодолѣть,

однако не безъ неровностей. Оно и понятно. Трудно говорить одно и дѣлать противоположное. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ нунцію такъ именно и пришлось поступить. Предпославъ въ своей рѣчи нѣсколько заискивающихъ, льстивыхъ словъ о цѣли собора, нунцій, вслѣдъ за тѣмъ, не задрудняется даже поставить присутствующимъ на видъ, что они сами послужили причиной церковныхъ нестроеній, вызвавшихъ соборъ. Однако, дѣлаетъ онъ это тонко, казуистически,—на первый взглядъ трудно замѣтить что-либо подобное. Воспоминаніе объ отшедшихъ отцахъ собравшагося духовенства наводитъ его на мысль представить ихъ образъ предъ очи собора. «Они были,—говоритъ онъ,—непорочны, кротки, не винопійцы, не скверностяжатели»... Зачѣмъ этотъ образъ отцевъ? Очевидно, чтобъ сопоставить его съ сыновними, которые, по убѣжденію нунція, прямо впрочемъ не высказанному, очень не сходны. Основаніемъ добродѣтелей отцовъ, по словамъ нунція, была глубокая вѣра ихъ; поэтому, чтобъ приблизиться къ образу предковъ, отцы собора должны отвергнуть всѣ ереси (осужденныя на вселенскихъ соборахъ) и, что особенно важно, дать присягу на повиновеніе папѣ, намѣстнику Христа и исповѣдать вѣру по формулѣ папы Урбина VIII. Переходъ отъ вѣры предковъ къ признанію главенства папы и исповѣданія вѣры по формулѣ Урбана — переходъ неровный, но такъ какъ эти два пункта составляли сущность того, чего требовалъ папа отъ предстоящаго собора, то нунцій не могъ ихъ обойти. Прямо этихъ требованій онъ ни въ какомъ случаѣ высказать не могъ, ибо на соборѣ присутствовало много лицъ, которыя искренно служили дѣлу уніи. Открытое признаніе латинства въ то время, когда противъ того-же латинства созванъ былъ соборъ, могло вызвать въ этихъ людяхъ сильный протестъ и неизвѣстно, чѣмъ могло окончиться только что открытое засѣданіе. Гримальди отлично понималъ опасность, грозившую его предсѣдательскому креслу и потому такъ осторожно повелъ свою рѣчь. Далѣе, нунцій проситъ соборъ обратить особенное вниманіе на злоупотребленія практикующіяся въ ун. церкви при избраніи священнослужителей. Какъ мы видѣли, объ этихъ злоупотребленіяхъ говоритъ и папа въ своемъ

бреве къ митрополиту и уніат. епископамъ. Что-же это за злоупотребленія, которыя такъ тревожили Римъ? Въ западно-русской церкви, послѣ многихъ случаевъ измѣны православію пастырей, очень сильно утвердился древній обычай избранія ихъ міромъ. Безъ сомнѣнія, съ принятіемъ уніи, онъ имѣлъ мѣсто и въ ун. церкви. Латинянамъ это было не по душѣ. Ихъ стремленія окатоличить ун. церковь встрѣчали въ такихъ пастыряхъ,—ревностныхъ служителяхъ уніи, сильный противовѣсъ. Надо было уничтожить этой обычай, приносившій латинству огромный вредъ. Поэтому-то папа и нунцій такъ настойчиво требуютъ его искорененія [298]).

Послѣ рѣчи прочитаны были два, уже извѣстныхъ намъ, бреве папы къ нунцію о назначеніи его предсѣдателемъ собора и къ митрополиту объ открытіи послѣдняго [299]). Затѣмъ, по приказанію предсѣдателя, были прочитаны также опредѣленія тридентскаго собора (Dictata de Residentia ex Concilio Tridentino sess. 6, c. 1, и Decretum de Professione Fidei facienda, ex eodem Concilio, sess. 25, c. 2) и исповѣданіе вѣры по формулѣ папы Урбана VIII [300]). Признаніе на соборѣ этого исповѣданія, какъ мы имѣли уже случай упоминать объ этомъ, было квинт-эссенціей желаній Рима, ибо съ принятіемъ его признавалось латинство. Въ началѣ исповѣданія помѣщенъ никео-цареградскій символъ съ прибавленіемъ „и отъ Сына", а потомъ слѣдуетъ перечисленіе семи вселенскихъ соборовъ и ихъ постановленій. Признаются, далѣе, 4-й константинопольскій соборъ (восьмой), осудившій Фотія и возстановившій Игнатія и всѣ другіе соборы, происходившіе съ разрѣшенія папы, въ частности флорентійскій и его опредѣленія объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына. Затѣмъ слѣдуетъ признаніе чистилища, главенства папы, тридентскаго собора и его постановленій касательно первороднаго грѣха, оправданія, таинствъ, касательно канона священныхъ книгъ В. и Н. Завѣта, ихъ толкованія; признаются индульгенціи и вообще все, что принимаетъ и исповѣдуетъ римская церковь. Напротивъ, осуждается, отвергается и анаѳематствуется все отвергнутое и проклятое этою же церковію. Въ заключеніе исповѣданія давалась клятва содержать

цѣлостно и ненарушимо вѣру католической церкви и распространять ее въ средѣ тѣхъ, забота объ управленіи которыми будетъ ввѣрена признающему исповѣданіе Урбана. Каждый изъ участвовавшихъ на соборѣ долженъ былъ прочесть и своею подписью скрѣпить это исповѣданіе вѣры.

Является невольный вопросъ, почему на соборѣ, имѣвшемъ цѣлью исправить собственно обрядовую сторону церкви, на первомъ планѣ поставлена догматика? Почему, прежде чѣмъ приступить къ разсужденію о дисциплинѣ церкви, подтасована догматическая ея сторона? Очевидно, въ этомъ случаѣ нунцій, согласно инструкціи папы, преслѣдовалъ ту цѣль, какую вообще хотѣлъ извлечь Римъ изъ провинціальнаго ун. собора, т. е. принятіе уніатами латинства. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ оффиціальныхъ отношеній къ нунцію, онъ имѣлъ и частныя предписанія изъ Рима, гдѣ отлично были обдуманы мѣры, при помощи которыхъ замойскій соборъ долженъ былъ служить цѣлямъ латинства. Въ этихъ то, надо полагать, частныхъ предписаніяхъ и было поручено Гримальди выставить на первый планъ догматическое ученіе римской церкви. Разсчетъ былъ таковъ. Если собравшіеся отцы собора примутъ исповѣданіе Урбана VIII, въ такомъ случаѣ можно будетъ въ духѣ латинства поразсуждать и объ обрядовой сторонѣ церкви,—въ противномъ случаѣ,—закрыть соборъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это непремѣнно послѣдовало-бы, если-бы большинство присутствовавшихъ на соборѣ не подписали исповѣданія. До сихъ поръ тайно подходя къ цѣли апостольской столицы, для которой ширмой было желаніе и со стороны Рима поднять упавшую дисциплину ун. церкви, нунцій прямо открываетъ ее, какъ только началось засѣданіе. Поставивъ на первомъ планѣ догматику, онъ, безъ сомнѣнія, озадачилъ собравшихся на соборъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которымъ не извѣстны были намѣренія его. Что оставалось имъ дѣлать? Они пріѣхали разсуждать объ обрядовой сторонѣ церкви, рѣчь о которой вѣроятно будетъ впереди, а тутъ предлагается исповѣданіе Урбана, которое вдобавокъ многіе подписываютъ (тѣ, конечно, которые дѣйствовали заодно съ Римомъ). Влекомые, съ одной стороны, примѣромъ товарищей, съ

другой,—желая узнать, чѣмъ, наконецъ, оправдаются ихъ ожиданія и намѣренія относительно церковной дисциплины, отцы собора, быть можетъ, глубоко презирая Римъ, папу и такъ ловко обставленный соборъ, согласились подписать исповѣданіе. Однако, сдѣлали это не всѣ и, какъ увидимъ ниже, подписи были собираемы еще и на второмъ засѣданіи собора.

Мы подошли къ рѣшенію вопроса, дѣйствительно-ли на соборѣ не было вовсе приходскихъ священниковъ, за исключеніемъ одного только, упомянутаго въ соборныхъ актахъ, о. Николая Нашчорица. Необходимо предположить совершенно противоположное. Хотя Замость и былъ отдаленнымъ городомъ и прибытіе туда сопряжено было съ расходами, тѣмъ не менѣе на соборѣ должны были присутствовать, по крайней мѣрѣ, ближайшіе священники. Если-же принять во вниманіе цѣль собора, глубоко интересовавшую даже мірянъ-уніатовъ, то никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы приходскіе священники могли игнорировать столь близкій имъ предметъ и хотя въ маломъ количествѣ не прибыть на соборъ. Они, безспорно, присутствовали. Но дѣло въ томъ, что предложенное къ признанію и подписи исповѣданіе Урбана заставило ихъ тотчасъ-же оставить Замость. Строго преданные уніи, они иначе не могли поступить. Неподписаніе исповѣданія и удаленіе изъ Замостья приходскихъ священниковъ вовсе не исключало противоположнаго со стороны ихъ епископовъ. Если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отъ души-бы это сдѣлали; но что совершилось незамѣтно и безслѣдно для пароховъ, то едва-ли, въ глазахъ Рима, могло обойтись дешево для ихъ іерарховъ. Они вынуждены были подписать принятіе латинства, хотя, быть можетъ, и не всѣ сдѣлали это по принужденію.

Послѣ признанія и подписанія исповѣданія Урбана, нунцій могъ ожидать благодарности папы. Главное было сдѣлано, сдѣлано неожиданно, вдругъ, какъ говорится, сплеча и, кажется, что по этому самому оно имѣло блестящій успѣхъ. Собственно говоря, миссія Гримальди была окончена; Римъ могъ гордиться своими успѣхами. Соборъ принялъ, клятвенно подтвердилъ и подписалъ латинство. Если этого не сдѣлало незначительное меньшин-

ство отцевъ собора, то ихъ надѣялись убѣдить сдѣлать это. Впрочемъ, можно было даже обойтись безъ ихъ подписи. Этимъ кончилось первое засѣданіе замойскаго собора. Для втораго засѣданія нунцій назначилъ 31-е августа (н. с.). Однако въ этотъ день оно не состоялось вслѣдствіе болѣзни митрополита Льва Кишки [301]) и было перенесено на слѣдующій день.

Въ воскресеніе, 1-го сентября, послѣ обѣдни, нунціемъ послѣ предварительныхъ молитвъ открыто было второе засѣданіе. Оно началось чтеніемъ папскихъ декретовъ, которые нунцій, по совѣщаніи съ митрополитомъ и епископами, счелъ необходимымъ обнародовать отцамъ собора, чтобы познакомить ихъ съ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и заблужденій. Первыми прочитаны декреты, разрѣшающіе спорные вопросы буллы «Coena Domini» (въ римской церкви они читаются обыкновенно въ день вечери Господней), затѣмъ конституція папы Григорія XIV отъ 28-го мая 1591 г. [302]) «de immunitate Ecclesiastica» и, наконецъ, конституція папы Климента XI отъ 6-го сентября 1713 г., начинающаяся словомъ «Unigenitus» [303]). По прочтеніи декретовъ и конституцій, отцы собора, неподписавшіе на первомъ засѣданіи исповѣданія вѣры, были приглашены председателемъ выполнить это теперь. Поддавшись убѣжденіямъ, которыя, несомнѣнно, послѣдовали со стороны уже подписавшихъ исповѣданіе, особенно-же со стороны агентовъ Рима, они на этотъ разъ подписали. Нунцій вслѣдъ за тѣмъ объявилъ засѣданіе закрытымъ, а днемъ третьей сессіи назначилъ 7-е сентября [304]).

Въ назначенный срокъ засѣданіе не могло состояться, потому что было много другихъ занятій (hac die (7-е сентября) ob plurima negotia sessis haberi non portuerit) и перенесено было на 17-е сентября. Какія были занятія, непозволявшія отбыть въ первый срокъ третье засѣданіе замойскаго собора, видно изъ актовъ этого-же засѣданія. Дѣло въ томъ, что отцы собора заняты были составленіемъ опредѣленій относительно церковной дисциплины, которыя на третьемъ засѣданіи были только прочитаны [305]). Такъ какъ эти опредѣленія къ 7 сентября не могли быть готовы, то нельзя было по этой причинѣ открыть засѣданіе. Между тѣмъ,

6-го сентября на соборной конфедераціи подписали исповѣданіе Урбана VIII представители львовскаго братства Стефанъ Лясковскій, S. Romani imperii notarius Apostolicus, Senior Confraternitatis Stauropigianale Leopoliensis и Иванъ Чесниковскій, deputatus Confraternitatis Leopoliensis [306]). Это были единственные уніаты-міряне, принимавшіе участіе въ соборѣ и, какъ видно, болѣе другихъ преданные уніи. Однако и они не могли не подписать принятое уже всѣми исповѣданіе Урбана. Надо полагать, что подписямъ ихъ придавали большое значеніе, ибо составитель актовъ счелъ нужнымъ сказать объ этомъ отдѣльно. 12-го сентября въ Замость прибылъ Лаврентій Друцкій-Соколинскій, архіепископъ смоленскій, неизвѣстно по какой причинѣ непоспѣвшій ко дню открытія собора. 15-го числа того-же мѣсяца, въ присутствіи предсѣдателя собора, имъ прочитано было исповѣданіе вѣры и подписано на особомъ листѣ [307]).

Согласно назначенному сроку, третье и послѣднее засѣданіе замойскаго собора открыто было 17-го сентября (нов. ст.). Литургію въ этотъ день совершалъ Іосифъ Левицкій, еписк. холмскій и белзскій. Послѣ молитвъ, прочитанныхъ предсѣдателемъ собора, засѣданіе открыто было чтеніемъ декретовъ (опредѣленій), которые, какъ уже замѣчено, составлены были, согласно принятому отцами собора исповѣданію Урбана VIII, между вторымъ и третьимъ засѣданіемъ. Приступаемъ и мы къ разсмотрѣнію этихъ опредѣленій, слѣдуя тому порядку, въ какомъ изложены они въ соборныхъ актахъ.

Первая глава ихъ содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся католической вѣры (de fide catholica) [308]). Какъ и слѣдовало ожидать, достигнутая замойскимъ соборомъ цѣль желаній Рима займетъ первое мѣсто въ его постановленіяхъ. А такъ какъ этой цѣлью было принятіе латинской вѣры, резюме которой служилъ символомъ Урбана, то принятію и храненію послѣдняго и посвящена первая глава. Ею предписывается, чтобы митрополитъ, епископы, архимандриты, опаты, лица, имѣющія академическую степень, монашество обоихъ половъ,—всѣ вообще, ищущіе извѣстной должности, при посвященіи приняли это исповѣданіе не

позже трехъ мѣсяцевъ со дня обнародованія соборныхъ актовъ. Отказавшіеся принять или принявшіе исповѣданіе, но нарушившіе его, будутъ лишаемы сана и должности и строго наказываемы. Далѣе, дабы принятое исповѣданіе вошло, какъ можно болѣе, въ практику, соборъ опредѣлилъ, чтобъ символы вѣры, гдѣ-бы они не печатались, непремѣнно были-бы съ частицею «и отъ Сына» (не исполняющіе этого будутъ строго наказываемы) и чтобъ имя папы въ диптихахъ (дощечки, на которыхъ записывались имена, поминавшіяся при богослуженіи) на литургіи произносилось ясно, дабы нельзя было думать, что произносится какое-нибудь другое. Запрещается уніатамъ (конечно, изъ опасенія вліянія на нихъ православныхъ) имѣть, по какимъ-бы то ни было причинамъ, сношенія съ пастырями внѣ предѣловъ Рѣчи-посполитой. Виновные въ этомъ строго наказываются. Осуждая и проклиная далѣе ересь Филиппа (11 пунктовъ), соборъ опредѣляетъ зорко слѣдить за ея развитіемъ и принимать мѣры къ ея искорененію,— сочувствующихъ-же ереси предавать отлученію, если они добровольно не откажутся отъ ней. Наконецъ (въ виду той-же латинизаціи уніатской церкви), соборъ опредѣлилъ не покупать, не держать, не читать книгъ, кои не были-бы дозволены духовною цензурою. Употребленіе богослужебныхъ книгъ, служебниковъ, уставовъ, требниковъ и проч. разрѣшалось только въ тѣхъ изданіяхъ, какія будутъ во всемъ согласны съ изданіями, выпущенными по предписанію собора и утвержденными апостольской столицей. Само собой понятно, что эти постановленія направлены противъ употребленія въ уніатской церкви православныхъ богослужебныхъ книгъ.

Вторая глава постановленій замойскаго собора касается проповѣдыванія слова Божія и обученія катехизису (de praedicatione verbi Dei et catechismo instituendo) [309]. Вслѣдствіе великой важности проповѣди въ ряду пастырскихъ обязанностей и спасительныхъ слѣдствій ея въ дѣлѣ нравственнаго преуспѣянія пасомыхъ, соборъ опредѣлилъ, чтобъ приходскіе священники по крайней мѣрѣ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ преподавали имъ слово Божіе. Для руководства и облегченія этихъ занятій, соборъ

поручилъ митрополиту составить и издать особый катехизисъ. За неисполненіе обязанностей, налагаемыхъ этимъ соборнымъ опредѣленіемъ, священникъ подвергается штрафу въ 10 злотыхъ (въ пользу своей церкви), а если-бы онъ, и по увѣщаніи своего епископа, нерадѣлъ о проповѣди и обученіи катехизису, то подвергается большимъ наказаніямъ. Чтобъ ознакомить самихъ пастырей съ пріемами проповѣди и методомъ обученія катехизису, соборъ поручилъ митрополиту издать и для этой цѣли руководство, и для ознакомленія съ подготовкой по нимъ самихъ пастырей, назначены были депутаты, на обязанности которыхъ лежало провѣрять четыре раза въ годъ успѣхи приложенія этихъ руководствъ къ дѣлу. Что касается епископовъ, то имъ также вмѣняется въ обязанность проповѣданіе слова Божія и, въ особенности, наблюденіе за проповѣдью ввѣренныхъ имъ пастырей.

Третья глава соборныхъ постановленій обнимаетъ собою кругъ таинствъ и ихъ совершеніе (de sacramentis eorumque administratione) [310]. Указывая на важность и святость таинствъ, соборъ въ разсматриваемой главѣ опредѣляетъ, чтобы священники всегда и душой, и тѣломъ готовы были къ совершенію ихъ, а самое совершеніе творили-бы съ благоговѣніемъ по установленной формѣ, съ употребленіемъ должной матеріи для таинствъ. Неисполненіе этихъ предписаній подлежитъ строгому взысканію и особенно въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь умретъ не крещеннымъ или безъ покаянія. При совершеніи таинствъ, священники обязаны, хотя-бы въ самыхъ краткихъ словахъ, объяснить пасомымъ значеніе таинствъ, ихъ спасительность и налагаемыя ими обязанности. Для однообразія въ совершеніи таинствъ соборъ поручилъ митрополиту издать требникъ (ритуалъ) и, по утвержденіи апостольской столицей, распространить его во всѣхъ епархіяхъ. Далѣе, чтобы предотвратить безпорядки, могущіе возникнуть въ томъ случаѣ, когда одинъ настоятель будетъ вторгаться въ предѣлы другихъ, соборъ постановилъ ни въ коемъ случаѣ не совершать въ смежныхъ приходахъ требъ, развѣ съ разрѣшенія мѣстнаго настоятеля. Нарушившій это постановленіе устраняется отъ должно-

сти. Наконецъ, настырямъ вмѣняется въ обязанность удовлетворять духовныя потребности пасомыхъ во время повальныхъ болѣзней.

Переходя затѣмъ къ каждому таинству въ отдѣльности, постановленія касаются прежде всего таинства крещенія (de Babtismo). Соборъ запрещаетъ употреблять при крещеніи, практиковавшуюся въ уніатской церкви православную его форму, а повелѣваетъ совершать это таинство по формулѣ папы Евгенія IV (крещается рабъ Божій во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь). Обряды восточной церкви могутъ быть допущены при крещеніи только тѣ, какіе указаны будутъ въ новоизданномъ требникѣ, остальные-же, какъ ненужные, соборъ опредѣлилъ вывести изъ употребленія. Таинство крещенія можетъ совершить только настоятель, хотя въ крайнемъ случаѣ совершеніе его предоставляется діакону, мірянину и даже бабкѣ, при чемъ настоятель обязанъ научить ихъ правильно совершать это таинство. Если окрещенное поименованными лицами дитя останется въ живыхъ, то священникъ обязанъ дополнить крещеніе въ церкви; въ случаѣ-же сомнѣнія въ правильности крещенія, священникъ долженъ совершить его по формулѣ: «аще не крещенъ»... Тоже самое предписывается и относительно подкидышей. Уніатскій священникъ можетъ совершать, въ случаѣ необходимости, крещеніе надъ ребенкомъ латинскаго исповѣданія, но при этомъ не долженъ мѵропомазывать его. Крещеніе можетъ быть совершаемо и въ домахъ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ на это уважительныя причины, напр., зимнія стужи; безъ такихъ причинъ оно всегда должно быть совершаемо въ церкви. Воспріемниковъ при крещеніи достаточно двоихъ; ими могутъ быть благочестивые люди своей вѣры; еретики-же, схизматики (православные), отлученные, помѣшанные, несовершеннолѣтніе не должны быть воспріемниками. Священники обязаны выяснить воспріемникамъ, въ какомъ духовномъ родствѣ находятся они съ крещаемымъ и какія обязанности ихъ по отношенію къ нему, а также наблюдать, чтобъ елей, употребляемый при крещеніи, былъ освященъ. Соборъ строго воспрещаетъ обычай восточной церкви — прикасаться къ

устамъ новокрещённаго ложечкой, обмакнутой въ Божественной Крови Христа и предписываетъ вывести его изъ употребленія. Акты о крещеніи должны быть записываемы въ метрическія книги по формѣ, указанной соборомъ. Точное выполненіе предписанныхъ соборомъ постановленій должны блюсти благочинные.

Въ предписаніяхъ относительно таинства мѵропомазанія (de Confirmatione), соборъ, указавъ символическое значеніе элементовъ матеріи его, опредѣляетъ совершеніе этого таинства по обряду восточной церкви, съ произнесеніемъ словъ: «печать Дара Духа Святаго», а не «печать и Даръ Духа Святаго», какъ это значится въ требникахъ, изданныхъ во Львовѣ, и повелѣваетъ епископамъ освящать мѵро въ такомъ количествѣ, какое достаточно было-бы на годъ, а священникамъ—хранить его въ церкви въ чистыхъ сосудахъ и, при полученіи новаго мѵра, сожигать старое, высыпая пепелъ въ воду. Невыполняющіе этого подлежатъ наказанію.

Говоря о таинствѣ причащенія (de Eucharystia), соборъ повелѣваетъ совершать его, согласно практикѣ восточной церкви, на квасномъ хлѣбѣ и виноградномъ винѣ, высказывая желаніе, чтобъ священники по возможности приготовляли хлѣбъ у себя дома, а вино не покупали-бы у евреевъ, которые часто мѣшаютъ его съ другими напитками. Согласно постановленію флорентійскаго собора, формою таинства признаются слова: «сіе есть Тѣло Мое«... и «сія есть Кровь Моя»... Далѣе соборъ опредѣляетъ освящать частицы, вынимаемыя на проскомидіи въ честь Пресвятой Богородицы и святыхъ и причащать ими, указывая при этомъ на несоблюденіе сего православными, какъ это видно изъ ихъ служебниковъ; строго воспрещаетъ преподавать таинство причащенія малымъ дѣтямъ (вопреки практикѣ восточной церкви) и совершать въ страстный четвергъ освященіе Агнца, который, будучи напоенъ Божественною кровію хранится въ продолженіи года для причащенія больныхъ. Для послѣдней цѣли соборъ предписываетъ освящать малыя частицы въ каждый 8-й или 15-й день. Къ больнымъ съ св. дарами священникъ обязанъ идти въ

полномъ облаченіи, съ свѣчами и проч., если разстояніе невелико, въ противномъ случаѣ св. дары въ особомъ сосудѣ могутъ быть несены священникомъ въ епитрахилѣ со свѣчей. Къ причащенію не должны быть допускаемы еретики, схизматики и т. п.

Послѣ опредѣленій о таинствѣ причащенія, соборъ дѣлаетъ нѣкоторыя постановленія касательно совершенія литургіи (de celebratione missarum). Признавая правильнымъ совершеніе евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ и опрѣснокахъ, согласно обычаю каждой (уніатской и латинской) церкви, соборъ запрещаетъ уніатскимъ священникамъ посылать въ латинскіе костелы частицы для омоченія ихъ въ божественную кровь съ тѣмъ, чтобы потомъ причащать ими,—совершать литургію въ частныхъ домахъ, безъ особаго на то разрѣшенія отъ епископа и— вливать воду въ чашу, на проскомидіи, постороннему лицу. Послѣднее долженъ дѣлать самъ проскомисающій, не въ особомъ какомъ-либо сосудѣ, а въ чашѣ. Совершать проскомидію священникъ долженъ въ полномъ облаченіи и въ той церкви, гдѣ будетъ служить литургію (приступая къ совершенію послѣдней, священникъ долженъ быть опрятно одѣтымъ). Запасные дары предписывается хранить въ серебряныхъ или свинцовыхъ пушкахъ, а эти помѣщать въ цибо-ріумы и держать на престолѣ. Давая затѣмъ наставленіе о содержаніи въ чистотѣ и опрятности престола, соборъ опредѣляетъ, чтобы все это было выполнено не позже двухъ мѣсяцевъ послѣ обнародованія соборныхъ актовъ; невыполнившіе этихъ предписаній подвергаются пени въ 50 злотыхъ. Запрещается далѣе употребленіе губки для вытиранія дискоса и чаши и предписывается вытирать первый пальцемъ, а вторую платкомъ; запрещается колѣнопреклоненіе во время великаго входа, такъ какъ въ то время переносится только хлѣбъ и вино. Настоятель не имѣетъ права разрѣшать совершеніе литургіи въ своей церкви духовнымъ лицамъ, неимѣющимъ грамоты отъ своего епископа. Рекомендуются тихія литургіи; воспрещается вливать теплоту въ чашу. Давая предписаніе о приготовленіи священника въ литургіи, соборъ запрещаетъ взиманіе платы за требы. Литургія должна быть начинаема предъ полуднемъ, кромѣ кануна Рождества, Богоявленія,

великаго четверга и субботы, когда она можетъ быть совершаема позже.

Относительно таинства покаянія (de Poenitentia) соборъ опредѣлилъ слѣдующее: оно должно быть совершаемо по обряду восточной церкви, возможно чаще (по крайней мѣрѣ три раза въ годъ: предъ Пасхой, Успеніемъ и Рождествомъ Христовымъ), при чемъ тридневный постъ предъ исповѣдью не всегда обязателенъ, а эпитимію священники должны налагать на кающихся не (непремѣнно) по Номоканону, но сообразуясь съ своимъ личнымъ мнѣніемъ. Сами пастыри должны обязательно часто исповѣдываться; въ томъ случаѣ, когда-бы они погрѣшили грѣхомъ смертнымъ, безъ исповѣди не могутъ совершать литургіи. Исповѣдывающій ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдать что-либо изъ открытаго ему на исповѣди,—это тайна, за обнаруженіе которой священникъ низлагается и заключается въ монастырь. Если священникъ не имѣетъ прихода, то онъ можетъ исповѣдывать только съ разрѣшенія епископа. Запрещается исповѣдь нѣсколькихъ душъ въ одно и то же время и разрѣшеніе отъ тѣхъ грѣховъ, отпущеніе которыхъ предоставлено папѣ или епископу.

Говоря о таинствѣ елеосвященія (de Exrema unctione), которое должно быть совершаемо, согласно обряду восточной церкви, соборъ предписываетъ св. елей, остающійся отъ помазанія больнаго, сожигать; елеопомазать-же имъ больныхъ разрѣшается только въ томъ случаѣ, если въ домѣ ихъ есть нѣсколько, или во время моровой язвы. Для св. елея долженъ быть особый сосудъ. Таинство это должны совершать семь или три священника, хотя въ крайнемъ случаѣ можетъ елеопомазать и одинъ и притомъ, если замѣтитъ близкую смерть болящаго, то чинъ елеосвященія можетъ сократить. Соборъ предписываетъ преподавать елеосвященіе только опасно больнымъ, не совершать его надъ мало больными и здоровыми и позаботиться объ искорененіи въ средѣ народа суевѣрія, по которому елеопомазанный сейчасъ-же непремѣнно умретъ. Пастыри должны выяснять истинное значеніе этого таинства.

Указавъ въ таинствѣ священства (de sacris ordinationibus) отступленія отъ древняго обычая восточной церкви и воспретивъ употреблять молитвы, введенныя въ требникѣ Петра Могилы, соборъ постановляетъ совершать рукоположеніе по древнимъ архіерейскимъ требникамъ. Архіепископы и епископы, по опредѣленію собора, въ чужихъ епархіяхъ не могутъ рукополагать никого, даже лицъ своей епархіи, точно такъ же, какъ въ своихъ епархіяхъ не должны посвящать лицъ другой епархіи, если послѣднія не имѣютъ на это свидѣтельства. Іерархи, не исполнившіе этого предписанія, равно какъ и лица, получившія отъ нихъ священство, низлагаются. Монахи посвящаются (согласно декрету папы Климента VШ) не иначе, какъ только по представленіи епископу отпускнаго свидѣтельства отъ своихъ старшихъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ они до того времени состояли. Прежде рукоположенія, посвящаемые должны быть испытаны въ нравственномъ и научномъ отношеніи оффиціалами, епископскими теологами и, вообще, людьми мудрыми и свѣдущими. Послѣднимъ соборъ вмѣняетъ въ обязанность, безъ предвзятыхъ мыслей, правдиво оцѣнивать достоинство ставленника и не судить о немъ на основаніи отзыва духовника. Ставленникъ за два мѣсяца до рукоположенія долженъ заявить о своемъ намѣреніи принять священство настоятелю или благочинному; послѣдній доноситъ объ этомъ епархіальному начальству. Епархіальное начальство, забравъ справку о личности и поведеніи ищущаго священства, назначаетъ ему экзаменъ, оставляетъ при соборной церкви (не меньше, какъ) на 6 недѣль подъ руководство духовнаго отца и потомъ уже рукополагаетъ его, однако, не прямо во священника, но посвящая и въ низшія степени въ продолженіи десяти дней. Соборъ опредѣляетъ рукополагать одного священника въ данный приходъ и только тогда давать ему викарія или коадъютора, когда приходъ будетъ многолюдный и средства церкви достаточны будутъ на содержаніе его. Изъ крѣпостныхъ людей не должны быть рукополагаемы во священника; а если найдется кто-нибудь по своимъ качествамъ достойный священства, то онъ и его семья должны быть увольняемы отъ крѣпостной зависимости до посвященія. Еписко-

пы вписываютъ ставленниковъ въ особо имѣющіяся для этого книги и по нимъ выдаютъ имъ грамоты о посвященіи. Рукоположенный православнымъ епископомъ низлагается, если не откажется отъ православія и не приметъ исповѣданіе Урбана. Несовершеннолѣтніе, перекрещенные, одержимые болѣзней, злодѣи, судимые, отлученные, пьяницы, неученые, бродяги, содержатели корчемницъ и т. п. не могутъ быть рукополагаемы.

Оставляя совершеніе таинства брака (de Matrimonio) по обычаю восточной церкви, соборъ воспретилъ совершать это таинство въ частныхъ домахъ, безъ разрѣшенія епископа, — надъ лицами, незнающими основныхъ догматовъ своего вѣроученія, несовершеннолѣтними, находящимися въ родствѣ кровномъ или духовномъ и проч. Священникъ, для предотвращенія нарушенія этихъ предписаній, обязанъ сдѣлать три оглашенія въ церкви въ праздничные или воскресные дни. Если брачущіеся принадлежатъ къ двумъ различнымъ приходамъ, то оглашенія должны быть сдѣланы въ томъ и другомъ, и настоятель одного прихода не можетъ давать брака, пока не будетъ удостовѣренія отъ настоятеля другаго прихода, что препятствій къ совершенію его не имѣется. Людямъ неизвѣстнаго происхожденія давать бракъ священники могутъ только подъ условіемъ, если они представятъ свидѣтельства отъ своихъ епископовъ о безпрепятственности къ браку или если принесутъ присягу въ томъ, что до сихъ поръ они не вступали въ бракъ. Священникъ не имѣетъ права вѣнчать лицъ, о которыхъ доподлинно не знаетъ, живутъ-ли ихъ прежніе супруги, за исключеніемъ случая, когда послѣдніе отсутствуютъ въ продолженіи семи лѣтъ. Выясняя значеніе таинства брака, священникъ обязанъ спрашивать брачущихся, не по принужденію-ли они заключаютъ его. Запрещается родителямъ, опекунамъ и господамъ принуждать къ браку и требовать отъ священника вѣнчать извѣстныхъ лицъ, несмотря на препятствія. Священники должны протестовать противъ этого. Актъ о совершеніи брака долженъ записываться въ особой книжкѣ со всѣми подробностями. Если-бы кто-нибудь женился послѣ рукоположенія, то немедленно долженъ быть низложенъ, а защищающій его долженъ

быть судимъ гражданскимъ судомъ, какъ нарушающій юрисдикцію епископа и церковную дисциплину.

Въ четвертой главѣ (de reformatione) [311]) соборъ даетъ разныя предписанія епископамъ, которые, сообразно ихъ сану и посту, должны служить примѣромъ для своихъ паствъ и отличаться образованностью, благочестіемъ, благотворительностью, смиреніемъ и другими добродѣтелями.

Слѣдующая глава (de mitropolitano) [312]) посвящена опредѣленіямъ собора о кругѣ обязанностей митрополита. Онъ обязанъ блюсти дѣла епархій своей митрополіи, отцовски исправлять уклоненія епископовъ и особенно долженъ заботиться о повсемѣстномъ исполненіи постановленій настоящаго собора. Онъ обязанъ также завѣдывать праздной епископской каѳедрой (лично или чрезъ какого-нибудь епископа) до замѣщенія ея. Если-же митрополичья каѳедра будетъ вакантной, то, до назначенія апостольской столицей митрополита, управленіе ею поручается архіепископу полоцкому съ тѣмъ, чтобы новоназначенному митрополиту онъ отдалъ отчетъ въ своемъ управленіи.

Глава шестая содержитъ въ себѣ соборныя опредѣленія о епископахъ (de episcopis) [313]). Епископомъ можетъ быть только лицо, принявшее монашество (исключеніе допускается для тѣхъ, кои возводятся въ епископы съ особаго разрѣшенія папы) и пробывшіе въ новиціатѣ какого-нибудь базиліанскаго монастыря годъ и 6 недѣль. Всякій епископъ обязанъ жить въ своей епархіи (кромѣ архіепископа смоленскаго), заниматься управленіемъ епархіальныхъ дѣлъ, служить въ своихъ каѳедральныхъ соборахъ, искоренять зло и награждать добро, судить правдиво и проч. Распоряженія епископа не должны быть стѣсняемы противодѣйствіемъ свѣтскихъ лицъ, въ виду чего соборъ напоминаетъ послѣднимъ не вмѣшиваться въ церковныя дѣла и не защищать тѣхъ изъ духовныхъ лицъ, которыя подлежатъ наказанію. Еслибы такія лица, избѣгая наказанія, ушли въ другую епархію, то они тамъ отнюдь не могутъ быть приняты, и должны быть отсылаемы къ своимъ епископамъ. При епископахъ для облегченія ихъ сложныхъ обязанностей соборъ назначаетъ, кромѣ оффиціала, еще теолога,

человѣка свѣдущаго въ богословскихъ наукахъ. Вмѣняется, далѣе, епископамъ въ обязанность (лично или чрезъ уполномоченныхъ лицъ) визитовать приходы своей епархіи однажды въ годъ или, если она будетъ очень обширна, однажды въ два года и при этомъ слѣдить не только за состояніемъ церквей, но и за преподаваніемъ слова Божія, служеніемъ, управленіемъ и, вообще, жизнію ихъ настоятелей. Для этого соборъ счелъ необходимымъ выработать инструкцію. Епископъ обязанъ ревизовать церкви, часовни, братства, богоугодныя заведенія, монастыри мужскіе и женскіе. Мужскіе монастыри базиліанскаго ордена или имѣющіе собственныхъ визитаторовъ не подлежатъ ревизіи епископовъ; но если они не были ревизованы въ продолженіи полгода послѣ предписанія епископа, тогда и они не изъяты отъ его ревизіи. Во время ревизіи епископъ не можетъ принимать добровольныхъ пожертвованій, а пользуется законнымъ, положеннымъ для него и его свиты продовольствіемъ. Запрещаются какія-бы то ни было угощенія, банкеты для визитаторовъ. Если ревизію производитъ уполномоченный епископа, то онъ долженъ имѣть съ собой письмоводителя и двухъ слугъ и продовольствіе получать на четыре лошади. При объѣздѣ церквей епископы обязываются освящать выстроенныя церкви. Согласно постановленію собора, должны быть созываемы каждогодно (или разъ въ три года) епархіальные соборы, на которыхъ духовенствомъ, сообща были-бы обсуждаемы мѣры къ улучшенію быта епархіи, подъ руководствомъ епископа. О безпорядкахъ въ приходахъ, которые не могутъ быть предотвращены священниками, должно доносить епископу раньше собора, чтобъ онъ могъ предпринять мѣры противъ нихъ. Въ случаѣ смерти папы или митрополита, епископы и ихъ паства обязаны совершать поминовенія по нихъ и молиться о счастливомъ избраніи новыхъ; такимъ же образомъ должно поступать духовенство въ случаѣ смерти его архипастыря. Чтобъ сохранить имущество умершаго архіерея, соборъ постановилъ избирать трехъ духовныхъ лицъ, которые, описавъ всю собственность почившаго, въ присутствіи пяти свидѣтелей, должны сохранить ее и передать администратору, а послѣдній новому епископу.

Въ слѣдующей главѣ соборъ опредѣляетъ власть и права оффиціаловъ (de officiliabus) [314]. При каждой епископской каѳедрѣ, даже если-бы у епископа ихъ было нѣсколько, долженъ быть оффиціалъ изъ бѣлаго духовенства (хотя можетъ быть имъ и монахъ), непремѣнно изъ людей образованныхъ и благочестивыхъ. Оффиціалы въ своихъ рѣшеніяхъ должны руководиться опредѣленіями настоящаго собора и не могутъ запрещать недовольнымъ ихъ рѣшеніями аппелировать митрополиту. Преступившіе свою власть должны быть строго наказываемы.

Восьмой главой постановленій замойскаго собора (de notario et taxa episcopali) [315]) предписывалось ун. іерархамъ имѣть при своихъ каѳедрахъ письмоводителей. Послѣдніе должны завѣдывать канцеляріей епископа, блюсти всѣ дѣла и процесы и хранить разныя книги, какъ напр., книги для записи принявшихъ исповѣданіе Урбана, рукоположенныхъ,—для записи отчетовъ по ревизіи и проч. Для предупрежденія большихъ поборовъ со стороны письмоводителей соборъ назначилъ особую таксу для епископской канцеляріи [316]) и постановилъ штрафовать 500 злотыхъ всякаго письмоводителя, который-бы нарушилъ ее.

Благочинные (или протопресвитеры), согласно постановленіямъ девятой главы опредѣленій разсматриваемаго собора (de oroto-presbiteris sive decanis Ruralibus) [317]), обязаны доносить епископу о дѣлахъ ихъ деканата (благочинія), сопровождать его (или его уполномоченнаго) во время ревизіи епархіи и сообщать о приходахъ, а также лично посѣщать эти приходы (спустя годъ послѣ епископской ревизіи) и наблюдать, чтобъ замѣчанія, сдѣланныя епископомъ, приводились въ исполненіе. Во время этихъ посѣщеній, благочинные не могутъ чинить никакихъ вымогательствъ. Благочинные избираются изъ свѣтскаго (бѣлаго) духовенства, хотя ими могутъ быть и монахи.

Десятая глава содержитъ въ себѣ постановленія собора относительно сельскихъ настоятелей и ихъ приходовъ (de parochis et parochiis) [318]). Священникъ, согласно своему сану, обязанъ служить примѣромъ пасомымъ; онъ долженъ всегда жить при своей церкви и отправлять богослуженіе въ ней, особенно въ

воскресные и праздничные дни; въ случаѣ-же отлучки обязанъ просить благочиннаго о назначеніи на это время другаго священника или объявить прихожанамъ, чтобы за исправленіемъ требъ обращались къ ближайшему настоятелю. Священникъ не можетъ отлучиться изъ прихода болѣе, чѣмъ на три недѣли и то съ разрѣшенія благочиннаго; болѣе продолжительный отпускъ можетъ быть разрѣшенъ только архіереемъ. При каждой церкви должно быть четыре книги: одна для записи всѣхъ прихожанъ, другая для записи крестившихся, третья бракосочетавшихся и четвертая умершихъ. Настоятель обязанъ наблюдать, чтобъ его прихожане (по крайней мѣрѣ разъ въ годъ) были у исповѣди и доносить епископу о неисполняющихъ этого. Священникъ обязанъ всегда носить присвоенную его сану одежду, воздерживаться отъ неблаговидныхъ поступковъ (пьянства, хожденія къ чужимъ женамъ, танцевъ и т. п.), отъ неприличныхъ для него занятій торговлей и другими свѣтскили дѣлами. Далѣе, соборъ предписываетъ пастырю заботиться о своей семьѣ и посылать способнѣйшихъ изъ дѣтей въ семинарію для обученія и приготовленія къ священству. Священникъ обязанъ воздерживаться отъ споровъ, и тѣмъ болѣе отъ битья; если-бы послѣднее случилось, онъ не можетъ служить прежде, чѣмъ не получитъ разрѣшенія отъ епископа. Церкви, имѣвшія своими настоятелями базиліанъ, и будутъ управляться ими, остальные приходы — свѣтскимъ духовенствомъ, какъ и мѣстечка Бытень и Миловиды. Къ бѣднымъ церквамъ не могутъ быть назначаемы священники, пока онѣ не снабжены будутъ всѣмъ необходимымъ. Фундуши (дарственныя имѣнія), завѣщаемые церквамъ, должны быть изъяты отъ всѣхъ повинностей.

Въ постановленіяхъ о монастыряхъ и монахахъ (глава одиннадцатая de monasteriis et statu monachorum) [319]) соборъ опредѣляетъ, прежде всего, для удобнаго управленія монастырями владимірской, холмской, львовской и перемышльской епархіи соединить ихъ въ одну конгрегацію (не позже года послѣ обнародованія соборныхъ постановленій) съ тѣмъ, чтобы чрезъ каждые четыре года она избирала себѣ генерала, провинціала и визитаторовъ и чтобъ на ея капитулахъ (съѣздахъ) предсѣда-

тельствовалъ митрополитъ и присутствовалъ протоархимандритъ провинціи литовской. Новый протоархимандритъ (упомянутой конгрегаціи) будетъ назначаемъ апостолькой столицей. Монастыри могутъ учреждаться только съ разрѣшенія епископа и притомъ съ условіемъ надѣленія ихъ достаточными средствами. Женщины не могутъ входить въ монастырь; впустившій женщину подвергается (какъ и она) проклятію, отъ котораго можетъ разрѣшить только папа и, кромѣ того,— строгимъ наказаніямъ. Архимандриты, въ силу соборнаго постановленія, не могутъ носить дорогихъ рясъ и другаго цвѣта, кромѣ чернаго. Простымъ монахамъ воспрещается имѣть какую-либо собственность; все имущество ихъ должно быть отдано монастырскому эконому для общаго пользованія. Архимандриты, имѣющіе преимущество служить въ митрѣ и съ посохомъ, пользуются имъ только въ своихъ монастыряхъ; въ другихъ же употребляютъ ихъ только съ разрѣшенія епископа. Новиціи, пробывшіе при монастырѣ узаконенное число лѣтъ, если не пожелаютъ принять монашество, должны быть отпускаемы; въ противномъ случаѣ, не прежде могутъ быть приняты, пока не отдадутъ своего имущества монастырю. Монахи, переходящіе изъ монастыря въ монастырь безъ особаго на то разрѣшенія, должны быть препровождаемы въ свой монастырь.

Относительно женскихъ монастырей (глава двѣнадцатая de monialibus) [320]) отцами собора было постановлено, чтобы монахини ни подъ какимъ предлогомъ не отлучались изъ монастыря, развѣ въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ, наприм., во время пожара, при приближеніи непріятеля и т. п. Въ монастырь не могутъ входить мужчины, даже родственники, исключеніе составляютъ только духовникъ, докторъ, фельдшеръ, поставщики провизіи и работники, но и они могутъ входить только подъ надзоромъ двухъ старшихъ монашекъ. Монахиня, преступившая эти предписанія, подлежитъ проклятію, разрѣшаемому папой. Новопоступающая въ монастырь непремѣнно обязана вложить въ его кассу взносъ въ полторы тысячи злотыхъ; а если-бы она поступила сверхштатной, то взносъ долженъ быть увеличенъ. Во всѣхъ монастыряхъ штатъ монахинь опредѣляется средствами мо-

настырей; если монастырь не имѣетъ средствъ, то епископъ долженъ закрыть его, а монахинь перевести въ другой, болѣе богатый. Принимать родныхъ или знакомыхъ въ стѣнахъ монастыря монахини не имѣютъ права; для свиданія-же съ кѣмъ-либо назначается особая келлія при воротахъ монастыря съ рѣшетчатымъ окномъ, чрезъ которое они могутъ разговаривать. Поступать въ монастырь могутъ только 15-лѣтнія, а принимать постриженіе—имѣющія 16 лѣтъ. Состоя въ новиціатѣ, поступившая находится подъ надзоромъ одной изъ старшихъ монахинь. За два мѣсяца до постриженія, желающая принять его обязана заявить объ этомъ епископу, чтобы онъ могъ узнать, добровольно или по принужденію она поступаетъ въ монашество. Принявшая монашество вписывается въ особую книгу, гдѣ отмѣчается число, мѣсяцъ и годъ постриженія, подпись постригаемой и свидѣтельницы постриженія. Дѣвушки, принимаемыя въ монастырь на воспитаніе, должны вносить всѣ деньги впередъ или каждогодно. Воспрещается монахинямъ жить вмѣстѣ въ одной кельи, а каждая должна имѣть отдѣльную. Настоятельница монастыря избирается посредствомъ закрытой баллотировки и въ своей должности утверждается епископомъ. Духовники монахинь также назначаются епархіальнымъ архіереемъ и слушающіе исповѣдь безъ такого назначенія подвергаются наказанію.

Тринадцатая глава постановленій собора касается церквей и ихъ имуществъ (de ecclesiis eorumque bonis non alienandis)[321]). Въ церкви не должны быть хранимы чужія вещи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда-бы онѣ были сберегаемы въ ней отъ пожара или отъ расхищенія непріятелемъ; по минованіи-же опасности, они тотчасъ-же должны быть отданы по принадлежности. Церковная утварь должна быть сохраняема въ цѣлости и порядкѣ и инвентарь церковныхъ вещей въ двухъ экземплярахъ долженъ храниться одинъ при церкви, а другой—у епископа. Если церковь въ неисправности, если, напр., она не покрыта, то епископъ обязанъ предписать исправить ее на церковныя средства; въ случаѣ-же бѣдности церкви, она должна быть закрыта до тѣхъ поръ, пока попечители не исправятъ ее надлежащимъ образомъ.

Никто не можетъ пользоваться церковными имуществами, продавать и покупать ихъ. Аренда дозволяется только на три года, при чемъ деньги не должны быть вносимы всѣ сполна, а ежегодно; другіе контракты объ арендѣ считаются недѣйствительными.

Въ главѣ о симоніи (de simonia) [322]) соборъ, подъ опасеніемъ проклятія, разрѣшаемаго только папой, строго запрещаетъ епископамъ брать что-либо за св. мѵро, антиминсы или за что-нибудь другое; они могутъ пользоваться только «cathedraticum'омъ (seu subsidium charitativum,—продовольственный сборъ), разрѣшеннымъ св. канонами. Соборъ постановилъ, далѣе, обязать посвящаемыхъ во епископы клятвою не нарушать этихъ соборныхъ опредѣленій. Священники также не имѣютъ права вымогать плату за совершеніе требъ, хотя добровольныя приношенія могутъ принимать. Для предупрежденія вымогательства со стороны священниковъ, соборъ опредѣлилъ, чтобы прихожане сами оказывали пособіе священнику, иначе церковь ихъ будетъ закрываема. Соборъ запретилъ лицамъ, ищущимъ священства и прихода покупать «презенту» у патрона церкви (praesentatio, prezenta,—свидѣтельство патрона, которымъ онъ рекомендовалъ ставленника предъ епархіальнымъ начальствомъ и которое часто выдавалось за деньги лицамъ недостойнымъ), что желающій занять мѣсто, долженъ былъ подтвердить присягой [323]). Патроны также обязывались ничего не требовать за выдачу презенты [324]).

Въ главѣ пятнадцатой (de studiis instaurandis et seminariis [325]) соборъ опредѣляетъ, чтобы для поднятія образованія уніатскаго духовенства, при каждомъ монастырѣ, гдѣ живетъ не меньше 12 монаховъ, заведена была богословская школа, какъ для воспитанія въ ней монашествующихъ, такъ и для обученія свѣтскихъ, которые пожелаютъ посѣщать ее. Въ болѣе убогихъ монастыряхъ, если найдутся способные изъ молодыхъ монаховъ, для обученія ихъ должны быть пріискиваемы гдѣ-нибудь преподаватели. Соборъ обязываетъ всѣхъ епископовъ высылать лучшихъ молодыхъ людей (дѣтей священниковъ) для образованія въ львовскую коллегію, если не могутъ завести семинарій въ своей епархіи. Для этой цѣли ассигнуется упомянутой коллегіи 40 тысячъ зло-

тыхъ, завѣщанныхъ Юріемъ Винницкимъ, епископомъ перемышльскимъ. Далѣе соборъ хвалитъ усердіе митрополита Льва Кишки, который во Владимірѣ, при своей каѳедрѣ, основалъ семинарію на 6 человѣкъ и завѣщалъ въ пользу ея 90 тысячъ злотыхъ; хвалитъ также слѣдующихъ епископовъ, обязавшихся воспитывать въ разныхъ мѣстахъ молодыхъ людей: полоцкаго (двухъ въ жировицкомъ училищѣ), луцкаго (трехъ во львовской коллегіи), холмскаго (двухъ во владимірской коллегіи), львовскаго (четырехъ въ мѣстной кол.), перемышльскаго (одного тамъ-же) и пинскаго (одного или двухъ въ одной изъ монастырскихъ школъ). Соборъ проситъ означенныхъ лицъ возможно скорѣе выполнить обѣщанное, а воспитанныхъ въ школахъ молодыхъ людей назначать на лучшія духовныя должности, обязывая при этомъ епископовъ завести школы въ мѣстечкахъ, городахъ и селахъ и наблюденіе за ними поручить благочиннымъ.

Касательно постовъ и праздниковъ (de jejunis et festis) [326]) соборъ дѣлаетъ слѣдующія постановленія. Посты должны быть соблюдаемы всѣми. Однако въ виду того, что Петровъ постъ приходится въ такое время, когда простой рабочій людъ не имѣетъ никакихъ овощей и, къ тому, занятъ бываетъ изнурительными работами, соборъ считаетъ этотъ постъ необязательнымъ для рабочаго класса тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ онъ только кое-гдѣ сохраняется. Узаконяется постъ на Воздвиженіе, Усѣкновеніе, въ среду и пятницу каждой недѣли и проч. Относительно праздниковъ соборъ постановилъ соблюдать только тѣ, какіе указаны въ приведенномъ въ этой-же главѣ календарѣ. Здѣсь (festa mobilia), между прочимъ, помѣчены праздники Тѣла Господня (festum Corporis Christi Domini, Boże Ciało) и скорбящей Божіей Матери (festum Dolorosae Beatissimae Mariae Virginis, swięto Panny Najświętszej Bolesnej). На Волыни узаконяется праздникъ Пантелеимона (27 іюля), а въ Литвѣ—день св. Романа и Давида (2 мая и 24 іюля). Соборъ предписываетъ, чтобы дни ихъ не проводились въ разныхъ пиршествахъ и дѣлахъ, а въ хожденіи въ церковь и слушаніи слова Божія; въ праздничные дни никто не долженъ быть занятъ работами.

О мощахъ, чудесахъ и почитаніи святыхъ (de reliquiis, miraculis, ac veneratione sanctorum) [327]) соборъ опредѣлилъ: признавать и почитать только тѣ чудеса, которые будутъ признаны епископомъ; мощи должны быть почитаемы и хранимы; однако, въ виду злоупотребленій, епископы во время своихъ ревизій должны изслѣдовать ихъ. Григорія Паламу соборъ безусловно запрещаетъ почитать святымъ подъ опасеніемъ наказанія за неисполненіе этого предписанія.

Въ восемнадцатой главѣ (de pensionibus pro dominis deputatis tribunal regni) [328]) соборомъ опредѣлено количество денегъ, какое каждая епархія должна выдавать своимъ депутатамъ на проѣздъ и содержаніе ихъ во время пребыванія на коронномъ трибуналѣ. Въ силу этого постановленія, епархіи: владимірская, луцкая, львовская, каменецкая и перемышльская должны были отпускать своимъ депутатамъ по сто злотыхъ, а холмская и белзская —по 50-ти злотыхъ. Опатамъ и архимандритамъ смѣта для ихъ поѣздки должна быть опредѣляема митрополитомъ.

Девятнадцатая и послѣдняя глава касается самихъ-же опредѣленій замойскаго собора (de sinodalibus constitutionibus) [329]) Отцы собора опредѣлили, чтобы соборныя постановленія были прочитаны на благочиннических съѣздахъ въ три мѣсяца послѣ того, какъ они прибиты будутъ къ дверямъ митрополичьяго собора, чтобы акты собора переведены были на польскій языкъ и пріобрѣтены каждымъ священникомъ и чтобы, наконецъ, ими руководилось духовенство подъ угрозой наказанія за неисполненіе ихъ. Раньше обнародованія этихъ постановленій, соборъ опредѣлилъ повергнуть ихъ на разсмотрѣніе апостольской столицы.

По прочтеніи соборныхъ постановленій, совершены были молитвы, какія въ римскомъ понтификалѣ полагались при окончаніи собора. Затѣмъ нунцій далъ всѣмъ присутствующимъ іерархамъ цѣлованіе мира, и соборъ оконченъ былъ пѣніемъ молитвы: «Тебе Бога хвалимъ»... Послѣ этого и предсѣдатель, и отцы собора приступили къ подписи соборныхъ постановленій и дали клятву исполнять ихъ, какъ только онѣ утверждены будутъ въ Римѣ [330]).

Соборныя постановленія скрѣплены подписью секретаря соборнаго, Стефана Скваржинскаго, вицеканцлера апостольской нунціатуры въ царствѣ польскомъ, какъ самъ онъ подписался. Его подпись впослѣдствіи засвидѣтельствована нунціемъ [331]).

Вскорѣ послѣ собора акты его отосланы были въ Римъ и поступили сперва на разсмотрѣніе конгрегаціи s. concilii Tridentini [332]), а потомъ переданы были для той-же цѣли конгрегаціи de propaganda fide [333]). Эта послѣдняя съ своимъ мнѣніемъ препроводила ихъ папѣ Иннокентію XIII, которымъ они и были утверждены. Однако въ этомъ видѣ соборные акты не были обнародованы. Только въ 1724 г. 19 іюля папа Бенедиктъ XIII, отвѣчая на ходатайство митрополита Льва Кишки, издалъ бреве, которымъ «утвердилъ, скрѣпилъ и придалъ важность ненарушимаго апостольскаго авторитета» (какъ сказано въ бреве) всѣмъ уставамъ, декретамъ и опредѣленіямъ замойскаго собора. На это бреве митрополитъ Кишка отъ лица всего уніатскаго духовенства и западно-русскаго народа отправилъ папѣ посланіе [334]), въ высшей степени заискивающее, полное униженія и лести.

Какъ видно изъ постановленій замойскаго собора, обрядовая сторона жизни церкви и положеніе ея въ отношеніи административномъ оставляли желать слишкомъ многаго и налагали на отцовъ собора нелегкую обязанность противопоставить существующимъ безпорядкамъ опредѣленія, примѣненіе которыхъ дало-бы лучшій строй церковной жизни. И надо отдать справедливость, отцы собора дѣйствительно мастерски выполнили свое дѣло. Они не обошли самыхъ мелкихъ частностей жизни церкви, — они заглянули во всѣ углы ея, все предусмотрѣвъ то постановленіями и воспрещеніями, то наказаніями за неисполненіе положеннаго. Отцы собора даже сдѣлали больше того, что предполагалось (разумѣемъ латинскую партію); они сдѣлали постановленія и относительно католической вѣры и опредѣлили ихъ прежде всего. Изъ этого опредѣленія, постановленнаго ими во главѣ всѣхъ другихъ постановленій соборныхъ, вытекаетъ, какъ изъ первоисточника, характеръ послѣднихъ. Крутая постановка дѣла, заставившая отцовъ собора подписать исповѣданіе Урбана VIII, сдѣлала безповоротно

погибшими тѣ ожиданія, какими тѣшили себя, отправляясь на соборъ, пастыри истинно служившіе дѣлу уніи. Но иначе и быть не могло. Какъ въ общемъ содержатся частности, такъ и въ принятомъ исповѣданіи содержались остальныя соборныя постановленія и именно такого характера, съ какимъ находимъ ихъ въ актахъ собора. Оно и логически вѣрно. Если принята латинская вѣра, то почему незаконно будетъ принять ея обрядность. Поставивъ на первомъ планѣ латинскую догматику, отцы собора въ своемъ исправленіи вкравшихся въ область обрядности уніатской церкви безпорядковъ, поставили себѣ задачею не очищеніе ея отъ ненавидимаго уніатами и защищаемаго ими латинства, а наоборотъ, они постарались вычеркнуть по возможности все напоминавшее имъ въ уніи православіе и ввести латинство. Развивая въ соборныхъ постановленіяхъ принятое латинское исповѣданіе, отцы собора облекли въ законную форму латинство, канонизовали его и вводили въ уніатскую церковь ученіе и обряды церкви римской. Они сдѣлали обязательнымъ и законнымъ въ ней то, что до этого времени было вводимо тайно и хитро, или открыто и насильственно, но что не имѣло за собой законной почвы. Эти соборныя опредѣленія были итогомъ усилій базиліанъ и, вообще, латинской партіи олатинить уніатскую церковь и составляли pia desideria апостольской столицы. Въ виду такой постановки дѣла, замойскій соборъ можетъ быть названъ блистательной побѣдой латинства надъ уніатами, — побѣдой притомъ легкой, стоившей малыхъ усилій, какъ со стороны нунція Гримальди, такъ и со стороны тѣхъ, кто трудился съ нимъ заодно. Правда, нельзя было сейчасъ уничтожить уніи и хотя по мѣстамъ не оговориться, что то-то и то-то утверждается согласно обряду восточной церкви. Эти оговорки представляются намъ горькой ироніей, хитро достигшаго своихъ цѣлей латинскаго іезуитизма надъ понявшими уже постановку дѣла уніатскими пастырями. Нельзя не замѣтить, что всѣ соборныя опредѣленія дышатъ латинствомъ, заполонены его духомъ до мелочей. Если что-либо въ нихъ оставлено въ духѣ православія, то это или потому, что оно не противорѣчило латинству или потому, что выбросить его нельзя было

въ виду неизбѣжнаго протеста со стороны присутствовавшихъ уніатовъ. Насколько составителямъ соборныхъ опредѣленій противно было что-либо православное, видно изъ того, что они, не стѣсняясь, ставятъ во многихъ случаяхъ православныхъ (schismatici, syzmatycy) [335]) на ряду съ проклятыми, отлученными, преступниками и т. п.

Какое-же значеніе имѣли постановленія замойскаго собора для уніатской церкви? Само собою разумѣется, они обрекали ее на развитіе въ духѣ римской церкви, которое раньше или позже неминуемо влекло за собою паденіе уніи и полное сліяніе ея съ латинствомъ. Такое положеніе уніатской церкви, безъ сомнѣнія, сознавалось лучшими служителями ея. Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы замойскій соборъ своими постановленіями не приносилъ пользы уніатской церкви. Надо помнить, что положеніе ея было самое тяжелое: отсутствіе правильной организаціи ея членовъ, ихъ обязанностей и отношеній нарушало строй ея жизни. Если прибавить, что пастыри къ тому были люди малообразованные, не умѣющіе сами себѣ помочь, то понятенъ будетъ упадокъ дисциплины церковной. Но это не все зло, которымъ жила тогда уніатская церковь. Оно увеличивалось отъ наплыва въ нее латинства, усердно распространяемаго базиліанами. И вотъ, отсутствіе порядка, безпомощность темныхъ пастырей, произволъ и насиліе базиліанъ породили трудно понимаемую смѣшанность, запутанность въ уніатской церкви. Насильно наряжаясь въ уборъ латинства и тайно храня остатки православія, давая предпочтеніе то первому, то второму,—смотря по обстоятельствамъ, уніатская церковь не могла сохранить единства въ обрядовой сторонѣ своей жизни и представляла какой-то хаосъ. Замойскій соборъ, отъ котораго такъ много ожидали всѣ, дѣйствительно разсѣялъ безпорядки: своими постановленіями онъ далъ ея будущему лучшій строй жизни, но далъ его *въ духѣ латинства,* глубоко пропитавъ имъ весь ея организмъ.

Понятно послѣ этого, кто остался въ выигрышѣ отъ постановленій собора. То, къ чему стремились уніаты, не только не

осуществилось, но — кто-бы могъ предположить!—принята была, подписана и соборомъ канонизована латинская вѣра, противъ которой велась упорная вѣковая борьба, которая принесла много горя западно-русскому народу и его пастырямъ, и которую этотъ народъ ненавидѣлъ отъ всей души. Желанія уніатскихъ пастырей искоренить изъ своей церкви латинство, такъ и остались одними только желаніями, при еще болѣе горькой дѣйствительности!

Насколько великъ былъ успѣхъ замойскаго собора, объ этомъ свидѣтельствуютъ сами-же (современные) польскіе писатели. Такъ, Геленіушъ въ своемъ сочиненіи «Wspomnienia narodowe» [336]) говоритъ, что упомянутый соборъ въ десять лѣтъ (разумѣется время послѣ собора) сдѣлалъ болѣе, чѣмъ предъ тѣмъ сдѣлали *вѣка*. Дѣйствительно, замѣчаніе это настолько справедливо и очевидно, что не требуетъ доказательствъ. Изложенные выше акты собора краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ. Слова Геленіуша почти буквально повторяютъ Островскій и Ликовскій, первый въ своей громкой похвалѣ собору, [337]), а второй въ защитѣ единства, правоты и пользы для уніатской церкви, якобы вовсе не олатинившаго ее замойскаго собора [338]). Вѣря въ единодушіе польскихъ писателей и не вдаваясь въ полемику съ ними, мы на этотъ разъ вполнѣ раздѣляемъ ихъ мнѣніе, что соборъ, исторію дѣяній котораго мы окончили, не только въ десять лѣтъ, а всего въ мѣсяцъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ это сдѣлали вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавимъ, сдѣлалъ онъ это *многое* не для уніатской церкви, а для латинской. Не говоря объ усиліяхъ латинства предъ брестскимъ соборомъ, окончившихся, какъ извѣстно, хотя съ успѣхомъ, но далеко не такъ, какъ того ожидали ревнители уніи, даже на quasi-законной почвѣ, послѣ этого собора латинская вѣра никогда не имѣла такого успѣха, какого достигла она на замойскомъ соборѣ. Никогда уніатскіе іерархи, говоря словами латинянъ и польскихъ писателей, такъ единодушно и согласно, такъ сердечно и задушевно не принимали и не исповѣдывали латинской вѣры, какъ въ Замостьѣ. Подлинно, успѣхи замойскаго собора велики! «Довольно взглянуть на учрежденія замойскаго собора, скажемъ словами преосвященнаго митрополита Іосифа, чтобы

убѣдиться, какъ мало онъ имѣлъ въ виду блюсти истинныя основанія своего греко-восточнаго обряда. Здѣсь всюду встрѣчаются постановленія западной церкви, и въ самыхъ ссылкахъ приводятся почти исключительно западные соборы и учрежденія» [339]). Замойскій соборъ своими опредѣленіями утвердилъ въ уніатской церкви латинство точно такъ же, какъ брестскій соборъ сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ утвердилъ унію на почвѣ православной церкви. Однако между тогдашнимъ положеніемъ уніи и теперешнимъ состояніемъ латинства—различіе весьма большое. Унія въ свое время впервые появлялась въ западно-русской церкви, была явленіемъ еще незнакомымъ, невиданнымъ, латинство-же, хотя не въ законной формѣ, но какъ часть уніи имѣло уже свою исторію. Мало того, оно имѣло ярыхъ защитниковъ и поборниковъ въ лицѣ тутъ, на новой его почвѣ, образовавшагося ордена базиліанъ, имѣло много послѣдователей и сильную защиту въ Римѣ. Судьбамъ его въ уніатской церкви въ остальное время разсматриваемаго нами періода, мы посвящаемъ слѣдующую главу.

Унія послѣ замойскаго собора.—Унія послѣ раздѣловъ Польши.—Полоцкій соборъ 1839 года и возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ.

Послѣ принятія латинства на замойскомъ соборѣ [340]) (унія въ провозглашенномъ видѣ была совершенно тождественна ему и сохранила свое названіе больше по формѣ, чѣмъ въ дѣйствительности), въ исторіи жизни уніатской церкви повторилось почти то же самое, что было въ западно-русской православной церкви послѣ брестскаго собора. Принявъ въ свое время насильно унію, западно-русская православная церковь вслѣдъ за тѣмъ должна была усвоить и привить ее подъ руководствомъ и вліяніемъ ея поборниковъ; и мы видѣли, во что обошлось ей это

усвоеніе. Это былъ первый фазисъ жизни уніи. Замойскій соборъ съ его постановленіями, или, точнѣе, введеніе въ практику уніатской церкви этихъ постановленій, это было время втораго фазиса уніи,—сліянія ея съ латинствомъ. Въ силу исторической логики, этотъ новый переломъ религіозной жизни западно-русскаго народа долженъ былъ обозначиться новымъ, съ одной стороны,—протестомъ, съ другой—насиліемъ. Дѣйствительно, аналогія между этими двумя фазисами жизни уніи была-бы полная, еслибы теперь латинство было для уніатской церкви такъ же ново, какъ въ свое время унія была для православной. Но, какъ мы выше замѣтили, первое уже обжилось подъ видомъ уніи въ средѣ западно-русскаго народа и потому могло быть введено сравнительно легче, чѣмъ унія вначалѣ своего появленія въ православной церкви. И если принятіе уніи сопровождалось протестомъ больше со стороны народа, то принятію латинства сопротивляется духовенство. Подъ гнетомъ уніи народъ, повидимому, равнодушно относится ко всякой другой (за исключеніемъ, конечно, православія, что показала исторія уніи) вѣрѣ и готовъ промѣнять ненавидимую имъ унію на что угодно. Наводняемая латинствомъ преимущественно съ обрядовой стороны, обставленная внѣшностью, производящею эффектъ, унія въ своемъ церемоніальномъ нарядѣ могла удовлетворять живущему болѣе обрядностью религіозному чувству простаго народа, а при сознаніи готовой обрушиться на него кары за протестъ противъ нея, должна была быть терпима тѣмъ болѣе, что внутренней стороны ея народъ не понималъ. На первыхъ порахъ онъ возставалъ противъ уніи, какъ совершенно новой для него вѣры, и если протестовалъ противъ увѣреній, что она то же православіе, только имѣющее главою не патріарха, а папу, то это потому, что она нагло врывалась въ его жизнь, расшатывала ея основы, колебала преданія старины, словомъ, — насиловала строй его жизни. Теперь латинство для западно-русскихъ уніатовъ вовсе не было такой вѣрой; оно далеко не стояло въ такихъ отношеніяхъ къ уніи, какъ эта послѣдняя къ православію,—вслѣдствіе этого народъ сравнительно менѣе противился латинству.

Не такъ смотрѣло на унію замойскаго собора бѣлое духовенство уніатской церкви. Свято оберегая остатки православія въ уніи и будучи въ этомъ смыслѣ предано ей всею душой, оно не могло мириться съ внутренней, теперь чисто латинской стороной ея, хотя, быть можетъ, вмѣстѣ съ народомъ оно могло-бы еще сносить обрядовый наплывъ латинства. Народъ, говоримъ, мало понималъ внутренній смыслъ уніи замойскаго собора, она въ глазахъ его могла оставаться все тою-же уніей, такъ сказать, дозамойской. Духовенство, на обязанности котораго лежало не далѣе трехъ мѣсяцевъ принять исповѣданіе вѣры, подписанное соборомъ, а затѣмъ распространять постановленія его подъ страхомъ наказаній, не могло безъ протеста признать латинство, вытѣснявшее изъ уніатской церкви уцѣлѣвшіе дорогіе остатки православія. Само собою разумѣется, что протестъ вызываетъ со стороны поборниковъ новой уніи притѣсненія и насилія надъ протестующими. Бѣлое уніатское духовенство терпитъ всякаго рода взысканія отъ своего начальства, наказанія и притѣсненія. Но не въ этомъ для него зло и несчастіе. Новая унія, помимо прямыхъ распространителей и прививателей ея, іерарховъ уніатской церкви и базиліанъ, такъ сильно ратовавшихъ за римскую вѣру и, вообще, помимо латинской духовной партіи, имѣла еще одну и самую жестокую силу для своего привитія въ лицѣ польскаго шляхетства. Распространеніе уніи этимъ послѣднимъ было, быть можетъ, самой горькой чашей страданій и бѣдствій, какія должны были нести уніаты и, въ частности, ихъ духовенство. Не говоря о маломъ остаткѣ православныхъ, страшная ненависть къ которымъ со стороны шляхетства имѣла своимъ послѣдствіемъ вопіющія жестокости, мученія и варварства, достойныя первыхъ вѣковъ христіанства [341]), о чемъ свидѣтельствуютъ цѣлые томы документовъ [342]), — не говоря объ этомъ, — уніаты, сравнительно ближе стоящіе къ латинству, не меньше терпѣли отъ произвола шляхетства. Названіе уніатовъ для него теперь стало такъ же противнымъ, какъ и названіе православныхъ. Унія, какъ и православіе, была вѣрой, которой не могъ терпѣть шляхтичъ. Преслѣдовать ее, какъ и православіе, считается одною изъ

его привиллегій. Въ слѣпомъ фанатизмѣ шляхта съ хвастовствомъ совершаетъ подвиги обращенія уніатовъ въ латинство, заглушивъ въ себѣ голосъ состраданія и совѣсти, обходя всѣ права человѣчества [343]).

Унія замойскаго собора, по утвержденіи папою соборныхъ опредѣленій, проводится въ практику уніатской церкви ея іерархами самымъ энергическимъ образомъ. Митрополитъ Левъ Кишка въ 1725 году велѣлъ отпечатать въ Супраслѣ соборныя опредѣленія и разослать ихъ по всѣмъ уніатскимъ церквамъ для руководства [344]). Мы знакомы съ нетерпимостью замойскаго собора ко всему, что напоминало православіе, не трудно поэтому догадаться, что ожидало уніатскихъ пастырей при введеніи въ исполненіе соборныхъ предписаній. При опредѣленіи самимъ соборомъ строгихъ наказаній за ослушаніе, непринятіе соборныхъ постановленій уніатскимъ духовенствомъ подвергало его большимъ денежнымъ взысканіямъ, а ревность, съ какою латинская партія, стоя на законной будто-бы почвѣ, старалась окончательно олатинить уніатскую церковь, обдала уніатское духовенство цѣлымъ потокомъ притѣсненій. Всѣ, кому дороги были интересы латинства, жадно ухватились за новое, законное существованіе римской вѣры, стараясь наверстать пробѣлы прошлаго. На сторонѣ латинянъ было много преимуществъ довести, наконецъ, дѣло до желаннаго результата. Главнымъ изъ нихъ нельзя не признать соборнаго постановленія, въ силу котораго всѣ прежнія богослужебныя книги (въ православномъ духѣ) должны быть замѣнены книгами новаго образца,—книгами, составленными митрополитомъ и утвержденными апостольской столицей. Православный элементъ уніи вычеркивался совершенно римскою цензурой изъ уніатскихъ книгъ и замѣненъ латинскимъ. Понятно, какъ много теряла отъ этого унія. При такихъ и подобныхъ условіяхъ латинство пошло впередъ быстрыми шагами. Уже не удовлетворялись простымъ преслѣдованіемъ и совращеніемъ уніатовъ въ латинство; рѣшено было окатоличить уніатскую церковь по строго опредѣленному плану. Въ 1752 году перемышльскій епископъ, впослѣдствіи архіепископъ львовскій, Сѣраковскій, совмѣстно съ другими клери-

калами—католиками, составилъ даже программу, по которой должны были дѣйствовать латиняне для окончательнаго обращенія уніатовъ въ латинство. Указывая въ ней на то, что унія тѣсно связана съ восточною церковью, ея обрядами, преданіями и съ русскою народностью, что она легко можетъ возвратиться къ православію, Сѣраковскій настаивалъ перевести уніатовъ прямо въ латинство, пользуясь для этого всякимъ удобнымъ случаемъ [345]). На эту программу уніаты отвѣчали запиской, стараясь доказать самостоятельность уніатской церкви [346]). Возраженія эти не принесли, конечно, никакой пользы уніатской церкви, а проводники плана Сѣраковскаго обращали въ латинство тысячи душъ [347]). Польско-католическая партія, не скупившаяся на энергію въ своей пропагандѣ, дѣйствительно, не стѣснялась средствами и мѣрами для своей цѣли. Все пускалось въ ходъ. Насмѣшки и презрѣніе, насиліе и терроризмъ по отношенію къ уніатамъ [348]) — вотъ пріемы, какіе въ самое короткое время давали латинству множество новыхъ послѣдователей изъ уніатовъ.

Велики были бѣды и несчастія, скорби и страданія, широкимъ заревомъ коихъ освѣтилась уніатская церковь въ Рѣчи-посполитой при фанатической ревности католическаго духовенства служить своей церкви насчетъ уніи и при стараніи польской шляхты помогать этому дѣлу.

Вызванная политическими разсчетами и временнымъ неблагоустроеннымъ состояніемъ западно-русской православной церкви, поддерживаемая за все время своей жизни польскимъ правительствомъ, хотя, смотря по надобности, и въ различной степени, унія, какъ такая, могла существовать только при томъ условіи, пока жило и дѣйствовало въ пользу ея покровительствующее ей правительство. Это былъ безспорно самый главный камень, лежащій въ основаніи уніи, съ устраненіемъ котораго зданіе послѣдней должно было рушиться. Какъ ни силились вѣрные сыны латинства твердо упрочить его на почвѣ русской православной церкви, тѣмъ не менѣе искусство ихъ оказалось безсильнымъ предъ неумолимымъ порядкомъ исторіи. Польша, политически разслабленная и расшатанная, съ своими стремленіями подавить право-

славную вѣру дошла, наконецъ, къ предѣлу, послѣ котораго перестала существовать самостоятельною политическою жизнію. Въ 1772 г. послѣдовалъ, такъ называемый, первый раздѣлъ Польши. Этотъ, безспорно, великой исторической важности фактъ былъ поворотомъ къ новому порядку жизни литовско-польскаго королевства какъ въ гражданскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Въ послѣднемъ онъ предвозвѣщалъ русскому народу раздѣленной Польши болѣе свѣтлое будущее, въ виду тѣхъ заботъ о православіи, какія оказаны были ему русскимъ правительствомъ въ означенное время [349]).

Но и при такихъ обстоятельствахъ латинской партіи трудно было отказаться отъ своихъ завѣтныхъ желаній; ее не смущало то, что стремленія ея не могли имѣть теперь того значенія и цѣли, какія она старалась придавать имъ до раздѣла Польши. Польша еще вѣрила въ свое будущее. Латиняне, въ свою очередь, не переставали вѣрить въ успѣхъ своихъ предпріятій. Результатомъ этихъ фиктивныхъ чувствъ той и другихъ былъ новый проэктъ неизвѣстнаго автора объ искорененіи уніатовъ въ Литвѣ и Польшѣ чрезъ принятіе римской вѣры [350]). Проэктъ этотъ, по напечатаніи, былъ разосланъ по воеводствамъ и повѣтамъ [351]). На него, какъ и на планъ Сѣраковскаго, послѣдовалъ отвѣтъ, но уже со стороны православныхъ [352]). Означенный проэктъ не могъ имѣть мѣста для осуществленія, если не считать болѣзненныхъ усилій латинства, все еще продолжавшаго хрипло заявлять о своихъ претензіяхъ. Раздѣлъ Польши съ одной стороны, съ другой — возрождавшійся порядокъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ бывшей Рѣчи-посполитой) новой жизни народа притупили пламя фанатической ревности служенія интересамъ римской церкви. Унія, говоримъ, пошатнулась при перемѣнѣ политической жизни Польши и пошатнулась такъ, что не могла уже болѣе установиться въ прежнемъ своемъ положеніи. Она видимо приближалась къ третьему своему фазису,—къ возвращенію къ православію. Унія, со времени своего появленія въ Рѣчи-посполитой, никогда не была жизненною силой, никогда она не имѣла прочныхъ началъ,—какъ при введеніи ея въ западно-русской церк-

ви, такъ и при дальнѣйшемъ существованіи и развитіи. Все въ ней было искусственно, ходульно. Основанная на фальшивой подтасовкѣ обстоятельствъ, будучи религіозной интригой, скрывавшей подъ своимъ знаменемъ насиліе въ видахъ политическихъ, унія въ своемъ развитіи не имѣла достаточно крѣпкихъ задатковъ духовной силы и жила при помощи искусственныхъ средствъ, доставляемыхъ ей многочисленнымъ сонмомъ ея поборниковъ. Да и по самой природѣ своей она была явленіемъ искусственнымъ. Унія, какъ средина между православіемъ и латинствомъ, немыслима; такая средина не могла существовать у народа, исповѣдывающаго одно или другое. У него, народа, всегда будетъ перевѣсъ на какой-нибудь сторонѣ и, конечно, прежде всего на сторонѣ той религіи, какую онъ раньше исповѣдывалъ. Это и понятно. Унія, какъ соединеніе двухъ религій, безпочвенна, не устойчива, расшатывающая религіозное чувство человѣка, кидающая его изъ стороны въ сторону. Она могла-бы имѣть мѣсто у народа не исповѣдующаго никакой религіи, т. е. тамъ, гдѣ принятіе ея не насиловало-бы религіозной совѣсти людей, не подрывало-бы основъ и преданій содержимой ими религіи. Съ этой точки зрѣнія, унія по отношенію къ западно-русскому православному народу, имѣла менѣе всего шансовъ для своего принятія имъ и развитія въ средѣ его. Она подрывала основы православія и преданія старины, она измѣняла строй жизни западно-русскаго народа и потому была для него насиліемъ. Съ характеромъ послѣдняго никакое дѣло не можетъ имѣть прочныхъ основъ, а унія, не могла владѣть ими тѣмъ болѣе, что не имѣла цѣли сама въ себѣ, а служила политическимъ разсчетомъ латинской Польши, хотѣвшей сдѣлать русскій народъ такимъ-же почитателемъ латинства, какимъ была сама она. Съ другой стороны, унія была введена въ западно-русской церкви въ такое время, когда ея іерархія находилась въ самомъ плачевномъ состояніи, когда корысть и нажива, а не совѣсть и долгъ руководили поставленныхъ блюсти дѣла вѣры пастырей въ ихъ дѣйствіяхъ, когда свѣтскій лоскъ затемнялъ духовный ихъ обликъ, словомъ, введена была въ исключительное время жизни западно-русской православной церкви. Это

обстоятельство временно послужило въ пользу уніи, но не ручалось за ея существованіе. Оно скорѣе говорило за то, что введенная при такихъ обстоятельствахъ, унія не будетъ имѣть силы, при правильной жизни западно-русской православной церкви. Но возстановленію такой жизни всегда мѣшало польское правительство, защищавшее унію. Православіе однако жило въ уніатской церкви. Оно сначала даже сильно было и если потомъ, благодаря стараніямъ поборниковъ уніи (точнѣе—латинства), затихло, даже, повидимому, угасло, то это по той причинѣ, что считалось въ Рѣчи-посполитой незаконною религіею, право его на существованіе было вычеркнуто изъ законовъ Польши. Но если такъ было на бумагѣ, то это не значило, что такъ—оно и въ дѣйствительности. Русскій народъ преданъ былъ въ душѣ православію, и это, какъ мы видѣли, онъ доказывалъ много разъ. Появилась унія, распространилась и, казалось, совсѣмъ наконецъ вытѣснила православіе, преобразуясь постепенно и сама въ латинство. На самомъ-же дѣлѣ, унія принесла только зло западно-русскому народу, омрачила его жизнь насиліемъ религіозной совѣсти, но не въ силахъ была убить народность и подкопать преданность его православію. Послѣднее поэтому жило въ народѣ и какъ-бы выжидало времени, чтобы показать всю непрочность уніи, занявъ опять свое мѣсто въ западно-русскомъ краѣ. Преданность западно-русскаго народа православію была одной изъ причинъ, почему оно не искоренено было юридическимъ и фактическимъ насиліями Польши. Въ разсматриваемый нами періодъ эта преданность и вытекавшія изъ нея стойкость и защита православія получаютъ внѣшнюю помощь и нравственную поддержку отъ Россіи, которая чрезъ своихъ посланниковъ и резидентовъ останавливала дѣйствія польскаго правительства по отношенію къ православнымъ [353]). Православіе чрезъ это получало новую силу, могло безпрепятственно заявлять о себѣ и, какъ увидимъ, это скоро случилось.

По мѣрѣ усиленія авторитета и заступничества Россіи за православіе въ Польшѣ, унія все ближе и ближе подходила къ концу своего кратковременнаго существованія. Мы видѣли, что

она была презираема даже самими латинянами, которые убѣдились, наконецъ, что всѣ ихъ затѣи мало принесли пользы. Это ясно свидѣтельствовало о близкомъ ея разложеніи. Если сами поборники ея вѣрили въ это уничтоженіе, то ненавидѣвшій ее западно-русскій народъ готовъ былъ вѣрить много ранѣе. Дѣйствительно, унія отжила уже свое время. Будучи болѣзнью литовско-польскаго государства, посредствомъ которой разрѣшилась политика Польши по отношенію къ западно-русскому народу, она стала проходить, коль скоро измѣнились условія политическаго организма Польши, гдѣ тѣмъ болѣе она могла развиваться, что объ излеченіи ея не заботились, а напротивъ, самую болѣзнь еще поддерживали. Послѣ перваго раздѣла Польши настала очередь поборникамъ латинства и ревнителямъ православія помѣняться ролями. Первые вмѣстѣ съ уніей испытывали всю неловкость своего положенія, всю свою ничтожность и тягость разочарованія. Вторые, причисленные, въ большинствѣ случаевъ, противъ воли къ уніи, свободно вздохнули, съ радостію шли навстрѣчу новой жизни, громко заявляя свою преданность православію, которое, послѣ испытанныхъ тяжкихъ бѣдствій, было имъ еще болѣе драгоцѣнно. Уже въ 1781—83 годахъ число желавшихъ возвратиться въ православіе (въ Бѣлоруссіи) было около ста двадцати тысячъ [354]). Въ одно почти время со вторымъ и третьимъ раздѣломъ Польши, при дѣятельности въ пользу возсоединенія Виктора, архіепископа минскаго, Аѳанасія, епископа могилевскаго [355]) и другихъ іерарховъ въ западной Россіи, присоединилось къ православной церкви почти три милліона уніатовъ [356]). Такимъ образомъ, къ концу прошлаго столѣтія, въ параллель историческому приговору, требовавшему раздѣленія Рѣчипосполитой на двѣ части, — на русскую и польскую, совершилось возвращеніе православныхъ къ своей церкви. Народная русская сила, скажемъ словами нашего ученаго историка, воскресла здѣсь вдругъ, сбросила съ себя съ поразительною легкостію не только государственное, но и духовное польское иго [357]).

Мы не будемъ подробно входить въ разсмотрѣніе этого замѣчательнаго по своей численности возсоединенія западно-рус-

скихъ уніатовъ, и не дѣлаемъ этого потому, что цѣль наша впереди. Возсоединеніе трехъ милліоновъ уніатовъ совершилось на горячихъ слѣдахъ юридическаго перехода въ унію. Возсоединившіеся были чисто православными,—нѣкоторые 10—15 лѣтъ тому назадъ насильно обращенными въ унію [358]); ихъ еще не коснулось вліяніе латинства, а если и коснулось, то не привилось къ нимъ. Понятно, что коль скоро представилась возможность оставить навязанную имъ унію, они поспѣшили сдѣлать это. Съ такой точки зрѣнія, актъ возсоединенія, по отношенію къ присоединеннымъ, былъ скорѣе юридическимъ, чѣмъ фактическимъ. Они были православными и оставались таковыми подъ именемъ уніатовъ. Теперь шло дѣло о томъ, чтобы сбросить съ себя это имя. Здѣсь поэтому не могло имѣть мѣста ни убѣжденіе, ни подготовительныя мѣры къ возвращенію въ православіе. Не было по той-же причинѣ коллективныхъ совѣщаній и заявленій лицъ, стоящихъ во главѣ управленія уніатской церковію и, вообще, единичныхъ личностей, одухотворяющихъ собою движеніе въ пользу православія въ томъ смыслѣ, въ какомъ совершилось возсоединеніе уніатовъ въ 1839 году текущаго столѣтія.

Возсоединеніе 1839 года запечатлѣно другимъ характеромъ и имѣло свои условія. Малороссія и восточная часть Бѣлоруссіи, возсоединившіяся въ концѣ XVIII вѣка, не были такъ ополячены и олатинены, какъ западная часть западной Россіи. Тутъ унія была въ силѣ, глубоко пустивъ свои корни въ почву русской народности. Безошибочно можно сказать, что здѣсь она имѣла уже за собой традицію, преданіе, душеспасительное религіозное значеніе. Народъ хотя и дорожилъ въ ней православнымъ элементомъ, тѣмъ не менѣе онъ сжился съ ней. Прошло достаточно времени для того, чтобы унія сдѣлалась для него чѣмъ-то дорогимъ. Скажемъ болѣе, она сдѣлалась чѣмъ-то роднымъ для него, и не потому, что онъ предрасположенъ былъ къ ней, не потому что она была близка его народности, какъ православіе, а потому, что для такого отношенія между русскимъ народомъ и уніей довольно много поработало время. Нити уніи были сильны въ западной части западной Россіи потому, что сотканы были на вѣ-

ковомъ станкѣ времени. Необходимо при этомъ имѣть въ виду еще то обстоятельство, что возсоединеніе уніатовъ въ концѣ XVIII в. не осталось безъ послѣдствій для движенія въ пользу латинства среди тѣхъ, кои льстили себя надеждой не допускать уніатовъ къ дальнѣйшему переходу въ православіе. Нѣтъ сомнѣнія, что пропаганда усилилась и проводники латинства чутко прислушивались къ правительственнымъ мѣропріятіямъ, чтобы такъ или иначе предупредить ихъ между уніатами въ свою пользу. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что при помощи полонизма и латинства думали возстановить погибшую государственность Польши. Окатоличенію уніатовъ, ихъ склонности къ латинству и, вообще, усложненію причинъ, отдалявшихъ присоединеніе ихъ къ православной церкви, содѣйствовали обстоятельства дальнѣйшей исторіи западно-русскаго края.

Чтобы представить эти обстоятельства и при помощи ихъ выяснить положеніе уніатовъ въ это время и значеніе дѣятельности лицъ, стоявшихъ во главѣ движенія въ пользу православія при возсоединеніи въ 1839 г., мы должны нѣсколько уклониться отъ предмета нашей рѣчи.

Система императрицы Екатерины по отношенію къ уніатамъ имѣла самые блестящіе результаты. Польскіе писатели говорятъ, что если-бы императрица жила больше, то навѣрно послѣ ея смерти не осталось-бы въ государствѣ и слѣда уніи [359]). Но со вступленіемъ на престолъ императора Павла система эта измѣнилась. Движимый чувствомъ состраданія, которое поляки успѣли возбудить въ немъ, онъ возстановилъ литовскій статутъ и ввелъ ихъ въ русское дворянство и русское чиновничество. Кромѣ того, по проискамъ латинской іерархіи, нашедшей доступъ къ императору, латинскія епископіи, отчасти стѣсненныя въ своей дѣятельности при Екатеринѣ, ибо переведены были изъ прежнихъ мѣстъ на новыя, получили опять льготы. Само собой понятно, что власть поляковъ чрезъ то усилилась, и польское вліяніе и порядки стали возстановляться. Въ царствованіе императора Александра кругъ польскихъ правъ въ западной Россіи расширился еще болѣе. Причиною этого была дружба и вліяніе на бывшаго еще цесареви-

чемъ Александра Павловича, западно-русскаго князя Адама Чарторыйскаго, возвысившагося впослѣдствіи до поста министра иностранныхъ дѣлъ. Полякъ въ душѣ, напитанный ненавистью къ Россіи и съумѣвшій соединить съ нею привязанность къ русскому императору, онъ мечталъ возстановить Польшу, лелѣя въ себѣ и возбуждая въ другихъ роскошныя надежды на будущее. Для этого онъ задумалъ приготовить будущей Польшѣ молодое поколѣніе. Его стараніемъ 1803 годъ ознаменованъ былъ возстановленіемъ виленской іезуитской академіи подъ именемъ университета. Новый университетъ былъ фокусомъ національной польской науки, а все русское и православное подавлялось въ немъ. Въ Малороссіи (нынѣ Волынской губ.) основанъ былъ для той-же цѣли кременецкій лицей, управленіе которымъ ввѣрено было Чацкому, главному руководителю и совѣтнику Чарторыйскаго. Но этого мало. Среднее образованіе онъ ввѣрилъ отцамъ піарамъ, предпочитая ихъ іезуитамъ на томъ основаніи, что они не задавались всемірными цѣлями, а соприкасались больше съ національными интересами Польши. Устроенныя для нихъ училища въ западной Россіи онъ подчинилъ виленскому университету. Но чтобы захватить всю массу русскихъ людей и подчинить ихъ польскому вліянію, Чарторыйскій умножилъ училища базиліанскаго ордена, который вмѣстѣ съ іезуитскими и польскими принципами ближе стоялъ къ русскимъ, чѣмъ отцы піары. Такимъ образомъ все,что стремилось къ образованію, всѣ лучшія молодыя силы западной Россіи захватывались училищами Чарторыйскаго, подпадали вліянію латинской атмосферы и заражались польскимъ духомъ. Вотъ какія мѣры приняты были для возстановленія Польши. Вмѣстѣ съ подготовительными мѣрами Чарторыйскаго, въ польскомъ обществѣ росла увѣренность въ осуществленіе давно желаннаго возстановленія Польши. И воскресителя польской націи оно видѣло въ императорѣ Александрѣ. Въ 1807 году, при заключеніи тильзитскаго міра,—надежды эти сбылись; изъ частей прусской и австрійской Польши возстановлено было варшавское герцогство, увеличенное спустя два года краковскою областью. Несмотря на это, поляки отплатили Россіи черною неблагодарностію, вступивъ въ

1812 году въ ряды арміи Наполеона противъ русскихъ. Бѣгство послѣдняго и занятіе русскими войсками Польши было временемъ, когда неблагодарной странѣ грозила опасность стать жертвой ненависти къ ней русской арміи. Императоръ Александръ не допустилъ этого и, являя свѣтлый образъ благородства и благодѣтельности, въ 1815 году возстановилъ герцогство варшавское подъ именемъ Царства Польскаго, давъ ему конституцію. Это, однако, не измѣнило чувствъ поляковъ къ Россіи. Въ слѣдующее царствованіе, именно въ концѣ 1830 года, какъ извѣстно, вспыхнуло польское возстаніе [360]).

Таковы были внѣшнія обстоятельства исторіи, совершенно стушевавшія собою на время религіозный вопросъ западно-русскаго края. Значительное оживленіе его въ концѣ царствованія Екатерины, по причинѣ упомянутыхъ обстоятельствъ, затихаетъ и только много позже выдвигается на первый планъ.

При императрицѣ Екатеринѣ для управленія латинской церковію въ Россіи учреждена была римская коллегія, которой подлежали дѣла и уніатской церкви. Въ царствованіе императора Павла оживленіе польско-латинской партіи не могло не отразиться на положеніи уніатской церкви. Рѣшительность и прямота императора Павла шли въ разрѣзъ съ двуличнымъ, неопредѣленнымъ уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ, и объ уніи онъ выражался, что это — ни рыба, ни мясо, что слѣдуетъ быть православнымъ, или латиняниномъ, но никакъ не уніатомъ [361]). Слова эти самымъ лучшимъ образомъ говорили въ пользу тогдашней жизни уніи, явно направлявшейся къ православію. Поляки истолковали ихъ по своему и объясняли, что само правительство Россіи желаетъ, чтобы уніаты были латинянами. Слѣдствіемъ такого толкованія и послѣдовавшей за ней пропаганды латинства было насильное обращеніе въ него двадцати тысячъ уніатовъ. Въ 1803—5 году открылъ это русскому правительству архіепископъ Ираклій Лисовскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ объ изъятіи дѣлъ уніатской церкви изъ латинской коллегіи. Просьба архіепископа Лисовскаго была уважена, и въ латинской коллегіи былъ учрежденъ уніатскій департаментъ, представителемъ котораго на-

значенъ былъ самъ проситель [362]). Но образованіе новаго департамента не могло принести существенной пользы уніатской церкви, потому что дѣла его разбирались въ общемъ собраніи латинской коллегіи, большинство членовъ которой всегда старалось не давать ходу требованіямъ уніатовъ, направленнымъ противъ латинства. По смерти Лисовскаго мѣсто его въ уніатскомъ департаментѣ занялъ архіепископъ Іоаннъ Красовскій. Оба эти дѣятеля, любившіе въ уніи восточные обряды, не могли избавить ее отъ опеки латинянъ. Однако дѣятельность ихъ не осталась безъ послѣдствій, какъ дѣятельность тѣхъ лицъ изъ низшаго духовенства, которые заодно думали и трудились вмѣстѣ съ своими представителями въ пользу своей церкви. Ихъ дѣятельность была канвой, на которой, немного спустя, вышитъ былъ прекрасный узоръ возсоединенія съ православіемъ. Перемѣна положенія дѣлъ уніатской церкви послѣдовала со вступленіемъ на престолъ императора Николая.

Началомъ новаго порядка дѣлъ уніатской церкви былъ собственно 1827 годъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ котораго послѣдовалъ Высочайшій указъ, имѣвшій цѣлью отклонить переходъ уніатовъ въ латинство и удержать ихъ при славянскомъ богослуженіи [363]). Къ этому-же времени относится начало дѣятельности главнаго двигателя возсоединенія 1839 года впослѣдствіи митрополита Іосифа Сѣмашки [364]). Во главѣ управленія уніатской церкви стоялъ тогда митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, человѣкъ преданный католицизму. Указъ 1827 г., по собственному признанію в—наго Іосифа, далъ толчекъ уніатскому вопросу и дальнѣйшему поприщу его двигателя [365]), ибо былъ поводомъ къ составленію записки, которая подана была государю и послужила основаніемъ всего уніатскаго вопроса, своею новизною обративъ полное вниманіе правительства [366]). Было очевидно, что возвращеніе уніатовъ въ лоно православія возможно подъ условіемъ изъятія ихъ изъ опеки латинянъ, полученія уніатскою церковію самостоятельности и введенія воспитанія духовенства, какъ мѣры, способной возродить понятія и убѣжденія восточной церкви. Правительственныя мѣропріятія и направлены были по этому пути.

23-го апрѣля 1828 года изданъ былъ новый Высочайшій указъ, въ силу котораго для уніатскихъ дѣлъ въ Россіи учреждалась независимая отъ римско-католической греко-уніатская духовная коллегія съ новымъ штатомъ; уніатскія церкви, вмѣсто четырехъ епархій распредѣлялись на двѣ, заводились духовныя училища, семинарія (въ Жировицахъ) и академія (въ Полоцкѣ) и пр. Было принято много и другихъ мѣръ, между которыми нельзя не отмѣтить ослабленія дѣятельности базиліанскаго ордена закрытіемъ большей части базиліанскихъ монастырей [367]). «Исполненіе по всѣмъ частямъ, говоритъ в—ный Іосифъ, шло быстро, дѣятельно. Не сдѣлалось только то, что было выше силъ и что по своему существу и даже по правительственнымъ предположеніямъ предоставлялось времени». Дѣйствительно, уніатское духовенство и всѣ, кому дорого было православіе, съ сочувствіемъ встрѣчали преобразованія въ уніатской церкви. Въ этомъ убѣдился лично в—ный Іосифъ во время своей поѣздки въ 1830 году въ Литву, гдѣ всѣ, близко стоявшіе къ народу и къ древней русской вѣрѣ, съ радостію выражали ему признательность и надежды на лучшее будущее [368]). Польскій мятяжъ доказалъ и политическое значеніе возсоединенія уніатовъ, ибо латинское направленіе въ уніи отразилось участіемъ многихъ уніатовъ въ мятежѣ. Русскому правительству тѣмъ болѣе желательно было ускорить возсоединеніе уніатовъ. Но едва-ли не болѣе всѣхъ желалъ этого в—ный Іосифъ. Его смущала, какъ казалось, медлительность правительства по отношенію къ дѣлу, въ которомъ онъ привыкъ видѣть цѣль своей жизни. Онъ впалъ въ уныніе и рѣшилъ лично присоединиться къ православной церкви [369]). Однако этому намѣренію в—наго Іосифа не суждено было осуществиться, какъ не осуществилась тотчасъ его мысль о подчиненіи греко-уніатской коллегіи святѣйшему синоду [370]). Въ 1833 — 34 годахъ (послѣдній годъ, по словамъ в—наго Іосифа, былъ самый дѣятельный въ его жизни) онъ опять ѣздилъ въ Литву. Въ это-же время по его рекомендаціи посвящены во епископы уніатской церкви: протоіерей Василій Лужинскій, архимандритъ Іосафатъ

Жарскій и протоіерей Антоній Зубко, а въ уніатской церкви введены были служебники московской печати. Уніатское дѣло оживилось. Послѣдовали другія не менѣе важныя мѣры. Учрежденъ былъ секретный комитетъ по уніатскимъ дѣламъ, имѣвшій цѣлію заняться согласованіемъ дѣйствій православнаго и уніатскаго духовенства. Уніатскія училища подчинены были коммиссіи духовныхъ училищъ; устройство церквей, обученіе духовенства богослуженію, борьба съ помѣщиками и латинскимъ духовенствомъ были въ полномъ ходу. В—ный Іосифъ вездѣ принималъ участіе: былъ членомъ новыхъ учрежденій и работалъ безъ устали. Но пылкій энергичный характеръ его не удовлетворялся этимъ, онъ хотѣлъ дать уніатскому дѣлу еще больше подвижности, шири и простора. Казавшаяся остановка, шаткость и колебаніе дѣлъ отразилось въ в—номъ Іосифѣ новымъ рѣшеніемъ лично принять православіе [371]). Только давно желанное подчиненіе уніатской коллегіи святѣйшему синоду (въ началѣ 1837 г.) успокоило его и онъ опять съ обычной энергіей занялся въ Литвѣ, во время своей поѣздки, устройствомъ церквей. Въ 1838 году скончался уніатскій митрополитъ Булгакъ и епископъ Іосафатъ Жарскій. Погребеніе перваго въ православной церкви Сергіевской пустыни было для латинства, по замѣчанію в—наго Іосифа, знакомъ готовящагося возсоединенія уніатовъ и съ этихъ поръ началось большее противъ прежняго противодѣйствіе преобразованіямъ со стороны уніатскаго духовенства. Латиняне старались всякими мѣрами вредить развитію православной силы между уніатами, пуская въ ходъ разные навѣты и внушенія и становясь въ своей миссіи все болѣе и болѣе смѣлыми. Злоупотребленія и интриги были подставляемы дѣятелямъ возсоединенія на каждомъ шагу. Въ бѣлорусской епархіи нѣкоторые священники, за неповиновеніе, по наущенію латинянъ, епархіальной власти, отправлены были въ великороссійскіе монастыри [372]). Никакая исторія, по словамъ М. О. Кояловича, не представляетъ собою такого адскаго, чудовищнаго сплетенія интригъ, какъ простѣйшая исторія возсоединенія уніатовъ, и что этой простоты и адскихъ интригъ невозможно понять, опуская изъ виду польскій іезуитизмъ и крѣпостное пра-

во, бывшее тогда въ такой силѣ въ западной Россіи. Дѣятелямъ возсоединенія среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ приходилось испытать много мукъ и много нужно было имѣть имъ терпѣнія, чтобы десять разъ не пасть духомъ подъ тяжестію самыхъ искусственныхъ, но въ то же время самыхъ тяжелыхъ ударовъ» [373]. Тревожному положенію дѣла в—ный Іосифъ положилъ конецъ представленіемъ записки отъ 1-го декабря 1838 года о необходимости безотлагательнаго присоединенія уніатовъ къ православной церкви, на что въ одной его епархіи изъявили тогда уже желаніе 775 священниковъ [374]). 12-го февраля слѣдующаго 1839 г. въ недѣлю православія состоялось соборное постановленіе объ этомъ достопамятномъ въ исторіи западно-русской церкви событіи [375]). Въ означенное время собрались въ г. Полоцкѣ всѣ уніатскіе епископы западныхъ губерній и важнѣйшіе представители бѣлаго греко-уніатскаго духовенства и составили соборный актъ о присоединеніи уніатской церкви къ православной, подписанный 24-мя начальствующими лицами. Изъясняя подробно положеніе своей церкви, отторгнутой отъ истиннаго каѳолическаго единенія, соборъ опредѣлилъ, согласно желанію всего уніатскаго духовенства, о чемъ свидѣтельствовало болѣе 1300 подписей, представить просьбу императору Николаю о присоединеніи ихъ къ всероссійской церкви [376])». По благости Господней, писалъ полоцкій соборъ, мы и прежде отдѣлены были отъ древней матери нашей православно-каѳолической восточной, и въ особенности россійской церкви не столько духомъ, сколько внѣшнею зависимостію и неблагопріятными событіями; нынѣ-же, по милости всещедраго Бога, такъ снова приблизились къ ней, что нужно уже не столько возстановить, сколько выразить наше съ нею единство.

Посему, въ теплыхъ сердечныхъ моленіяхъ, призвавъ на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (Который единъ есть истинный Глава единыя истинныя церкви) и Святаго всесовершающаго Духа, мы положили твердо и неизмѣнно:

1) Признать вновь единство нашея церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и посему пребывать отнынѣ,

купно со ввѣренными намъ паствами, въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго сѵнода.

2) Всеподданнѣйше просить Благочестивѣйшаго Государя Императора настоящее намѣреніе наше въ свое августѣйшее покровительство принять и исполненію онаго, къ миру и спасенію душъ, Высочайшимъ своимъ благоусмотрѣніемъ и державною волею споспѣшествовать, да и мы, подъ благотворнымъ его скипетромъ, со всѣмъ русскимъ народомъ совершенно едиными и неразнствующими устами и единымъ сердцемъ славимъ Тріединаго Бога, по древнему чину апостольскому, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по преданію великихъ святителей и учителей православно-каѳолической церкви» [377]).

Составлены были два прошенія: одно о присоединеніи, а другое о дозволеніи возсоединяющимся не перемѣнять нѣкоторыхъ, привычкою нажитыхъ, мѣстныхъ ихъ обычаевъ, не противныхъ сущности православія. Прошенія подписаны были только возсоединяющимися епископами. «Въ сей день, пишетъ в—ный Іосифъ отъ 12 февраля 1839 г., служилъ я торжественно въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ и причастилъ лично, какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія, вмѣсто папы, поминалъ я всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Послѣ литургіи отслуженъ былъ мною вмѣстѣ съ преосвященными Василіемъ и Антоніемъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи». Соборный актъ и прошенія поднесены были Государю, затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе св. синоду сдѣлать постановленіе о возсоединеніи уніатовъ. Въ синодальной грамотѣ по этому поводу читаемъ: «Мы вняли вашему общему и торжественному обѣту — признать вновь единство церкви вашея съ православно-каѳолическою восточною церковію, и пребывать отнынѣ, купно со ввѣренными вамъ паствами, въ единомысліи съ святѣйшими восточными православными патріархами и въ послушаніи святѣйшему синоду: и пріемля отъ васъ обѣтъ сей предъ

лицемъ Господнимъ, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и отъ Святаго и всесовершающаго Духа, послѣдуя священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, пріемлемъ васъ и сущее съ вами священство и духовныя паствы въ полное и совершенное общеніе святыя православно-каѳолическія восточныя церкви и въ нераздѣльный составъ церкви всероссійскія, вознося молитву вѣры и любви къ великому Архіерею, прошедшему небеса, Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ васъ выну въ изреченномъ вами исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія вашего къ совершенію святыхъ»)[378]. Это синодальное постановленіе 25 марта 1839 года было Высочайше утверждено слѣдующими словами: «Благодарю Бога и принимаю» [379]). Въ память возсоединенія выбита была медаль, а в—ный Іосифъ, тогда епископъ, возведенъ былъ въ санъ архіепископа.

Такъ совершилось знаменательное событіе 1839 года. Произнесенъ былъ приговоръ надъ религіозною зависимостію западно-русскаго народа отъ Рима и Польши и уніатская церковь возстановлена была въ своемъ древнемъ единеніи съ православной Россіей.

Нельзя, говоря о полоцкомъ соборѣ, не остановиться на вопросѣ, какъ могъ в—ный Іосифъ, хотя-бы то при помощи могущественнаго Императора, разрушить въ короткое время строившееся вѣками зданіе уніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, помимо характера самой уніи, даетъ намъ отношеніе Польши къ западно-русскому народу. Латино-польская система, старавшаяся превратить уніатовъ и унію въ латинянъ и латинство, своимъ насиліемъ и неистовствомъ напомнила русскимъ уніатамъ о ихъ прошломъ, о ихъ вѣрѣ. Насиліе ввело унію, оно ее и погубило. Время послѣ замойскаго собора было высшею степенью этого насилія и расходившейся шляхетской вольности. Оно воплями тысячи невинныхъ жертвъ вызвало рѣшимость возродить свою народность, стать за свою вѣру. Рѣшимость эта зрѣла и созрѣвала сама собою. В—ный Іосифъ былъ только выразителемъ ея, благодат-

нымъ вѣстникомъ и великимъ свидѣтелемъ о ней предъ тѣмъ, кто помогъ западно-русскому народу возстановить свою вѣру и народность.

Послѣ возсоединенія 1839 года въ русскомъ государствѣ осталась въ уніи одна только холмская епархія. Но спустя 30 слишкомъ лѣтъ и въ ней во всей силѣ сказалось движеніе въ пользу православія, которое при дѣятельности администраторовъ этой епархіи протоіерея Іосифа Войцицкаго (нынѣ архипресвитера) и Маркелла Попеля (нынѣ епископа) окончилось возсоединеніемъ 1875 года. Сила, двигавшая возсоединенными въ нашемъ государствѣ сказывается въ настоящее время и за предѣлами его, — въ Галицкой Руси. Лучшимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить «Аппеляція къ папѣ Льву XIII русскаго уніатскаго священника, мѣстечка Скалатъ, львовской митрополіи въ Галиціи, Іоанна Наумовича [380]).

Примѣчанія.

1) Коялов. Лит. церк. унія, т. 1, примѣч. 2.

2) Его-же. Любл. унія. Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ за 1867 г. А. Ю. и З. Р., т. II, № 176.

3) Коялов. Лит. цер. унія, т. I, стр. 32; Макарій, истор. рус. ц. т. IX, стр. 321; Вѣст. Зап. Рос. 1862 г. окт. отд. II, стр. 30—32.

4) Макарій. Ист. рус. ц. т. IX, стр. 358.

5) Коялов. Лекціи по ист. Зап. Рос, лекц. 2 стр. 231 и далѣе.

6) Объ отн. западно-русскихъ правосл. къ протест. во времена уніи, соч. Кояловича. См. Христ. чт. за 1860 г., кн. 3-я и Отношеніе прав. зап. и южн. Рос. къ прот. въ XVI в. и первой половинѣ XVII в. Вильна 1881 г. Ал. Розова

7) Коялов. Лит. церк. унія т. 1, стр. 44.

8) Likowski. Hist. unii kosciola Ruskiego z kosc. Rzymskim, Poznań 1875 г., стр. 48—49.

9) Бант.-Каменск. Историч. изв. о возн. въ Польшѣ уніи, стр. 32, прим. 1-е.

10) А. З. Р. т. III, №№ 137 и 143.

11) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 407.

12) Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 420—422.

13) А. З. Р., т. IV, № 33. Вѣстн. Зап. Рос. 1862 г. Ноябрь, отд. II, 76. Wspomnienia narodowe, Helleninsz Paryż, 1861 г.. стр. 41.
14) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 420—422.
15) Коялов. Л. Ц. У. т. I, стр. 42—44.
16) Ibid. стр. 52 Вѣстн. Ю. и З. Р. 1862 г. Ноябрь, отд. II, 63; Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 441—448. Объ этихъ іерархахъ намъ придется говорить ниже.
17) Апокрисисъ гл. 8-я стр. 77.
18) А. З. Р. т. III. № 138.
19) В. З. Р. 1862 г. Ноябрь, отд. II, стр. 66—76.
20) Коялов. Лит. ц. унія, т. I, 48—49.
21) Задача наша не позволяетъ намъ иллюстрировать эти общія положенія. Зап.-Рус. мѣсяцесловъ на 1865 г., стр. 80; Южная Русь и казачество Н. И. Костомарова. Отеч. Зап. 1870 г. янв. стр. 51—56.
22) Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая склонить этимъ народъ къ уніи. Южн. Русь. и казачество Н. И. Костомарова. Отеч. Зап. 1870 г.
23) А. З. Р. т. III, № 46; Зап.-р. мѣс. на 1865, стр. 80.
24) Польскіе писатели наз. его Златоустымъ. Likowski, Hist. kosć. rusk. z kosć. rzymsk., стр. 57.
25) В. юго-зап. Рос. 1862 г., ноябрь, отд. II, стр. 78 и пр.
26) Макарій, Ист. Рус. Ц. т. IX, стр. 456—457.
27) Соч. Иванишева, Кіевъ 1876 г, стр. 305. Подробно объ этомъ см Чтен. въ Имп. общ. ист. и др. рос 1871 г., кн. 2 стр. 151—155.
28) А. З. Р. т. III, стр. 125.
29) Макарій, Ист. Р. Ц. IX, стр. 66—88.
30) А. А. З. Р. т. III, № 136, стр. 289.
31) Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 478—479; соч. Иванишева, Кіевъ, 1876 г. стр. 304
32) Арх. юго-зап. Рос. т. 1, № 33.
33) Макарій, Ист. р. ц. т. IX, 464—465.
34) А. З. Р. т. III, 289—290.
35) Братства, какъ извѣстно, образовались въ западной и югозападной Россіи гораздо раньше изъ цеховаго городоваго устройства и уже въ первой половинѣ XVI в. имѣли вліяніе на церковно-административныя дѣла. Вѣстн. югозап. и зап. Р. 1862 г., декабрь, отд. 2, стр. 283.
36) Вѣстн. югозап. и з. Р. 1863 г. мар. отд. II, стр. 159—161 Правила львовскаго братства у Соловьева, т. X, ст. 13—16.
37) Собран. древ. грам. и акт. городовъ Вильны, Ковна, ч. II, № 3, стр. 7.
38) А. Ю. и З. Р. т. II, № 154, стр. 181—184.
39) В. югозап. и з. Р. 1863 г. мар. отд. II, стр. 169; А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 206.
40) Вѣстн. юго-зап. и зап. Р. 1863 г. мар. отд. II, стр. 170.
41) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, 469—475.
42) Онъ, какъ увидимъ, имѣлъ много другихъ причинъ.
43) Коялов. Лекціи по ист. Зап. Рос., лекц. 2, стр. 241.

44) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 206.
45) Ibid. № 19, стр. 25—26.
46) Ibid. № 149, стр. 206.
47) Ibid. № 21, стр. 28—29; Солов. Ист. Рос. т. X, стр. 20—21.
48) Ibid. См. грам. отъ 1-го и 6-го августа.
49) Ibid. № 149, стр. 206.
50) Исключеніемъ былъ только митр. Рогоза, покровительствовавшій братствамъ.
51) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 211.
52) Ibid. 208.
53) Коялов., т. I, примѣч 182.
54) А. З. Р. т. IV, № 65, стр. 92.
55) Коялов. т. I, стр. 72; Макар. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 497.
56) Ibid. стр. 74.
57) А. З. Р. т. III, № 167, стр. 317; Соловьевъ. Ист. Рос. т. X, стр. 17.
58) Соч. Иванишева, стр. 316—320.
59) Макарій. Ист. Р. Цер. т. IX, стр. 511—514.
60) Особенною ожесточенностію отличались нападки луцкаго старосты Семашки; острый характеръ ихъ заставляетъ предполагать болѣе, чѣмъ одну только личную ненависть его къ своему епископу. Въ этихъ дѣйствіяхъ видна нетерпѣливость новоиспеченнаго поборника латинства къ оставленной имъ православной вѣрѣ. Семашко происходилъ изъ православнаго русскаго рода, но незадолго предъ тѣмъ принялъ латинство. Ibidem.
61) Коялов. т. I, примѣч. 207; Макарій т. IX, стр. 491.
62) Подробности объ этомъ у Коялов. т. I, стр. 77—78.
63) А. З. Р. т. IV, № 25, стр. 35.
64) Соч. Иванишева, стр. 332—323.
65) Надо замѣтить, что Пельчицкій и Збируйскій были, какъ Кириллъ и Гедеонъ, замѣчательно схожи по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ они начали помогать дѣлу уніи. Оба они были женаты, оба обличались и, поэтому, оба рѣшились обезпечить свое положеніе при помощи уніи.
66) Коялов. т. I, стр. 84—90.
67) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 210.
68) Коялов. т. I, стр. 91; соч. Иванишева, стр 326—331.
69) Солов. Ист. Р. т. X, 24—25, на польскомъ языкѣ приведена у Коялов. въ примѣч. 248, т. I.
70) Апокрисисъ Христофора Филалета, гл. 6, стр. 57—59.
71) А. З. Р. т. IV, № 33, стр. 43.
72) Ibid.
73) А З Р. т. IV, № 42, стр. 61—62.
74) Likowski. Hist. unii kość. rusk. z kość. rzymsk. Poznań. 1875, стр. 77, примѣч. 2; сочин. Иванишева, стр. 335.
75) А. З. Р., № 44, стр. 63.
76) Ibid. № 149, стр. 210, и № 33, стр. 43—44.
77) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 480.
78) Солов. Ист. Р. т. X, стр. 29.

79) А. Р. З. т. IV, № 45, стр. 63—66.
80) Коялов. Лит. церк. унія, т. I, стр. 108.
81) А. З. Р. т. IV, № 45.
82) Коялов. т. I, примѣч. 283—284.
83) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 542.
84) Арх. юго-зап. р. т. I, ч. I, № 101.
85) Апокрисисъ, стр. 3.
86) А. З Р. т. IV, № 54, стр. 78—79.
87) Ibid. № 58, стр. 84—85.
88) Ibid. № 60, стр. 86—87.
89) Коялов. т. I, стр. 122.
90) А. З. Р. т. IV, № 68, стр. 94—95.
91) Ibid. т. IV, № 71, стр. 99—104.
92) Ibid. № 72, стр. 104.
93) Арх. юго-зап. Р. т. I, ч. I, № 109.
94) А. З. Р. т. IV, № 73, стр. 104—105.
95) Ibid. № 74, стр. 105—106.
96) Соловьевъ, т. X, стр. 51.
97) Коялов. т. I, стр. 131.
98) Арх. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 110—111.
99) А. З. Р. т. IV, № 76, стр. 106—108.
100) Ibid. № 77, стр. 108—109.
101) Ibid. № 78—79, стр. 109—113.
102) Harasiewicz Annales Ecclesiae Ruthenae. Львовъ, 1862 г., стр. 181—185.
103) А. З. Р. т. IV, №№ 80, 83 и 84, стр. 113, 114, 116 — 118; матеріалы для историі западно-рус. ц. Труды К. Д. А. 1878 г. Мартъ, прилож. стр. 44.
104) А. З. Р. т. IV, № 82, стр. 115.
105) Ibid. т. IV, №№ 62, 63 и 81.
106) Имѣніе Водивори на 40 лѣтъ и имѣніе луцкой епархіи на 20 лѣтъ. Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 598.
107) Арх. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 114.
108) Макар. т. IX, стр. 608; А. З. Р. т. IV, № 90, стр. 123—125.
109) Апокрисисъ, стр. 302—303.
110) Ист. Изв. объ уніи. Бант. Камен., стр. 40. Вильно, 1864 г. Harasiewicz Annales Ecclesiae Ruthenae, стр. 199.
111) Ист. Изв. объ уніи. Бант. Камен., стр. 43—47.
112) Ostrowski. Dz. i Praw. kość. Polsk. 1773, стр. 395—396. Макар. т. IX, стр. 631.
113) Бант. Кам. стр. 49, примѣч. 2; Rychcicki, Piotr Skarga i iego wiek, Krakow, 1869 г. т. II, стр. 132—134 и прим. 113.
114) Ostrowski. Dz. i Pr. kość. Polsk. стр. 397.
115) Бант. Камен., стр. 46, примѣч. I.
116) Макарій, т. IX, стр. 632—638.
117) Co się dotyczy spraw naszych, to z łaski Bożej otprawiono, aniżeliśmy się sami spodziewali, bo nie tylko przy wszystkich ceremonijach i sacramentach, ale i symbolum fidei zostawiono, nie przydając onej partykuły „filioque", jedno abyśmy wierzyli i tak nauczali owieczek naszych, że Duch

swięty pochodzi tak od Syna, jako i od Ojca. Krutko mówiąc, najmniejszej nam rzeczy nie odmieniono i kalendarza starego nam dozwolił... Likowski, Historija unii kośc. rus. z kośc. rymsk. Poznań 1875 r. Dodatek, str. 230. Чт. въ Импер. общ. ист. и др. рос. за 1871 г., кн. II, стр. 160; соч. Иванишева, стр. 348—350.

118) Апокрис., стр. 53—58 (Арх. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 120).

119) А. З. Р. т. IV, № 96, стр. 133.

120) Ibid. № 92, стр. 127—128.

121) Ibid. № 91, стр. 125—126.

122) Соч. Иванишева, стр. 357.

123) А. З. Р. т. IV, № 97, стр. 134—135.

124) Ibid. т. IV, № 100, стр. 137.

125) Ibid. т. IV, № 97, стр. 134—135.

126) Ibid. № 98, стр. 135—136.

127) Ibid. №№ 100 и 102, стр. 137—139; Апокрис. стр. 305.

128) Ibid. № 99, стр. 136—137.

129) Апокрис. стр. 303, 306—307; А. юго-зап. Р. ч. I, т. I, № 121.

130) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 213.

131) Апокрисисъ стр. 265—280; Малышев. Мелетій Пигасъ т. II, прилож. I, № 16, стр. 28—44.

132) Перестрога зѣло потребная... стр. 213.

133) Апокрисисъ стр. 129—131; Ekthesis, albo krótkie zebranie spraw... Krakow 1597 г. въ изданіи Имп. общ. ист. и древ. рос. 1879 г., кн. I. Матер. для ист. ц. уніи стр. 4.

134) Перечисленныя нами лица, кромѣ Кирилла Лукариса, были изъ цареградской патріархіи.

135) По одному свидѣтельству (А. З. Р. т. IV, стр. 146), ихъ присутствовало 106, а по другому—болѣе 200 (Ekthesis, стр. 30).

136) Ekthesis, albo krótkie zebranie... Чт. въ Импер. общ. ист. и древ. рос. 1879 г., кн. I. Мат. для ист. ц. уніи стр. 28—30; сочин. Иванишева стр. 358—359.

137) Ostrowski. Dz i prawa kośc. Polsk. Томъ III, стр. 400. Rychcicki, Piotr Skarga i iego wiek, т. II, стр. 135.

138) Соч. Иванишева, стр. 360; Берестейскій соборъ и оборона его П. Скарги. Рус. ист. библ. 1882 г., т. VII, кн. II, стр. 939—941. Примѣч. къ Апокрис. 2. А. З. Р. т. IV, № 106, 11, стр. 146.

139) Ист. изв. объ уніи, Бант. Камен., стр. 52. Макар. т. IX, стр. 655. Piotr Skarga i iego wiek, т. II, стр. 135—136.

140) Бант. Камен. ibid.

141) Послы короля прибыли на другой день собора (w dzień czwartkowy) въ четвергъ, 7 октября. Апокрисисъ, Synod Brzeski, стр. 401.

142) Апокрисисъ, стр. 16.

143) Ekthesis, albo krótkie... стр. 4—5.

144) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 656. Надо предполагать, что князь былъ въ недоумѣніи по поводу отвѣтовъ митрополита экзархамъ и потому хотѣлъ лично объясниться съ нимъ.

145) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 657.

146) Апокрисисъ, Synod Brzeski, стр. 411.

147) Макарій. Ист. Р. Ц. т. IX, стр. 658.

148) Ibid. Коялов. Лит. церк. унія, т. I, стр. 161.
149) Ibid. А. Р. З. т. IV, № 106, стр. 144; Ekthesis, стр. 5.
150) Въ немъ участвовали: Никифоръ, архимандритъ кіевскій, Геннадій, архим. дерманскій, Игнатій примикирій, пресвитеръ острожскій Даміанъ, Іоаннъ, протопопъ шчирецкій, Андрей, пресвитеръ львовскій и нотарій Григорій. Ibid. стр. 6. А. З. Р. т. IV, № 106, стр. 144.
151) Ekthesis, стр. 7.
152) Апокрисисъ, стр. 71.
153) Ekthesis, стр. 5.
154) Макарій, т. IX, стр. 659.
155) Ekthesis, стр. 5; примѣч. къ Апокрисису I, стр. 1 и дал.
156) Ekthesis, стр. 5—6.
157) Ekthesis, стр. 5—6.
158) Ibid.
159) Апокрисисъ, стр. 17.
160) Ibid.
161) Ibid. стр. 7—8.
162) На этотъ разъ послами были: Елисей, архимандритъ пинскій, Василій, архим. дубенскій, Иларіонъ, архим. супрасльскій, Климентъ, протопопъ каменскій, Іоаннъ, протопопъ ярославскій и Андрей, пресвитеръ львовскій,—нотарій. Ibid. Полагаютъ, что этотъ послѣдній есть авторъ „Перестроги". Чт. въ общ. ист. и др. рос. 1879 г. Матер. для ист. ц. уніи. Предисловіе, стр. 4—5.
163) Ibidem.
164) У Скарги въ Synod'ѣ Brezsk'омъ сказано, что грамота, которую посольство имѣло представить митрополиту, содержала въ себѣ порицаніе за то, что онъ присталъ къ латинянамъ и безъ вѣдома православныхъ открылъ соборъ,—что въ ней отвергали этотъ соборъ, отказывали митрополиту въ послушаніи и грозили проклятіемъ и низложеніемъ съ каѳедры, если онъ не раскается вмѣстѣ съ своими сообщниками. Далѣе сказано, что послы, узнавъ содержаніе грамоты, спрашивали князя, съ его-ли согласія она написана. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они поѣхали къ князю и дали слово прибыть на православный соборъ. Въ Апокрисисѣ стр. 402. Намъ извѣстно уже содержаніе парагностика.
165) Ekthesis, ств. 8—9.
166) Одна отъ 13 сентября, а другая отъ 5 октября.
167) Переводъ изъ Ekthesis'а, стр. 9—10.
168) Ibid. стр. 10—11.
169) Переводъ изъ Ekthesis'а, стр. 12.
170) Кіевскій архимандритъ Никифоръ, дерманскій архимандритъ Геннадій, пересопскій архим. Симеонъ; протопопы: Герасимъ Скальскій, Андрей Константиновскій, Константинъ Дубенскій и Климъ Каменецкій.
171) Ekthesis, стр. 12; Апокрисисъ, стр. 18—19.
172) Ibid. стр. 13.
173) Ibid. стр. 13—17.
174) Кояловичъ. Л. ц. ун. т. I, примѣч. 283.

175) Ekthesis, стр. 17—19.
176) Ekthesis, стр. 20—21; Апокрисисъ, стр. 19.
177) Ibid. стр. 21—22.
178) Апокрисисъ, стр. 20.
179) Synod Brzeski въ Апокрисисѣ стр. 404.
180) Князь то же присутствовалъ при произнесеніи этой рѣчи. Это видно изъ обращенія къ нему. Апокр. стр. 404.
181) Synod Brżeski въ Апокр. стр. 404—410.
182) Ibid. стр. 410—411. Piotr Skarga i iego wiek, т. II, стр. 137—142.
183) Апокрисисъ, стр. 20—21. Этотъ отвѣтъ православныхъ королевскимъ посламъ Скарга въ описаніи брестскаго синода представляетъ въ такомъ видѣ: соединеніе греческой церкви съ римскимъ костеломъ есть дѣло великое и глубокое, а у насъ головы мелкія и потому мы ни во что входить не желаемъ. Пытались достигнуть этого соединенія короли великіе, но не могли привести дѣла къ концу, поэтому и мы этого дѣла рѣшать не будемъ. Synod Brżeski, стр. 411, Piotr Skarga i iego wiek, т. II, стр. 139.
184) Ак. З. Р. т. IV, № 106, стр. 142—144.
185) Ekthesis, стр. 22.
186) Synod Brżeski, стр. 411.
187) А. З. Р. т. IV, № 103, стр. 139 — 141; Synod Brżeski, стр. 412—414; Бан. Кам., стр. 53—54. Gratiae perpetuae a sede apostolića raris temporibus concessae monachis ordinis S. Basilii magni in Russia. Varsaviae 1800 an. Pars. III, стр. 25—32.
188) Synod Brżeski, стр. 412—414.
189) Piotr Skarga i iego wiek, т. II, стр. 145.
190) А. З. Р. т. IV, № 107, стр. 146 — 147.
191) Ibid. № 108, стр. 146—148.
192) А. З. Р. т. IV, № 109, стр. 148—149.
193) Synod Brżeski, стр. 415.
194) Ekthesis, стр. 22—27.
195) Именно: владимірскій Ипатій, луцкій Кириллъ, полоцкій Германъ, холмскій Діонисій и пинскій Іона. Ekthesis, ibid.
196) Ibid. стр. 28. Ogłoszenie dekretu. А. З. Р. т. IV, № 104, стр. 141—142. Апокрисисъ, стр. 21.
197) Ibid. стр. 22.
198) Апокрисисъ, стр. 23—24.
199) А. З. Р. т. IV, № 114, стр. 154—157.
200) Тр. К. Д. Акад. 1878 г., т. I, прилож. стр. 46– 53; Перестрога, стр. 216—220; А. З. Р. т. IV, № 117, стр. 159—165.
201) Ibidem. №№ 96, 112, 115, 121, 123 и друг.
202) Ibid. № 111, стр. 151—152.
203) Малышевскій. Мелетій Пигасъ, патр. александр. т. II, приложен. I, №№ 17—26.
204) Harasiew., Annal. Ecclesiae Ruth. Львовъ, 1862, стр. 240—241.
205) А. З. Р. т. IV, № 150, стр. 236—237.
206) Ibid. № 128, стр. 182—183.
207) Если король нарушилъ pacta conventa, то общество могло противодѣйствовать ему посредствомъ конфедераціи.

208) А. З. Р. т. IV, № 138, стр. 192 — 194; Коялов. Лит. ц. ун. т. II, примѣч. 41, стр. 273—287.

209) Ostrowski. Dz. Praw. Kość Polsk. т. III, стр. 415—416.

210) Коялов. Лит. церк. унія т. II, примѣч. 17.

211) Въ 1597 г православные издали Ekthesis, albo krótkie zebranie spraw otbytych na partykularnym synodzie w Brzesciu-Litewskim; iезуитъ Петръ Скарга (въ томъ же году) издалъ книгу объ уніатскомъ соборѣ — „Synod Brzeski i iego obrona"; противъ этого сочиненія (въ томъ же году) изданъ былъ православными „Апокрисисъ" (объ авторѣ „Апокрисиса" см. предисл. къ этому соч. Малышев. и тр. К. Д. Акад. 1876 г., т. I, 137 — 154, Голубева). Это сочиненіе вызвало „Справедливое описаніе дѣлъ и справы собора Берестейскаго". Кромѣ того, изданы были Antirrysis albo apologia „Отпись", написанная клирикомъ острожской церкви, четыре сочиненія Іоанна изъ Вышни, Перестрога и мн. др. Подробн. см Макарій. И. Р. Ц. т. X, стр. 284 —302; Коялов. Л. ц. ун: т. II, примѣч. 16.

212) Перестрога, зѣло потребная..., стр. 225.

213) А. З. Р. т. IV, № 143, 1, стр. 198—199.

214) Вторая грамота издана была 8 апрѣля 1600 г. А. Ю. и З. Р, № 5.

215) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, примѣч. 54.

216) Ibid. стр. 90.

217) Likowski. Hist. unii kość rusk. z kość rzymsk., Poznań. 1875 г., стр. 78—79; Kulczynski, Specimen Eccles. Ruth., стр. 255; Коялов. Лит. церк. ун. т. II, примѣч. 78; Вѣстн. юго-зап. и зап. рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 138—139.

218) Ibidem.

219) Likowski. Hist. unii kość. rusk. z kość. rzymsk., стр. 80.

220) А. Ю. и З. Р. т. II, № 45.

221) Harasiew. Annal. Eccles. Ruth., стр. 361 и А. З. Р. т. II № 44.

222) Макарій. И. Р. Ц. т. X, стр. 417.

223) Коялов. Л. ц. ун. т. II, стр. 99.

224) Въ послѣдствіи ихъ было два: одинъ для Литвы, другой для Польши.

225) Христ. Чт. за 1864 г., январь, стр. 25, примѣч. I.

226) Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 139—141 и 1870 г., апрѣль, отд. II, стр. 1 — 2 и далѣе. Петровъ „Очеркъ ист. баз. орд.", Тр. К. Д. А. 1870 г., май, стр. 438 и дал. Подольск. епарх. вѣдомости 1872 г., стр. 82—83.

227) Вѣстн. юго-зап. и зап. Рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 140 и примѣч. I и II.

228) Объ орденѣ базиліанъ въ нашей литературѣ см. 1) М. О. Кояловича „Исторія базиліанскаго ордена" (Христіанское Чтеніе за 1864 г., январь и апрѣль); 2) Н. И. Петрова „Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ (Труды кіевской духов. академіи за 1870 г., май, августъ, ноябрь; 1871 г., февраль, май, іюнь, іюль; 1872 г., январь февраль); 3) Ю. Ѳ. Крачковскаго „Очерки уніатской церкви" (Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ за 1871 г., кн. I и II и за 1876 г., кн. III

и IV); 4) Г. К. Хрусцевича въ „Исторіи замойскаго собора". Вильна. 1880 г. (гл. I и II).

229) Клирошане (клиръ) — высшее соборное духовенство при епископѣ. Оно составляло при немъ епархіальный соборъ, владѣло имѣніями, приписными приходами, вообще, пользовалось независимостью.

230) Чтенія въ Импер. общ. ист. и древ. рос. за 1871 г., кн. I, отд. I, стр. 123—124.

231) Ак. З. Р. т. IV, № 226, стр. 215—216.

232) Kulczynski, Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Romae 1723, Appendix, Synodus Cobrynensis, стр. 90.

233) Т. е. польскихъ злотыхъ. Hist. kość. ruskiego, Gysty, Krakow, 1857 г., ч. II; стр. 29. Злотъ=15 коп.

234) Kulczynski, Specimen Eccles. Ruth., Appendix, Synod Cobryn., стр. 90—96.

235) Чтенія въ Императ. общ. ист. и др. рос. 1871 г., кн. II, стр. 210.

236) Kulczynski, Specimen Eccles. Ruth., Appendix, стр. 89 — 90 и 96 — 99.

237) Чтенія въ Импер. общ. ист. у др. рос. 1871 г., кн. I, стр. 126. Маркевичъ. Ист. Малороссіи т. I, стр. 126—127.

238) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 107.

239) Бант. Камен. Ист. изв. объ уніи стр. 67 — 70.

240) Вѣстн. юго-зап. Рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 141.

241) Ibid. стр. 141; Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 108—115; Макарій. И. Р. Ц. т. XI, стр. 261.

242) Соловьевъ. Ист. Россіи т. X, стр. 81—83.

243) Ostrowski, Dz. i Pr. kość Polsk т. III, стр. 140; Вѣстн. юго-зап. и зап. Рос. 1884 г., мартъ, отд. II, стр. 143.

244) Письма къ патріарху Ѳеофану короля и епископа луцкаго, а также письмо гетмана Жолкевскаго къ владѣтельнымъ лицамъ Волыни, Украйны и Подоліи объ оказаніи помощи и почестей патріарху приведены у М. О. Кояловича. Лит. ц. ун. т. II, примѣч. 150.

245) Бант. Камен. Ист. изв. объ уніи стр. 71.

246) Ostrowski, Dz. i Praw. kość. Polsk. т. III, стр. 441.

247) Вѣстн. юго-зап. и зап. Рос. 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 144 и примѣч. 2.

248) Притѣсненія его были такъ велики, что обратили даже вниманіе нѣкоторыхъ лицъ изъ латинской партіи. Въ тонѣ увѣщанія смягчить свои отношенія къ православнымъ, писалъ Кунцевичу канцлеръ Сапѣга. Бант. Кам. 72—81. Спес. Likowski. Hist. unii kość. rusk. z kość. rzymsk. стр. 228. О Кунцевичѣ статья Говорскаго въ Вѣстн. зап. Р. за 1862 г.

249) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 116—117.

250) А. З. Р. т. IV, № 224, стр. 513—514

251) Примиреніе должно было состояться еще въ 1626 году въ Кобринѣ; по крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ году, на соборѣ въ Кіевѣ была объ этомъ рѣчь. Коялов. Лит. ц. ун. т. II, стр. 151.

252) Ibidem. примѣч. 167.

253) Ostrowski, Dz. i Pr. kosć. Polsk. т. III, стр. 456. Harasiew. Annal. Eccles Ruth. стр. 445.

254) Коялов. Лит. церк. ун., т. II, примѣч. 226.

255) Ostrowski, т. III, стр. 457.

256) Harasiew. Annal. Eccles. Ruth., стр. 445—446.

257) Ликовскій называетъ его епископомъ пинскимъ, какъ и Михаловича, какой титулъ, въ качествѣ коадъютора, Корсакъ, конечно, могъ носить, но въ „Свободной Галицко-Русской Лѣтописи" ему присвояется титулъ „галицкій". Литерат. сборникъ изд. галицкорусск. Матицею 1872—1873, Львовъ, 1864 г. подъ 1620 г., стр. 287.

258) Неизвѣстно почему титулующійся также, какъ Іоаннъ Шишка; Likowski. Hist. unii kosć. rusk. z kosć. rzymsk. стр. 107.

259) Ibidem.

260) Литературн. сборн., изд. гал.-рус. Матицею стр. 287, примѣчаніе. Тутъ утверждается, что на соборѣ присутствовало два православныхъ епископа Тисаровскій и Почановскій; Ликовскій-же рѣшительно отрицаетъ ихъ присутствіе. Кажется, правильнѣе будетъ думать, что присутствовалъ тогда во Львовѣ только мѣстный епископъ.

261) Коялов. Лит. церк. ун. т. II, примѣч. 226.

262) Жаль только, что ее не имѣется въ подлинникѣ. Мы приводимъ ее по Гарасѣвичу.

263) Harasiew. Annales Eccles. Ruth. стр. 446—447; литер. сборн. изд. гал.-рус. лѣт. подъ 1726 г., стр. 290—291.

264) Львовскій соборъ, описываетъ І. П. Юзефовичъ, львовскій латинскій каноникъ (Annalium urbis Leopolensis tomus extravagans, № 135), со ссылкою на іезуита Квяткевича слѣдующимъ образомъ: „Въ томъже 1629 году король Сигизмундъ, по просьбѣ дворянства той части Россіи, которая не принадлежала къ греческой схизмѣ, объявилъ уніатскимъ и схизматическимъ епископамъ (греко-русскимъ) о соборѣ, который долженъ былъ состояться 18 (?) октября того-же года. На соборъ собралось весьма много, явился и митрополитъ Іосифъ Рутскій, человѣкъ ученый и ревностный распространитель уніи съ своими семью уніатскими епископами, архимандритами и довольно многочисленнымъ клиромъ. Прибылъ и князь Заславскій, вельможи и царскій коммисаръ въ Кіевѣ, назначенный отъ имени короля представителемъ на соборѣ; къ несчастію, едва только открылся соборъ, онъ умеръ. Схизматическіе епископы, несмотря на то, что торжественно дали слово, въ назначенный день не явились. Однако-же соборъ начался въ положенное время и вышеупомянутый митрополитъ, чтобъ опровергнуть клевету (ut calumniam evelleret), составленную на уніатовъ схизматиками, будто они служатъ литургію на латинскомъ языкѣ, при многочисленномъ собраніи и на славянскомъ языкѣ совершилъ богослуженіе въ львовскомъ каѳедральномъ соборѣ (in nostra ecclesia Leopolensi cathedrali). Послѣ этой литургіи, Матѳей Бембусъ, іезуитъ, говорилъ въ собраніи (?) схизматикамъ увѣщательныя рѣчи о томъ, чтобы они приняли унію съ римскою церковью. На этомъ соборѣ уніаты доказывали въ присутствіи дворянъ, на основаніи писемъ и словъ самаго константинопольскаго патріарха, сколько разъ онъ (патріархъ) былъ зараженъ кальвинскою ересью,—и на-

столько успѣли, что русское дворянство публично объявило о своемъ желаніи принять унію съ римскою церковью; что-же касается патріарха, то онъ долженъ былъ торжественно отказаться отъ той кальвинской ереси, въ которой его обвиняли. Сверхъ того, къ нему послано было письмо отъ имени дворянства,—но оно не принесло никакого отвѣта—письмо о томъ, чтобы патріархъ и не старался оправдывать себя. Вездѣ весьма многіе изъ дворянъ переходили изъ схизмы (православія) въ католицизмъ подъ руководствомъ Прахницкаго (какъ передаетъ іезуитъ Квяткевичъ, ров. 871), внушавшаго уніатамъ ревностное усердіе къ своему дѣлу. Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою Матицею, подъ 1629 годъ; стр. 232—293.

265) Synopsis, подъ 1731 г., по Коялов. Л. ц. у. т. II, примѣч. 227. Ostrowski, Dzieje i prawa kość. Polsk. т. III, стр. 458. Likowski. Hist. unii kość. rusk. z kość. rymsk. стр. 107.

266) Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи 1864 г., мартъ, отд. II, стр. 147—149; Островскій т. III, стр. 460—465 и 468—483; Макарій. И. Р. Ц. т. XI, стр. 441; Коялов. Лит. церк. ун. т. II, стр. 165 — 180. Бант. Кам. Ист. изв. объ уніи стр. 84—100.

267) Likowski. Hist. unii... стр. 111 — 112. О Рутскомъ статья г. Говорскаго въ Вѣстн. зап. Россіи за 1864 г., мартъ.

268) Холмскій мѣсяцесловъ за 1868 г., стр. 120—121 и за 1872 г., стр. 87—93.

269) Ibidem. за 1869 г.. стр. 7, 8—10.

270) Чтенія въ Импер. общ. ист. и древ. рос. 1871 г кн. II, стр. 207—209.

271) Базиліане всегда старались разстроить проэкты основанія семинаріи для бѣлаго уніатскаго духовенства. Благодаря этому, проэктъ относительно сверженской и перемышльской семинарій не приведенъ былъ въ исполненіе также, какъ и относительно минской. Чт. въ Имп. общ. ист. и др. рос. 1871 г., кн. I, стр. 210—126.

272) Имѣемъ въ виду холмскаго епископа Якова Сушу, ратовавшаго за интересы уніи и бѣлаго духовенства. См. Холмскій мѣсяцесловъ за 1868 г., въ отдѣлѣ „холмская старина“, гл. II.

273) Эти ошибки и злоупотребленія лучше всего видны изъ постановленій замойскаго собора, которыя будутъ приведены ниже.

274) Synodus Provincialis стр. 33—34.

275) Ibidem.

276) Дѣянія этого собора изданы въ Римѣ въ 1724 году конгрегаціей de propaganda fide подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Synodus Provincialis Ruthenorum, habita in civitate Zamosciae anno 1720. Sanctissimo Domino Nostro Benedicto p.p. XIII dicata. Romae 1724 superiorum permissu. Потомъ въ 1744 году дѣянія этого собора были изданы на западнорусскомъ языкѣ подъ названіемъ „Уставы св. собора замойскаго и діоцезіальные, повелѣніемъ преосвященнаго его милости Киръ-Аѳанасія на Шептыцахъ Шептицкаго, архіепископа—митрополита кіевскаго и всея Россіи, епископа львовскаго и галицкаго и пр. (Востоковъ т. II, стр. 247, пр. 2). Затѣмъ въ 1777 и 1785 гг. дѣянія этого собора еще разъ были изданы на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Synod Prowincialny Ruski, w mieście Zamościu roku 1720 odprawiony

и проч. w Wilnie. Изъ польскихъ писателей о замойскомъ соборѣ упоминаетъ Островскій (Dzieje i prawa kość. Polsk. т. III, стр. 648—653 (изд. 1793 г.) и Likowski (Histor. unii kość. rusk. z kość. rzymsk. стр. 121 —127). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ соборѣ находимъ у Helleniusza (Wspomnienia narodowe, стр. 131 — 153, Paryż, 1861 г.). У Harasiewiecza о замойскомъ соборѣ см. Annal. Eccles. Ruth. стр. 478—487, Leopoli, 1862 г. Въ нашей литературѣ „Исторія замойскаго собора" Г. Хрусцевича. Вильна. 1880 г.

277) Synod. Provincialis, Decretum s. Congr. Gen. de prorag. fide, habitae die 1 Martii 1723.

278) Проэктъ уничтоженія православной и уніатской вѣры въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ 1717 г. Документы, объясн. ист. зап.-рус. края и его отнош. къ Россіи и Польшѣ, № 33, стр. 342, С.-Пб. 1865.

279) Synod. Provin., Decretum s. c. g. de propag. fide, habitae die 1 Martii 1723 an... „Clemente p.p. XI vigore literarum in forma brevis sub die 20 Martii 1716 an. hujusce synodi cura examen".

280) Ostrowski. Dz. i prawa kość. Polsk. Томъ III, стр. 651.

281) Likowski. Hist. unii kość. rusk. z kość. rzymsk. стр. 120.

282) Бант. Камен. Извѣстіе объ уніи (изд. 1864 г.), стр. 146.

283 Synod Provincialis, стр. 41—43.

284) Synod. Prov., стр. 32—33. Decret. s. c. prop. fide habitae die 27 Maii 1715 an.; Synod. Prowincialny Ryski (по виленск. изд. 1785 г.) стр. 1—2.

285) Synod. Provincialis Romae, 1724 an. стр. 43—45; Synod. Provincialny Ruski, w Wilnie, 1785 г. стр. 14—18.

286) Посланіе это адресовано на имя архимандрита Іоанна Радзиминскаго. Однако, кажется, оно не было посланіемъ именнымъ, адресованнымъ только Радзиминскому. Контекстъ его заставляетъ предполагать, что оно предназначалось всѣмъ вообще, и епископамъ, и архимандритамъ. Что-же касается того, что въ римскомъ изданіи соборныхъ актовъ оно имѣетъ адресъ къ архимандриту Радзиминскому, то это можно объяснить тѣмъ, что послѣдній былъ первымъ адресатомъ, которому (по аналогіи даже съ теперешней практикой въ окружныхъ предписаніяхъ благочинныхъ, духовниковъ и пр.) прислано было посланіе для передачи слѣдующему и его адресъ, какъ первый, вошелъ въ изданіе.

287) Synod. Provinc. стр. 33—35; въ вилен. изд. стр. 3—5.

288) Ibidem. стр. 35—36; вил. изд. стр. 6—7.

289) Ostrowski. Dz. i Pr. kość. Polsk. т. III, стр. 651—652.

290) Synod. Provinc. стр. 7—37; вил. изд. стр. 9.

291) Этотъ послѣдній, какъ видно изъ актовъ собора (стр. 54; вил. изд. стр. 33) пріѣхалъ только ко второму засѣданію (12 сентября по нов. ст.).

292) Syn. Provnic. стр. 21—22; 7—13.

293) Ibidem.

294) Ibidem. стр. 127; вил. изд. 170—171.

295) Послѣднихъ было только два. Synod. Prov., стр. 11.

296) Ibidem.

297) Ibid. стр. 36; вил. изд. стр. 8. Такое-же объявленіе было прибито и на дверяхъ замойской латинской коллегіи.
298) Ibid. предисл. см. „Oratio"... Вил. изд. „Mowa".
299) Ibid. стр. 41—45; вил. изд. стр. 10—18.
300) Ibid. стр. 45—52; вил. изд. стр. 19—30.
301) Ibid. стр. 52; вил. изд. стр. 29—30.
302) Въ цитируемомъ нами, наравнѣ съ римскимъ, виленскомъ изданіи эти буллы помѣщены 28 марта 1391 г.
303) Synodus Provincialis, стр. 53; вил. изд. стр. 31.
304) Ibidem.
305) Ibid. стр. 54; вил. изд. стр. 34.
306) Ibidem. и стр. 12.
307) Ibid. стр. 54.
308) Ibid. стр. 55—59; вил. изд. 34—42.
309) Ibid. стр. 60—61. Titulus Secundus; вил. изд. стр. 42—45.
310) Ibid. стр. 62—62. Titulus tertius; вил. изд. стр. 45—106.
311) Ibid. Titulus quartus, стр. 92; вил. изд. стр. 106—108.
312) Ibid. Tit. quintus, стр. 93; вил. изд. 108—109.
313) Ibid. Titulus sextus, стр. 94—101; вил. изд. 109—123.
314) Ibid. стр. 101—102, Titulus septimus; вил. изд. стр. 123—125.
315) Ibid. стр. 102—103, Tit. octavus; вил. изд. стр. 125 — 127.
316) См. въ предисловіи „Taxa cancelariae".
317) Synod. Prov.: Tit. nonus стр. 103—104; вил. изд. стр. 127—129.
318) Ibid. стр. 104—107, Tit. decimus; вил. изд. стр. 129—135.
319) Ibid. Titulus unodecimus, стр. 107—109; вил. изд. стр. 135—140.
320) Ibid. стр. 109 — 112, Titulus duodecimus; вил. изд. стр. 140—146.
321) Ibid. стр. 112 — 113, titulus decimes tertius; вил. изд. стр. 146—148.
322) Ibid. стр. 114 — 116, titulus dicimus quartus; вил. изд. стр. 148—153.
323) Обычай давать „презенту" до сихъ поръ существуетъ въ Галиціи, гдѣ большая часть церквей имѣетъ своихъ патроновъ.
324) Какія трудности приходилось преодолѣвать ставленнику, прежде чѣмъ онъ могъ получить священство, объ этомъ см. „Вѣстн. Европы" за 1872 г., стр. 612, примѣч. 2.
325) Synodus Provincialis, titulus decimus quintus, стр. 116 — 118; вил. изд. стр. 153—157.
326) Ibid. стр. 119—122; tit. dec. sext.; вил. изд. стр. 158—163.
327) Ibid. стр. 122—123, tit. dec. septim.; вил. изд. стр. 163—165.
328) Ibid. Titulus dicimus octavus.
329) Ibid. стр. 124 и дал. titul. dec. nonus.; вил. изд. стр. 164—5 и дал.
330) Synodus Provincialis, стр. 125—127; вил. изд. стр. 168—172.
331) Ibid. стр. 142—143 и въ вил. изд. 198—199.
332) Likowski. Historya unii kość. rusk. z kość. rzymsk. стр. 25. Syn. Prov. предисловіе.
333) Ibidem.
334) Ibidem.

335) См. Syn. Prov. de Baptismo стр. 67 и др.
336) Paryż, 1861 г., стр. 140.
337) Likowski. Hist. unii kość. rusk. z kość. rzymsk. стр. 126—127.
338) Ostrowski, Dz. i Prawa nar. Polsk. 1793 г., т. III, стр. 652—663.
339) Толстой, Іосифъ, митроп. литов. и возсоединеніе уніатовъ съ правосл. церк. въ 1836 г. С.-Пб. 1869 г., стр. 27.

340) Въ разсматриваемое нами время православная церковь окончательно подавлена была уніей. Оставались православными только бѣлорусская епархія и нѣкоторые монастыри въ различныхъ мѣстахъ Рѣчи-Посполитой.

341) Кояловичъ. Чтеніе по ист. зап. Рос. стр. 286.
342) Арх. юго-зап. Рос., ч. I, тому II и III.
343) Ibid. ч. I, т. IV, стр. 90. Предисловіе.

344) У насъ были подъ руками эти соборныя опредѣленія, отпечатанныя въ Супраслѣ. Дата ихъ обозначена 10 іюня 1725 г. По формѣ своей они представляютъ большой листъ мелкой печати въ 3 столбца; польскій языкъ перемѣшанъ съ латинскимъ. Одинъ изъ сохранившихся листовъ принадлежитъ теперь музею, основанному преосвященнымъ Модестомъ, при холмскомъ Св.-Богородицкомъ братствѣ, въ г. Холмѣ, Люблинской губерніи.

345) Арх. юго-зап. Рос. т IV, ч. I. Предисл. стр. 92 — 63 и 478—483, № 205. Между фактомъ насильнаго принятія уніатами латинства на замойскомъ соборѣ и указаніемъ Сѣраковскаго въ своемъ проэктѣ тѣсной связи уніи съ православіемъ противорѣчія нѣтъ. Такова именно и была унія, что корни ея росли въ православіи (на что Сѣраковскій и указываетъ), а листва была латинская.

346) Ibid. Предисловіе стр. 483—509.
347) Ibid. Предисловіе стр. 94.

348) Арх. юго-зап. Рос. т. IV, ч. I. См. подробный перечень насильственныхъ мѣръ, принятыхъ католическимъ духовенствомъ для обращенія уніатовъ въ латинство. Стр. 521, 524, 524, 525, 531, 544, 550, 557 и др.
349) Кояловичъ. Чтеніе по ист. зап. Рос. стр. 293—293. С.-Петерб. 1884 г

350) Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej. Историч. зап. Ѳ. Бродовича, стр. 103—106, Львовъ, 1861 г. Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности, стр. 114—118. Вильно. 1864 г.
351) Извѣстіе объ уніи Бант. Каменскаго, стр. 358. Вильно. 1864 г.
352) Бродовичъ, стр. 106—113.
353) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. IV, стр. 82—83.
354) Кояловичъ. Ист. возсоедин. зап.-рус. ун. стар. вр., стр. 213. С.-Петербургъ. 1884 г.
355) Грамоты этихъ іерарховъ напечатаны у Бант.-Камен. Историч. изв. о возн. въ Польшѣ уніи, стр. 361—365. 1864 г.

356) Кояловичъ. Ист. возсоед. зап.-рус. ун. стар. вр., стр. 360—364; 372—373 и др. Польскіе писатели насчитываютъ 8 милліоновъ возсоединившихся отъ перваго раздѣла Польши до 1796 г.

357) Коялов. Чт. по ист. зап. Рос. стр. 365—366. Москва. 1884.

358) Его-же. Ист. возсоед. зап.-рус. ун. стар. вр. стр. 355.

359) Likowski. Hist. unii kosć. rusk. z kosć. rzymsk. стр. 165.

360) Кояловичъ. Лекціи по ист. зап. Рос стр. 365 — 379. Москва. 1864 г.

361) Ibid. стр. 380.

362) Likowski. Hist. unii kosć. rusć. z kosk. rzym. стр. 168.

363) Указъ этотъ приведенъ въ „Запискахъ Іосифа, митрополита литовскаго" т. I, стр. 52.

364) Въ изданныхъ недавно Императорскою академіею наукъ „Запискахъ Іосифа, митрополита литовскаго" помѣщена прекрасная автобіографія его. Въ виду этого мы не останавливаемся на личности в — наго Іосифа, а резюмируемъ только дѣятельность его и ея послѣдствія, окончившіяся полоцкимъ соборомъ.

365) Ibid. стр. 31.

366) Ibid. 32—41.

367) Ibid. стр. 61—62. Толстой. Іосифъ, митр. лит. стр. 42—43. Кояловичъ. Лекціи по ист. зап. Рос. стр. 384.

368) Записки Іосифа, митр. лит. т. I, стр. 68—69.

369) См. прилож. къ I т. записокъ подъ № 40. Ibid. №№ 44, 45, 46.

370) Ibid. № 53.

371) Ibid. № 71—72.

372) Ibid. стр. 114—115.

373) Лекціи по ист. зап. Рос. стр. 390.

374) Записки Іосифа, митр. лит. т. II, № 23.

375) Поповъ. Судьбы уніи въ русской холмской епархіи стр. 66.

376) Записки митрополита Іосифа стр. 116—125.

377) Правда объ уніи къ православнымъ христіанамъ. Малышевскаго, стр. 103 — 104. Записки Іосифа, митрополита литовскаго, т. I, стр. 119—123.

378) Правда объ уніи, Малышевскаго, стр. 107.

379) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, т. I, стр. 125.

380) Противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ. 1883 года (переводъ съ латинскаго языка). Нынѣ о. Іоаннъ, страдалецъ за русское дѣло, присоединился къ православной церкви, возведенъ въ санъ протоіерея и живетъ въ Кіевѣ.

Оглавленіе.

Стр.

Мѣры, подготовлявшія унію 3

Брестскій соборъ, провозгласившій церковную унію 1596 г. 36

Православные и уніаты послѣ провозглашенія брестской церковной уніи 61

Новогрудскій уніатскій соборъ 69

Кобринскій соборъ 74

Львовскій соборъ 84

Замойскій соборъ 92

Унія послѣ замойскаго собора. — Унія послѣ раздѣловъ Польши.—Полоцкій соборъ 1839 года и возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ 131